

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ



ПРОБЛЕМНАЯ ГРУППА

Логический анализ языка

ДЕЙСТВИЕ:

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

Тезисы докладов

Москва 1991

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ПРОБЛЕМНАЯ ГРУППА

Логический анализ языка

ДЕЙСТВИЕ:

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

Тезисы докладов

Москва 1991

П У Б Л И К А Ц И И
ПРОБЛЕМНОЙ ГРУППЫ "ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА"

Пропозициональные предикаты в лингвистическом и логическом аспекте. Тезисы докладов. М, 1987.

Прагматика и проблемы интенциональности. М, 1988.

Референция и проблемы текстообразования. М, 1988.

Логический анализ языка. Вып. 1: Знание и мнение. М, Наука, 1988.

Логический анализ языка. Вып. 2: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М, Наука, 1989.

Логический анализ языка. Вып. 3: Противоречивость и аномальность текста. М, Наука, 1990.

Концептуальный анализ: методы, результаты, перспективы. Тезисы докладов. 1990.

Тождество и подобие, сравнение и идентификация. М, 1990.

Логический анализ языка. Вып. 4: Культурные концепты. М, Наука, 1991.

По материалам конференции "Действие: лингвистические и логические модели" предполагается составить вып. 5 ежегодника "Логический анализ языка" (Наука, 1992).

Ответственный редактор публикаций – Н. Д. АРУТЮНОВА

Ответственный секретарь – Н. К. РЯБЦЕВА

Предварительные заказы на ежегодник "Логический анализ языка" принимаются в магазинах "АКАДЕМКНИГА"

© Институт языкознания АН СССР 1991

ОБ ОПИСАНИИ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ
В СЛОВАРЕ СИНОНИМОВ

1. В настоящее время лексикографическая группа Института русского языка работает над новым толковым словарем синонимов. На долю автора выпало описание синонимических рядов глаголов, т.е. слов, для которых основным является значение действия.

Ясно, что каждый синонимический ряд обладает индивидуальностью, которая должна быть отражена в его лексикографическом портрете. Однако с другой стороны много конкретных рядов могут принадлежать к одному и тому же лексикографическому типу. Такие ряды должны описываться единообразно в той мере, в какой они обнаруживают совпадающие черты. Это требует разработки некоторых общих принципов описания отдельных слов и целых синонимических рядов со значением действия.

2.1. Семантическая структура слова со значением действия в некотором смысле ничем не отличается от семантической структуры других слов. Как будет ясно из нижеследующего, она включает в общем случае пресуппозиции, ассерцию, мотивировки, модальные рамки, рамки наблюдения и, возможно, некоторые другие слои смысла. Отличие имен действий от слов с другой семантикой состоит преимущественно в том, что они описывают сложные многоаспектные ситуации, формальная экспликация которых требует характеристики свойств участников, их положений, их взаимоотношений и т.п. Иллюстрация – семивалентный (семиактантный) глагол ПЕРЕВОЗИТЬ I с валентностями субъекта, объекта, инструмента-места (на чем перевозят), начальной точки, конечной точки, преодолеваемого объекта (через что перевозят), маршрута (по чему везут). Полная номенклатура актантов, характеризующих действия, включает до тридцати элементов. Список с иллюстрациями.

2.2. Актантная структура данного предикатного слова (в нашем случае – глагола со значением действия) определяет не только его семантическую структуру и синтаксическую структуру содержащих его высказываний, но и стандартный набор его дериватов, характер полисемии и многое другое. Иллюстрация. Однако для словаря синонимов первостепенный интерес представляет то обстоятельство, что именно к актантной структуре глагола сводится большинство тех семантических признаков, которые оказываются различительными для элементов

синонимического ряда. Иллюстрация – словарная статья глаголов РИСОВАТЬ I, ЗАРИСОВЫВАТЬ I, ПИСАТЬ I.I, МАЛЕВАТЬ. Описание строится по схеме, которая была разработана мной в "Англо-русском синонимическом словаре"; новыми являются лишь зоны аналогов, конверсивов, антонимов и дериватов, помещаемые в конце словарной статьи. Статья воспроизводится в сокращенном виде, но с соблюдением всех формальных требований, принятых в разрабатываемом словаре синонимов русского языка.

3. Синонимический ряд РИСОВАТЬ I.I. [СОВ нарисовать], ЗАРИСОВЫВАТЬ I [СОВ зарисовать], ПИСАТЬ I.I [СОВ написать], разг. МАЛЕВАТЬ [СОВ намалевать] 'двигать предмет по какой-л. поверхности так, что на ней появляется видимый образ какого-то объекта'.

[3] Синонимы отличаются друг от друга по следующим смысловым признакам: 1) наличие – отсутствие изображаемой натуры; 2) свойства продукта деятельности, в частности, мера подобия изображения и объекта; 3) цели изображения, в частности, наличие у продукта деятельности эстетической функции; 4) свойства объекта, находящиеся в фокусе внимания и являющиеся предметом изображения; 5) наличие и характер используемых деятелем инструментов и средств; 6) свойства самого деятеля; 7) оценка действия или его результата говорящим.

По признаку наличия – отсутствия изображаемой натуры рисовать, писать и малевать противопоставляются зарисовать. Когда говорят Он рисовал <писал, малевал> льва <бульвар Капуцинов>, могут иметь в виду либо реальный изображаемый объект (т.е. самого льва, сам бульвар Капуцинов), либо только тот образ объекта, который возникает на бумаге, на полотне и т.п. В отличие от этого зарисовать всегда предполагает натуру, т.е. существующий вне сознания художника объект, постоянно наблюдаемый им в процессе его воспроизведения: Он много ездил по русскому Северу и везде зарисовывал церкви.

Обязательное наличие натуры в случае зарисовать и необходимости следовать ей предопределяет разбиение синонимического ряда на те же две группы и по признаку меры подобия изображения и объекта. Зарисовать предполагает попытку ухватить и зафиксировать текущее или наблюдаемое состояние объекта и, следовательно, внимание к мелочам, к реалистическим деталям, к тому, как он на самом деле выглядит. Между тем то, что написано, намалевано или нарисовано (картина, рисунок и т.п.) может иметь лишь отдаленное сходство с оригиналом или даже быть чистой абстракцией.

С точки зрения цели изображения в зарисовать выделяется указание на технический или подготовительный характер рисунка, на то, что он рассматривается как своего рода фотография для памяти или заготовка к будущей более серьезной работе. Такая цель исключает непосредственную эстетическую установку. т.е. установку на создание художественного образа. В этом отношении полярно противоположен зарисовать глагол писать, который всегда указывает на то, что целью изображения является создание художественного образа. Поэтому именно с письмом ассоциируется представление о методе или манере живописца, о темах его произведений. Для действий, обозначаемых двумя другими синонимами – рисовать и малевать – установка на создание художественного образа возможна, но не обязательна.

По признаку свойств объекта, находящихся в фокусе внимания, и по признаку используемых инструментов и средств синонимический ряд разбивается на две группы – рисовать и зарисовывать, с одной стороны, писать и малевать, с другой.

Рисовать и зарисовывать в большей мере предполагают передачу контуров и форм изображаемого объекта, а писать и малевать – передачу его цвета и колорита: Написана ["Игра в кегли"] хорошо, нарисована тоже недурно; но ведь это скука (Крамской).

Рисуют и зарисовывают карандашами, углём, мелками, чернилами, тушью, но обычно не красками и, во всяком случае, не масляными. Пишут красками, но не карандашами, углём и т.д. Малюют и тем и другим, но преимущественно красками. Рисовать, кроме того, можно любым другим предметом, способным оставлять след на поверхности: рисовать палкой <веточкой, пальцем> на песке. Тем самым для рисовать достаточно либо инструмента (например, палочки), либо средства (например, угля). В действии писать должны участвовать и инструмент (кисти), и средства (краски): писать колонковой кистью, писать маслом. Для малевать это желательно, хотя и не обязательно, т.е. малевать скорее разновидность писать, чем разновидность рисовать.

Писать, и в меньшей мере, малевать, зарисовывать предполагают определённую профессиональную подготовку или умение. Для рисовать это необязательно: Все дети любят рисовать.

Малевать отличается от трех остальных синонимов оценочным компонентом – указанием на небрежность, халтурность или безвкусность работы или на то, что полученное изображение не имеет в глазах говорящего никакой эстетической ценности.

К. Рисовать и писать в форме НЕСОВ допускают абсолютное употребление: Он стоял у мольберта и рисовал < писал>. Для малевать это нехарактерно, а для зарисовывать — невозможно.

С. Поскольку рисовать, писать и малевать не указывают на обязательное наличие натуры, они свободно сочетаются с существительными, обозначающими типичные продукты деятельности художника (картины, портреты, эскизы, этюды и т.п.). При этом рисовать обладает наибольшей свободой, ср. рисовать натюрморт <картину, эскиз, стрелку, звездочку, эмблему, диаграмму, график>. Пишут и малют не любые образы, а преимущественно картины. Для зарисовать такие сочетания в указанном значении невозможны.

В сочетании с наречиями положительной и отрицательной оценки у всех синонимов (но у малевать в меньшей степени) может возникать потенциальное значение 'уметь рисовать', 'уметь писать' и т.п.

И. Зона иллюстраций для краткости опускается.

АНАЛ изображать; запечатлевать; передавать; набрасывать; вырисовывать; срисовывать; гравировать; лепить, ваять; выжигать; вышивать; татуировать; чертить; расписывать; иллюстрировать.

КОНВАНАЛ позировать.

ДЕР рисование, письмо; художник, рисовальщик, живописец [от писать], мазила [от малевать]; рисунок, картина, эскиз, этюд, зарисовка, мазня [от малевать]; модель, натура [изображаемый объект действительности]; рисовальный [предназначенный для рисования]; рисованный [исполненный техникой рисунка]; дорисовывать, зарисовывать 2, подрисовывать, пририсовывать, прорисовывать, разрисовывать, изрисовывать, перерисовывать, порисовать, прорисовать.

Лексикографическое описание глаголов со значением природного процесса.

Цель этой работы – сформулировать некоторые общие свойства глаголов со значением природного процесса. Это даст возможность более или менее единообразно описать их в словаре. Внутри этого класса глаголов нами было выделено четыре семантических группы на основе пяти тестов. Глаголы внутри каждой из этих групп обладают, помимо общих семантических свойств, сходством видовых характеристик и сочетаемости, а также похожими семантическими связями с другими словами.

Предлагаются следующие тесты для классификации процессов:

1. Наличие/отсутствие актуально-длительного значения НСВ;

2. Предельность/непредельность;

3. Возможность/невозможность прекращения хода процесса из-за его внутренней исчерпанности, являющейся неизбежным результатом самого этого процесса (признак 3 не совпадает с признаком 2, но включается в него, так как предельность *энциклопедическая* не всегда сопровождается предельностью *языковой*; ср. глаголы *гореть* и *сгорать*);

4. Наличие/отсутствие изменения в ходе процесса (признак 4 включается в признак 3, так как не всякое изменение имеет предел; ср. например, глаголы *уменьшаться*, *краснеть*, *толстеть* – см. Гловинская 82);

5. Обращенность во внешний мир/сосредоточенность в себе. Этот признак, разграничивающий процессы и состояния, может иметь разные проявления. Одно из них – наличие у процесса каких-то видимых характеристик, позволяющее ему использоваться в *как-предложениях*, где *как* \approx *что*: ср. *Посмотри, как течет река* при невозможности **Я вижу, как вдали лаячит вьшкка*. Другое проявление – возможность бенефактивного дательного: ср. *Нам сияла луна*, но не **Нам белели цветы*.

Каждая из четырех выделенных семантических групп характеризу-

ется определенной комбинацией перечисленных признаков.

I. Глаголы, обладающие всеми признаками, типа *сгорать*, *увядать* и т. п. Они имеют «двухслойную» семантическую структуру (СемС) – внутреннее изменение и его внешнее проявление; обычно имеют СВ; могут сочетаться с наречиями общей оценки *хорошо*, *плохо*, поскольку соответствующие процессы допускают использование; часто имеют каузативы: *кваситься–квасить*; *вариться–варить*.

II. Глаголы, обладающие признаками I,3,4,5, – *гореть*, *гаснуть*; *меркнуть*. Могут иметь «двухслойную» СемС (*гореть*), либо «однослойную» (внешняя характеристика без ее внутренней причины – *меркнуть*). Первые иногда имеют так называемый несовременный СВ: *гореть–сгореть* (формально *сгореть* – СВ от *сгорать*, но так как *гореть* обозначает процесс, в принципе конечный, он может в некоторых ситуациях получать СВ: *Дрова горели*, *горели и сгорели*); могут употребляться с наречиями общей оценки: *Дрова хорошо горят*; иногда имеют каузативы: *гореть–жечь*, *гаснуть–гасить*. Вторые имеют СВ: *умолкать–умолкнуть*; не могут употребляться с наречиями общей оценки, т. к. соответствующие процессы не допускают использования; не имеют каузативов.

III. Глаголы, обладающие признаками I,4,5: *разбухать*, *подгорать*, *подростать*, *уменьшаться*. Обычно имеют СВ; не сочетаются в СВ с предельным наречием *совсем*: *?Он совсем потолстел*; могут иметь как «двухслойную» СемС (*подгорать*, *разбухать*), так и «однослойную» (*увеличиваться*, *уменьшаться*).

IV. Глаголы, обладающие только признаками I и 5, наименее каноничные представители класса процессов: *сиять*, *светить*, *блестеть*, *течь*. Имеют только «однослойную» СемС – внешнее проявление, без указания на его внутреннюю причину; не имеют СВ; не имеют каузативов; не сочетаются с наречиями общей оценки, так как соответствующие процессы не допускают использования (использовать обычно можно то, что можно каузировать; каузировать можно то, внутренняя причина чего нам известна; глаголы этого класса не содержат указания на внутреннюю причину наблюдаемых внешних эффектов).

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ПОНЯТИИ ЦЕЛИ

1. В каждом языке выделим фонд слов, отражающих мировоззрение народа. К их числу относятся: время и вечность, свобода и воля, добро и зло, правда и истина, сила и действие, действие и его цель. В центре этого круга слов находится понятие действия (в широком смысле), поскольку именно через действие человек вступает в активные отношения с реальностью. Развитие этих отношений упорядочивает понятия о естественных родах, создает мир артефактов, формирует нормы существования человека в природной и социальной среде, структурирует его внутренний мир и вырабатывает этические критерии, делая этим шаг от категорий, локализованных во времени, к вечным истинам. Действие – это координационный центр, регулирующий отношения между человеком и миром. Не случайно к миру приложимо определение действительный, а сам он (его состояние) обозначается существительным действительность.

2. Понятие действия предполагает наличие у человека осознанной цели, цель – неотчуждаемая собственность человека. Она придает смысл действию. Действие, лишенное цели, квалифицируется как бессмысленное.

Так же как для природы характерна категория причины, для человека характерна категория цели, с тем различием, что причина ассоциируется с ненормативными явлениями и отрицательной оценкой, а цели – с положительными событиями и позитивной оценкой. Непонятность действия человек связывает с невыявленностью его цели (или мотива), непонятность "действ", разыгрывающихся в природе и социуме, – с невыявленностью их причин; ср. Я не понимаю, зачем ты это делаешь и Я не понимаю, почему вдруг сделалось темно. Природное "действие" отделимо во времени от своей причины, и это способствует формированию самих понятий причины и каузальных отношений.

Причина устанавливается в результате ментальных операций. Сама по себе она существует независимо от человека. Цель связана с действием. Достижение цели обусловлено возможностями человека. Причины существуют, цели осуществляются. Суждения-причины требуют верификации, суждения-цели – реализации.

3. Имена причина и цель – предикаты. Они имеют в качестве своего субъекта пропозициональные единицы. Суждение, квалифицируемое как причина явления, не может быть нормативным. Становясь

причиной, ценностное суждение приближается к дескриптивному. Цель, напротив, может вести к нормам и оценкам.

4. Понятие цели зародилось в контексте действий, направленных на удовлетворение жизненных потребностей. Оно, так же как понятие причины, задано природой. Однако в естественных условиях цель не отрывается от самого действия. Естественные действия не нуждаются в специальном указании на их цель. Не говорят: Я пообедал, чтобы насытиться (наесться), Я выпил воды, чтобы утолить жажду, Я спал, чтобы выспаться. В норме естественное действие имеет только одну цель, и сам вопрос о ней кажется избыточным; например: К о ч к а р е в: Зачем вам жениться? Ж е в а к и н: Как зачем? Вот, позвольте заметить, странный немножко вопрос! А известное дело зачем (Голь).

Цели, стимулированные естественной потребностью, отождествляются с пределом действия и выражаются аспектуальными средствами; ср.: есть и наесться, спать и выспаться, идти и прийти. Действия, способ и орудия осуществления которых даны природой, сами по себе еще не достаточны для формирования понятия цели. Для этого необходимо, чтобы между действием и его целью пролегла дистанция. Она имеет временное измерение, но о ней говорят в пространственных терминах; ср. ближние и дальние цели. Целенаправленное действие осмысливается как движение к пункту назначения. Цель идентифицируется с финишем, а дистанция разбивается на этапы. На каждом этапе средство превращается в цель. При стрельбе цель также отделена от стрелка, но она предметна и точечна. В нее можно попасть.

5. Растяжение дистанции между действием и целью ведет к тому, что цель становится едва различимой. Утрачивая конкретность, она сохраняет ценностные характеристики. Цель становится идеалом. Цель может быть эксплицирована в терминах конкретного высказывания, идеал – только в виде общих – ценностных и нормативных – суждений. Цель перестает быть точкой, финишем или пределом. Она превращается в процесс; ср. употребление в русском социологизированном языке формы в целях: в целях улучшения (постепенного повышения, дальнейшего совершенствования и т.п.). Неопределенность содержания маркирована мн. числом имени цель. Форма в целях неупотребительна в конкретных ситуациях: *Я пришел в целях получения ответа (нужно: с целью получить ответ или чтобы получить ответ).

6. Роль дистанции существенна для самого формирования понятия цели, для возможности ее деконкретизации и для развития выразительных средств - "языка цели". Она фундаментальна также для регуляции жизненных механизмов. Обособление цели от действия может повлечь за собой ее выход за пределы личной сферы.

Естественные действия человек осуществляет только для себя, и понятие действователя неотделимо от понятия бенефактора, а это последнее - от понятия цели. Связь бенефактора и цели зафиксирована в значениях предлога для; ср. для тебя и для развлечения. Она обнажена в следующем ироническом замечании Монтеня: "Мы утверждаем, что все предназначено для нас. для нас существует Вселенная, для нас свет, для нас гремит гром, Творец и все твари существуют для нас. Мы - цель всего".

7. Дистантность цели позволяет ей пересечь границы личных и социальных сфер. Это значит, что агенс может не совпадать с бенефактором, а комплекс "действие - цель" - распадается, распределяясь по разным сферам жизни: цель для себя может стать антицелью для другого, и наоборот, благо другого обернуться жертвой для агенса. Этика и идеология сглаживают этот разрыв понятиями высших целей и идеалов. При этом цель не отчуждается от своего носителя. Можно помогать людям, но нельзя стремиться к их целям.

Показательно в этом отношении употребление предлога ради. Он маркирует несовпадение носителя цели (агенса) и бенефактора и имеет заметную ценностную окраску. Не принято говорить "Я сделал это ради себя самого (ради собственного удовольствия)". Напротив, естественно сказать "Я сделал это не ради себя (не ради собственного удовольствия), а ради детей (блага детей)". Предлог ради обычно следует за обозначением тех действий и событий, которые оборачиваются для человека страданиями, мукой, самопожертвованием: пострадать ради ближнего, жертвовать собой ради счастья семьи. После ради естественно встретить обозначения "фиктивных" бенефакторов (- небесных сил и богов, идеалов и высших ценностей). Они заслоняют собой бенефактора-человека; ср. следующие характерные употребления: Христа ради, ради Бога, ради всего святого, ради счастья людей, ради общего блага, ради спасенья человечества и пр.

В ради-контексте имя бенефактора-человека легко получает неопределенную референцию: ради детей (людей, народа и пр.).

"Ради" синонимизируется с "во имя" с тем различием, что ради более прочно связано с контекстом действия или просьбы о действии.

8. Несовпадение бенефактора с действователем и его деонктизация сближают понятия бенефактора и цели. Имя бенефактора имплицитно несет ценностный предикат, делая возможным его развертывание в пропозицию: Я сделал это ради тебя = чтобы тебе было хорошо (чтобы ты был доволен).

Ради-контекст способствует введению понятий круга "жертвы" в интерпретацию действий. Священные по своей природе, эти понятия используются для осмысления и оценки человеческих поступков. Язык ритуала становится языком жизни.

✽

✽

✽

В заключение подчеркнем, что точно также, как действие занимает центральную позицию в поле мировоззренческих концептов, цель является организующим началом большого комплекса понятий, относящихся к действиям и делам человеческим.

Л.М.Байц

ЛОГИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТ ДЕЙСТВИЯ

Логические выражения в совершенной нормальной форме или рационально минимизированные могут быть преобразованы в качестве логического равенства. В одной стороне равенства взаимодействуют синхронизированные символы. В другой стороне равенства с определенной задержкой возникает результат взаимодействия.

При соблюдении необходимых временных соотношений, следствия из исходного равенства объективно отображают отношения смысла первоначального выражения.

Логическое выражение и следствия из него адекватно отображают динамику исчисления умозаключений, отображаемых в предложении или логическом выражении.

Комбинации символов образуют логические функции двоичных отношений. Формулы комбинаций связаны с элементарными логичес-

кими операциями. Кванторные и модальные отношения имеют глубокую аналогию с логической арифметикой.

Долгое время в логике не выходили за пределы тождественно-истинных преобразований. Алгебру логики строили не имея логической арифметики. Использование логической арифметики позволяет получить несложное подобие действия подсознания мышления.

Подъязыки двузначной логики различаются числом используемых символов. Практически, как и в простых предложениях, можно обходиться каждый раз двумя-тремя символами. Подобно сложносочиненному предложению, любой сложности логическое выражение состоит из простых выражений малого числа переменных.

Разделение по времени взаимодействия еще больше упрощает логику получения запаздывающего результата.

Элементарная логика диалектически выводится из единственной аксиомы о противоречии. Стремления к непротиворечивости и привычка противопоставлять истину лжи малооправданы. Истина, не являющаяся ложью, есть правда и наоборот. Элементарные логические отношения образуют строго объективную несложную систему, весьма действенную.

Временное логическое равенство отображает динамику мысли в отличие от статического равенства.

Направленность времени отражает изменение процесса из прошлого в будущее. Прошлое осознается в будущем. Настоящее, действительность, в любом масштабе состоит из части, уходящей в прошлое, и другой части, перемещающейся в будущее.

Диалектический подход невозможен без осознания прошлого в будущем. Действительность без прошлого и будущего всего лишь миф, поддающийся анализу лет через 70.

1. Синтаксические конструкции с типовыми значениями "состояние", "признак", "свойство", "классификация", "локализация", несмотря на очевидную разность их функциональных и формальных параметров, противопоставлены как нечто целостное модели "действие". Это противопоставление обуславливается как их семантикой, так и их структурой. С формальной стороны область распространения модели со значением прототипического действия ограничивается глагольными конструкциями. "Не-действия" выражаются, в первую очередь, связочными конструкциями вида *X есть Y*. С функциональной точки зрения указанные виды различаются по двум параметрам: по степени агентивности участников описываемой ситуации и по способу расположения ее на временной оси.

По первому параметру все разновидности моделей, относящихся к классу "не-действий", отличаются тем, что степень агентивности (активности) описываемых ими ситуаций очень низка. Очевидно, что в этих ситуациях отсутствует участник с характеристиками агенса. Впрочем, в данном случае сложность иногда представляет само выделение и разграничение в рамках конструкции предиката и его актанта (актантов). Представляется, что функционирование таких конструкций в тексте, в первую очередь, навязывает им определенную информационную структуру, в рамках которой можно говорить только о теме сообщения и самом сообщении относительно этой темы (*topic VS comment*). Используя термины "предикат и его аргументы", следует понимать некоторую их условность, особенно для ряда непрототипических конструкций.

1.1. Во всяком случае, тема сообщения в таких конструкциях может выполнять разные семантические роли по отношению к предикатируемому сообщению (локус, претерпевающий, экспериенцер, собственно тема), но никак не роль агенса. Эти семантические роли располагаются на шкале активности в зависимости от степени удаленности от прототипического агенса. Различные виды "не-действий" могут быть охарактеризованы по месту их **тематического** компонента на этой шкале.

1.2. Аналогично (в том смысле, что речь также идет о шкале) обстоит дело и со вторым параметром - отношением к времени. Если прототипические действия представляют собой в высшей степени актуализованные ситуации: локализованные во времени, существующие пофазно акты, то состояния, будучи локализованы на временной оси и существуя "в виде сменяющих друг друга фаз" [Селиверстса 1982, 97], во времени не изменяются, то есть длятся, а не протекают. Признаки не могут быть разбиты и на фазы протекания, а свойства (качества) вообще не обладают временной локализацией.

Конструкции, образующие модели со значением классификации и

локализации, либо не существуют вообще, а только целостно, либо вообще не совместимы с временной характеристикой. То есть разные виды "не-действий" (по крайней мере - выраженные связочными конструкциями) могут быть расположены по степени убывания временной локализованности. Крайние точки на этой шкале представлены: а) прототипическими действиями (*он построил дом* - максимальная локализованность во времени, "компактность"; б) классифицирующими высказываниями с экспликативной функцией (*когда это австралийский медведь*) - минимальная временная локализованность, "всевременность".

2. Характерной чертой русского синтаксиса является большое число безличных конструкций с различной семантикой. При всей разности выражаемых ими смыслов общим в прототипе безличной конструкции является отсутствие в описываемой ситуации деятеля, а точнее принципиальная его "непознаваемость" (ср. "искание истинной причины явления и признание ее неизвестной" [Пешковский 1956, 344]).

2.1. Значительную группу безличных конструкций составляют так называемые личные глаголы в безличном употреблении. Их использование связано с представлением действия в виде состояния, точнее - в виде состояния "необъяснимой способности или не-способности что-то делать" - см. [Wierzbicka 1986, 230]. Это достигается за счет безличности и связанного с ней прототипа, который выводит из ситуации деятеля, снимая тем самым ответственность за происходящее с одушевленного участника ситуации (субъекта) и возлагая ее на некую непознаваемую силу (ср. "устраненное третье лицо" [Пешковский, там же]).

- (1) а. ему легко дышалось в этом доме
- б. ночью ему отлично работалось
- в. мне что-то не спится
- г. детям всегда не сидится на месте
- д. мне не пишется

Конструкции, приведенные в (1), включают как агентивные (*работать, писать*), так и не агентивные (*дышать, спать, сидеть*) глаголы. Возможно, что для последних конструкции типа (1) вообще являются семантически более мотивированными, близкими к прототипу, так как описывают ситуацию с меньшей степенью агентивности, чем обычная глагольная конструкция, что соответствует низкой степени агентивности самих предикатов. Во всяком случае эти конструкции представляют собой не закрытый класс случаев, но живой регулярный тип "фразообразования".

2.2. Безличное употребление личных глаголов не ограничивается примерами в (1). Весьма распространены в русском языке предложения, описывающие действие, но таким способом, что агенс

в нем отсутствует, а источник его возникновения рассматривается как может быть и существующий, но неизвестный и в принципе непознаваемый.

- (2) а. ее трясло от холода
- б. его ранило (пулей)
- в. его придавило сосной
- г. на улице женщину убило
- (3) а. волной унесло лодку
- б. ветром сорвало крышу

Примеры в (2) и (3) суть непрототипические действия; отличие предложений с "устраненным" деятелем в (2) от более традиционных примеров со "стихийным" деятелем в (3) заключается в том, что в (2) претерпевающий, а точнее пациент - лицо. Непрототипичность и тех и других связана с тем, что и "устраненный", и "стихийный деятель" не могут считаться контролерами ситуации, они лишь ответственные за ее возникновение. Но это и не непрототипическое состояние, представленное в (1), что отражается в разнице семантических ролей пациента и экспериенцера, соответственно. С функциональной точки зрения предложения типа (2) близки к пассивам и неопределенно-личным предложениям: *его ранило/его ранили/он ранен*. Во всех этих случаях в коммуникативные цели говорящего не входит уточнение производителя действия, но "отсутствует" он в каждом случае по-разному и в разной степени.

3. Предложения типа (2) естественно рассматривать как квази-залоговые изменения (деривация пропозициональной структуры). Но следует отметить, что эта проблематика все же связана с описанием моделей состояния, так как коммуникативная предназначенность (квази)залоговых преобразований заключается в фокусировании внимания на состоянии, являющемся результатом действия (а не на самом действии), и на топикализации и повышении статуса не-агентивного участника ситуации. То есть (квази)пассивные конструкции "отходят" от прототипа действия по тем же направлениям (шкалам), что и состояние, а именно - степени временной локализованности и активности/инактивности подлежащего.

ТЕОРЕТИКО-ИГРОВАЯ СЕМАНТИКА ПРЕДЛОЖЕНИЙ ДЕЙСТВИЯ

В сообщении указывается, что многие семантические аспекты предложений действия получают единообразное описание, а некоторые трудные проблемы – независимо мотивированное (не *ad hoc*) решение, если использовать комбинацию хинтикковой теоретико-игровой семантики с оквистовой семантикой игровых деревьев для логики действий. Сообщение построено следующим образом:

1. Основные идеи оквистовой трактовки игровых деревьев как ключевого онтологического понятия для логики действий.

2. Способ построения теоретико-игровых определений истинности (в модели – дереве игры) для предложений действия.

Попытка применить описываемый комбинированный подход к различным проблемам семантики предложений действия:

- игровые правила для 'может' и 'сделал';
- теоретико-игровая трактовка акциональных аналогов т.наз. "ослиных предложений", например: 'Если Борис умывается, он делает это в ванной';
- обсуждение экзистенциальной репрезентации предложений действия в терминах стратегий в сравнении с давидсоновой экзистенциальной логической формой предложений действия;
- теоретико-игровая трактовка адverbиальной модификации (решение кенниевой проблемы переменной валентности глаголов действия);
- проблема кондиционалов с акциональным антецедентом, относящимся к будущему ('Если Красная шапочка дернет за веревочку, то она откроет дверь'), и ее решение.

4. Обсуждение одного методологического вопроса: комбинированный подход к семантике предложений действия в свете программы конструктивистской семантики.

Предельность

1. Если подходить к предельности / неопределенности (П / НП) с универсально-семантической точки зрения, то это приводит к выделению двух классов глаголов по признакам наличия / отсутствия в лексическом значении глагола элементов направленности действия к цели (пределу, результату) / достижения этой цели ("естественного результата"), ср. известные концепции Г. Гэррея и А.А. Холодовича. Если же исходить не только из семантики, связанной с понятием предела, но и из грамматикализации (частичной), которую получает оппозиция П / НП в данном языке, то понимание предельности (содержания и границ ^{ее} ~~и~~) может существенно измениться под влиянием языковой категоризации П, ее связей с грамматическими категориями (прежде всего с категорией вида, если она есть в изучаемом языке).

2. Значения П / НП включают не только смысловую (когнитивную) основу, универсальную по своей природе, но и идиотнический интерпретационный компонент, определяемый системой данного языка. Говоря о П / НП, мы имеем в виду не само по себе внеязыковое действие, а определенный способ его языкового представления, сопряженный именно с данной формой.

3. Различие П / НП определяется нами как наличие / отсутствие внутреннего предела в языковом представлении действия. Имеется в виду наличие любого из возможных типов внутреннего предела действия – реального или потенциального, эксплицитного или имплицитного, абсолютного или относительного. Данное определение П / НП предполагает широкое понимание предельности. Оно противостоит истолкованию, согласно которому предельным является лишь то действие, которое связано с отношением "направленность – достижение" (убеждать – убедить).

В русском языке заложенная в лексическом значении глагола способность к выражению П / НП получает языковую интерпретацию, обусловленную видовой облигаторностью, в частности, распространением СВ – носителя признака ограниченности действия пределом (признака, сопряженного с целостностью действия) – на все глаголы, способные выступать в форме СВ.

Возможность широкого истолкования предельности, имеющего "грамматические предпосылки", относится не только к славянским языкам, но и к языкам других типов (ср. суждения В.А. Плуменя о том, что в языке догон сдвиг "естественный результат" → "результат вообще" – представляет собой своего рода "плату" за грамматикализацию (ВН, 1989, № 6).

4. Выделяются типы 1) тендентивной и 2) нетендентивной предельности.

Тендентивная предельность (P_1) связана с признаком направленности действия на достижение предела (с потенциальным пределом) и с реальным достижением именно того и только того предела, на который направлено действие: добиваться – добиться, кинуть – скинуть.

Нетендентивная предельность (P_2): фиксируется предел, не предполагающий в качестве предпосылки направленность на его достижение. Ср. видовые пары типа задеть – задевать, назначить – назначать, попасть – попадать, а также несоотносительные глаголы СВ типа закричать, зашипеть, отшуметь, изломаться, прилечь, раскричаться и т.п.

Различие между P_1 и P_2 находит отражение в неодинаковом отношении к глагольному виду. Разновидность P_1 (с характерным для нее членением "направленность – достижение результата") связана с соотносительностью НСВ и СВ, тогда как разновидность P_2 представлена, с одной стороны, соотносительными по виду глаголами, а с другой – глаголами perfectiva tantum.

5. В докладе рассматривается вариативность P_1 и P_2 .

Рассматривая процессуальную (догонять) и результативную (догнать) разновидности P_1 , важно обратить внимание на возможность сочетания результативной тендентивной предельности, выраженной посредством СВ, с имплицитным элементом процессуальной тендентивности. Оттенок подразумеваемой направленности, предшествующей достижению результата, выступает как имплицитная предпосылка реального предела: Она сейчас успокоится (подразумевается 'уже успокаивается'); Через полчаса привыкли к миганию лампочки (подразумевается 'в течение полчаса привыкали').

Различаются преднамеренная и непреднамеренная тендентивность (ср. выращивать – вырастить и полнеть – пополнеть).

Преднамеренная предельность выступает в вариантах: а) конативном (Уговаривал, но не уговорил) и б) неконативном (Мы подъезжали к Новгороду).

По признаку актуальности неактуальности потенциального предела в рамках Π_1 выделяются:

1) ситуации с актуальным потенциальным пределом (при его ожидаемости, неизбежности, близости): Он уже тогда погибал от голода – 'был близок (приближался) к гибели'; Он чувствовал, что замерзает (ср. возможность продолжения: вот-вот замерзнет); данная актуализация нередко связывается с отрицательной оценкой ожидаемого результата (угрожающего, неблагоприятного для субъекта оценки; то, что угрожает, так или иначе актуально);

2) ситуации с неактуальным пределом; для смысла высказывания важен самый процесс, внимание сосредоточено на его поступательном развитии, на нарастании процессуального признака, на занятости субъекта действием, а не на потенциальном пределе; тем самым направленность действия к пределу ослабляется: Дочь день ото дня хорошела.

Π_2 может выступать в эксплицитном (выраженном глаголами СВ) и имплицитном варианте (связанном с НСВ). Можно выделить ряд типов ситуаций, для которых характерно имплицитное представление Π_2 с участием форм НСВ:

1) ситуации конкретного факта в ряде функциональных разновидностей настоящего времени, исключающих СВ; ср. настоящее историческое: Прихожу вчера домой и нахожу это письмо; настоящее сценическое: Трилецкий (идет и сталкивается у двери с Бугровым)... (А. Чехов); настоящее репортажа: Нападающий внезапно останавливается; настоящее "информационного акта": Автор утверждает (отмечает, упоминает и т.п.)...; Он отказывает вам в платеже; 2) ситуации перформативного настоящего: Приглашаю вас к столу; 3) ситуации повторяющегося и обычного действия: Я не раз подмечал на его лице это выражение; 4) ситуации обобщенного факта: Он к нам обращался.

6. Нетендентивная предельность по сравнению с тендентивной менее характеризуется. Отсутствие элемента направленности действия на достижение предела ослабляет идею предельности. Π_2 занимает в сфере предельности периферийное положение.

Е.Г.Борисова

Лексические функции *oper* , *func* , *labor* выражаются словосочетаниями, в которых первый компонент – глагол имеет значение, обычно называемое "пустым", "мобилизующим", "вносящим значение глагольности". Второй компонент – это существительное, обозначающее действие или состояние, как правило, оно связано с однокоренным глаголом. Если учесть, что нередко словосочетание, выражающее одну из названных лексических функций, имеет синоним – однокоренной глагол (вести борьбу – бороться, испытывать страдания – страдать), то создается ощущение избыточности словосочетаний указанного типа. Встает вопрос: что дает языку представление действия в "расщепленном виде"?

Представляется, что ответ связан с тремя аспектами: во-первых, это выражение большой порции смысла "в два приема", т.е. разнесение его по разным словам; во-вторых, это особенности имени по сравнению с однокоренным глаголом; в-третьих, особенности "пустого" глагола, входящего в словосочетание.

То, что в словосочетании смысл, обычно выражаемый одним глаголом, выражается двумя словами, имеет большое значение с точки зрения актуального членения. Нередки случаи, когда в рему попадает только часть значения глагола: только модус или только диктум, ср. он борется, а не бросил это дело) и он борется (, а не развлекается). В словосочетании, выражающем то же значение, модус передается глаголом, а пропозиция – существительным: вести борьбу, и более точное выражение ремы возможно за счет изменения взаимного расположения компонентов: борьбу он ведет и он ведет борьбу.

То же мы наблюдаем и при употреблении слов, сфера действия которых может быть меньше, чем значение полнозначного глагола (например, при употреблении отрицания, частиц и т.п.). Разнесение этих смыслов по разным словам снимает омонимию, ср. Борьбу он не ведет и Он ведет не борьбу.

Имя в составе словосочетания, даже если оно является регулярным отглагольным образованием, нередко обрастает особенностями, существенно отличающими его от однокоренного глагола. Эти особенности могут иметь как стилистический, так и семантический характер, достаточно сравнить слово удовлетвориться и словосочетания получить удовлетворение, а тем более получить глубокое удовлетворение.

Изменения семантического характера влекут за собой изменения синтаксических свойств слова, в первую очередь – сочетаемости. Так, нередки случаи, когда невозможна трансформация прилагательное+существительное ↔ наречие на -0+глагол. Например, вести жестокую борьбу, но не жестoko бороться, иметь важное значение, но не важно значить. Невозможность трансформации имеет место и в некоторых свободных словосочетаниях, но в выражениях лексических функций она еще значительней, что связано с изменением значения имени в составе несвободного словосочетания.

Различия в сочетаемости определяющих слов с глаголом в сравнении с сочетаемостью с существительным в определенной степени связана с тем, что определение действия, выраженного глаголом, имеет тенденцию к ориентации на деятеля. Например, словосочетание непримиримо бороться характеризует поведение деятеля, поэтому оно может быть получено в результате трансформации из словосочетания вести непримиримую борьбу. В словосочетаниях жестокая борьба, тяжелая борьба ориентация на деятеля существенно меньше (что вообще характерно для определений с существительными): жестоккой борьба может быть не только для того, кто борется, но и для того, с кем борются. Трансформация таких словосочетаний в адverbially-глагольные привело бы к смещению акцентов, некоторому изменению смысла, что потребовало бы изменения лексики: не жестoko бороться, а жестoko подавлять, не тяжело бороться, а (например) мучительно сопротивляться.

Особенности глаголов, выступающих в словосочетаниях, выражающих лексические функции типа *oper*, не играют для данных словосочетаний существенной роли: их выбор в значительной степени предопределен теми именами, с которыми они сочетаются. В некоторых случаях возможен ввод в словосочетание дополнительной информации за счет экспрессивной окраски глагола (напр. влепить поцелуй, закатить пощечину), однако такие случаи больше характерны для выражений лексических функций с фазовым значением.

Таким образом, можно утверждать, что переход от глагола к "расщепленному" обозначению того же действия позволяет снять омонимию за счет разнесения фрагментов смысла по разным словам, внести некоторые краски в обозначение действия – как за счет особенностей имени, так и за счет "полуспомогательного" глагола в словосочетании, расширить возможности определения действия.

ПРЕДИКАТЫ ЖЕЛАНИЯ И ГРАНИЦЫ МЕНТАЛЬНОЙ И АКЦИОНАЛЬНОЙ СФЕР

Желание, являясь мотивом всех произвольных невинужденных действий субъекта, занимает центральное место в человеческой психике. Фундаментальность желания, которое "есть сама сущность и природа каждого" (Б.Спиноза), на фоне всех прочих "страстей души" объясняется, очевидно, его смылосозидающей функцией, способностью превращать "просто вещи в цели и средства" (R.Solomon). 'Желание' в качестве семантического множителя может входить в описание практически любого эмоционального проявления психики человека, требующего от него адекватной реакции: гнев вызывает желание отомстить и наказать, отвращение – желание удалиться от объекта, стыд – желание спрятаться и т.д.

Деятельность, к которой применимо телеологическое объяснение, состоит из действий, в которых выделяются два момента: "внутренний", ментально-интенциональный, и "внешний", материальный, относящийся к способу реализации намерения. Желание лежит в основе любой целенаправленной деятельности и присутствует в составе всех операций, направленных на достижение результата этой деятельности, начиная от постановки цели и выбора средств. Первоначально "чистое" желание как "стремление без траты сил для создания объекта" (И.Кант) еще на подготовительном, ментальном этапе действия осложняется рациональной оценкой в форме прогноза шансов на его благополучное осуществление и волевым моментом как готовностью субъекта проявлять настойчивость в достижении цели и осуществлять сознательный выбор средств этого достижения. В семантических классификациях языковых средств выражения желания отражается деление процесса осуществления действия на ментальную, подготовительную стадию (думать, намереваться, собираться, решать) и исполнительную, материально-ментальную (пытаться, стараться и пр.).

С известной долей риска можно предполагать, что существование в ряду предикатов желания квазисинонимов, подобных русским "желать" и "хотеть", является универсалией для романских и германских языков (Ср. to wish-to want, wünschen-wollen, desirer /souhaiter-vouloir, desear-querer etc.). Оба этих глагола отправляют к психическому состоянию субъекта, вызванному переживанием какой-либо его потребности, но если взять их в контексте деятельности, то оказывается, что они относятся к ее различным стадиям:

желание стоит у ее истоков и связано с выработкой цели, "хотение" же включает в себя уже знание о средствах и способах достижения этой цели. С отнесенностью к различным этапам деятельности связаны и основные семантические различия желания и "хотения": если первое автономно, неподконтрольно субъекту, "бессильно" – не связано непосредственно с выполнимостью и волевыми усилиями субъекта, то второе, напротив, направлено на выполнимый во мнении субъекта объект, связано с волей, настойчивостью, готовностью прилагать усилия для достижения цели, сознательным выбором способов и средств такого достижения, преднамеренностью и подконтрольностью.

Именно эти предикаты (*to wish-to want, wünschen-wollen, desirer/souhaiter-vouloir, desear-querer etc.*) чаще всего представляют в языке ядро выразительных средств деизидеративной оценки. Между ними распределяются основные языковые (словарные) реализации 'желания': "стремление к достижению, свершению чего-либо, владению чем-либо"; "пожелание" ("желать кому-либо чего-либо") и "любовное влечение". Предикаты эти являются квазисинонимами, т.е. взаимозаменяемы частично, лишь передавая первое из отмеченных значений. Характер синонимии "желать" и "хотеть" определяется присущим каждому из этих предикатов различным набором речевых функций. Если речевые функции "желать" (*to wish, wünschen, souhaiter, desear etc.*) связаны со стилевой маркированностью и оценочностью (особенно в русском языке) этого предиката, то речевые функции "хотеть" (*to want, wollen, vouloir, querere etc.*) связаны преимущественно с реализацией этим предикатом интенционально-волевого момента: в речевом употреблении он способен передавать намерение, решение, попытку и реализованное желание.

Основное семантическое отличие "хотения" от желания – подконтрольность реализации объекта – связано с совпадением диктального и модального субъектов: субъекта, испытывающего желание, и субъекта, выполняющего действие, направленное на достижение этого желания. Синтаксическим условием подобного совпадения субъектов является инфинитивная конструкция. Различия в семантике предельностных (ментальных) и действностных (акциональных) реализаций "хотеть" могут быть описаны при помощи таких характеристик, как 1) интенциональность–экстенциональность 'желания' – невыход-выход за пределы ментальной области; 2) степень волевого участия субъекта, готовности прилагать усилия к реализации объек-

та желания; 3) реализованность–нереализованность(результативность) действия инфинитива; 4) завершенность–незавершенность выбора целей и средств достижения желания. Тогда в ситуации невыхода желания за пределы ментальной сферы, незавершенности выбора средств достижения желания, нереализованности действия инфинитива и готовности субъекта прилагать усилия к достижению объекта желания "хотеть" передает значение намерения. В подобной же ситуации, но при условии завершенности перебора альтернатив основного выбора, "разрешения борьбы мотивов" (С.Л.Рубинштейн), "хотеть" передает значение решения. В ситуации выхода желания за пределы ментальной сферы – начала, но незавершенности (неудачи) действия зависимого инфинитива, завершенности выбора средств, готовности субъекта прилагать усилия для достижения объекта желания "хотеть" передает значение попытки. Если же действие зависимого от "хотеть" инфинитива результативно, т.е. начато и успешно закончено, то этот глагол передает значение реализованного желания.

В конкретном речевом употреблении "хотеть" в конструкции с инфинитивным дополнением либо передает "чистое желание" и семантические признаки, отличающие его от предиката "желать" нейтрализуются, либо он передает "хотение" в одной из его перечисленных "ипостасей". Однако реализация семантических признаков выполнимости объекта 'желания' и подконтрольности действия инфинитива в большинстве случаев речевого употребления предиката "хотеть" не абсолютна: действие инфинитива здесь можно почти всегда представить как зависящее – хотя бы опосредованно – от воли субъекта ("Я хочу забыться и заснуть" – я могу выпить для этого снотворное; Хочешь развеселиться – "Откупори шампанского бутылку (Иль перечти "Женитьбу Фигаро" и пр.). Тем самым граница, разделяющая чисто ментальную и ментально–акциональную сферы (желание и "хотение"), в семантике речевых употреблений этого предиката носит зыбкий, неопределенный характер. В значительной мере неопределенной является также граница, разделяющая преддательственные (намерение и решение) и действительные (попытку и реализованное желание) употребления этого предиката: в большинстве случаев разрешающая сила контекста оказывается недостаточной, и он допускает множественность интерпретаций речевых функций этого предиката.

К ВОПРОСУ О ГЛАГОЛАХ ДЕЙСТВИЯ И ТРЕХ СФЕРАХ ПОЗНАНИЯ

1. Глаголы действия понимаются в данном докладе как глаголы, обозначающие физические или ментальные действия **л и ц а**. Таким акциональным глаголам противопоставляются глаголы не акциональные, выражающие разного рода отношения между предметами или указывающие на местоположение, состояние предмета. По мнению Г.А. Золотовой, категория акциональности/неакциональности, выражающая соответствие (изосемичность) или несоответствие (неизосемичность) того или иного глагола категориально-семантическому значению действия, является высшей ступенью в семантической иерархии глагольных слов.

Для значительной части глаголов русского языка признак акциональности/неакциональности не является постоянным, присущим данному глаголу во всех его значениях и употреблении. Развитие абстрактного мышления привело к возникновению в языке множества метафорических переносов. Так, глагол, акциональный в своем первом (по словарю) значении выступает как неакциональный при наличии, например, актанта, выраженного неодушевленным существительным в именительном падеже, например:

- 1) Человек **н е с е т** чемодан по вагону.
Лошади **н е с у т** телегу под гору.
- 2) Ветер **н е с е т** тучи.
Фашизм **н е с е т** гибель человечеству.

Таким образом, выделяются глаголы: 1) акциональные (**к о л о т ь** дрова); 2) неакциональные (**ц в е т ы в я н у т**), а также акциональные глаголы в метафорическом употреблении, то есть перешедшие в неакциональные (**в р е м я б е ж и т**).

2. Другим важным признаком глагольного слова является признак наблюдаемости/ненаблюдаемости обозначаемого действия (Г.А.Золотова, А.В.Бондарко). Под наблюдаемым понимается такое действие, которое может быть воспринято органами чувств человека, например: **п и т ь** чай, **д е р ж а т ь** за рукав, **е с т ь** ножом и вилкой и т.п. Примеры глаголов, обозначающих ненаблюдаемое действие: **г о р д и т ь с я**, **з а б ы в а т ь**, **д р у ж и т ь** и т.д. Признак наблюдаемости, как и признак акциональности, "не безразличен" к семантике актантов глагола, например:

1. О б л о ж и т ь больного подушками – наблюдаемое действие;
2. О б л о ж и т ь кого-либо налогом – ненаблюдаемое действие.

Таким образом, глаголы могут быть: 1) наблюдаемыми (л е п и т ь статую); 2) ненаблюдаемыми (о р г а н и з о в а т ь новую фирму); возможен переход наблюдаемых глаголов в разряд ненаблюдаемых (п о д ч е р к н у т ь слово – п о д ч е р к н у т ь важность вопроса). В таких случаях семантический акцент падает на существительное, глагол лишь "подкрепляет" его категориальное значение, т.е. становится компенсатором.

В результате, у глагольного слова может быть следующая комбинация указанных признаков:

- 1) акциональность наблюдаемость: з а д е р ж а т ь уплывшие бревна;
- 2) акциональность ненаблюдаемость: з а д е р ж а т ь высадку десанта;
- 3) неакциональность наблюдаемость: гроза о с в е ж и л а воздух;
- 4) неакциональность ненаблюдаемость: о с в е ж и т ь свои силы сном.

3. В работе Г.А.Золотовой "Очерк функционального синтаксиса русского языка" указывается на возможность видо-временной формы русского глагола представлять явление как единичное, конкретное, как повторяющееся, типичное или как явление обобщенное, возведенное в степень абстракции. Сходные идеи находим у Ж.Дюрена; согласно его теории, когнитивный языковой мир человека моделируется тремя разными концентрическими сферами:

1) сфера актуального и отдельного (единичного); это сведения, полученные непосредственно органами чувств и вербализированные без обращения к долгосрочной памяти. Пример предложения, относящегося к первой сфере познания: Н о з д р и е г о к р у п н о г о к р а с и в о г о н о с а з а п р ы г а л и (В.Шукшин. Штрихи к портрету).

2) сфера неактуального и частного (повторяющегося), созданная знаниями, накопленными из узуса, из повторений, из продолжительности, длительности действия, превышающей в масштабе отдельного индивида временную пядь ситуации конкретного наблюдения, например: И в с е - т а к и ж и з н ь с и л ь н е е а р х и т е к т у р н ы х и д и л л и й, д о м а т е р я ю т п е р в о н а ч а л ь н ы й и и з л и ш н и й г л я н е ц, о б р а с т а ю т п л ю -

щом и глицинией, случайными подробностями, судьбой ("Спутник", апрель 1987 г.).

3) сфера вневременного и генерического, где наличествуют элементы смысла, накопленные всеобщей, а то и всечеловеческой памятью; данные высказывания, часто застывшие, как будто изречаются "ничьими устами", их принимают как истинные в идеальном случае абсолютно все, например: Без труда не вынешь и рыбку из пруда (рус. посл.).

Видо-временные формы русского языка, организующие различные типы речи, можно распределить по указанным сферам следующим образом:

I. СФЕРА АКТУАЛЬНОГО:

- 1) настоящее актуальное;
- 2) настоящее с кратко-ограничительным значением;
- 3) имперфект прошедшего актуальный;
- 4) прошедшее с кратко-ограничительным значением;
- 5) аорист актуальный;
- 6) перфект актуальный.

II. СФЕРА НЕАКТУАЛЬНОГО:

- 1) настоящее узуальное;
- 2) настоящее качественное;
- 3) настоящее потенциальное;
- 4) аорист неактуальный;
- 5) прошедшее узуальное;
- 6) имперфект неактуальный;
- 7) перфект неактуальный;
- 8) прошедшее качественное;
- 9) прошедшее потенциальное.

III. СФЕРА ГНОМИЧЕСКОГО:

- 1) настоящее постоянное;
- 2) прошедшее постоянное;
- 3) настоящее-будущее — наглядно-примерное значение.

Далее в докладе рассматривается употребление двух групп глаголов (акциональных наблюдаемых глаголов конкретного физического действия типа сажать деревья, держать ребенка за руку и акциональных ненаблюдаемых глаголов эмоционального действия типа любить, презирать в различных видо-временных формах, относящихся к выделенным сферам познания.

Иллокутивные и перлокутивные эффекты речевых действий
в русском языке.

По классификации Остина разграничивается три вида речевых актов (РА) – локутивы (*Он сказал, что...*), иллокутивы (*Он доказывал, что...*) и перлокутивы (*Он убедил меня, что...*). Перлокутивный акт, по Остину, отличается от иллокутивного тем, что он оказывает реальное воздействие на адресата и имеет реальный результат (пример Остина для английского языка *persuade*). Ср. *уговорил ее выйти за него замуж* (реальный результат – либо вышла замуж, либо согласилась выйти). Иллокутивный же акт имеет лишь конвенциональные последствия, например, связанность говорящего его обещанием.

В работах по ТРА основное внимание уделяется иллокутивам (возможно, это связано со спецификой английского языка). В русском языке существует достаточно много перлокутивов (имеются в виду не только перформативы, но глаголы речи, называющие речевой акт с запланированным перлокутивным эффектом). При этом граница между иллокутивами и перлокутивами проходит обычно внутри видовых пар: в форме НСВ глагол является иллокутивом, а в форме СВ – перлокутивом. Такие пары чаще всего можно встретить среди «просьб», «убеждений», «уговоров». Примеры:

«Просьбы»: *вымаливать* – вымолить, *выклянчивать* – выклянчить, *выпрашивать* – выпросить, *выцыганивать* – выцыганить, *отпрашивать* – отпроситься, *умолять* – умолить, *упрашивать* – упросить.

«Убеждения» и «уговоры»: *агитировать* – сагитировать, *вербовать* – завербовать, *внушать* – внушить, *настаивать* (на своем) – настоять, *отговаривать* – отговорить, *подбадривать* – подбодрить, *подбивать* – подбить, *подговаривать* – подговорить, *подначивать* – подначить, *разубеждать* – разубедить, *убеждать* – убедить, *уговаривать* – уговорить, *умолять* – умолить, *урезонивать* – урезонить, *успокаивать* – успокоить, *утешать* – утешить.

«Вопросы»: *выведывать* – *выведать*, *выпытывать* – *выпытать*, *выяснять* – *выяснить*, *дознаваться* – *дознаться*, *допытывать(ся)* – *допытать(ся)*, *расспрашивать* – *расспросить*, *узнавать у...* – *узнать*.

«Уверения»: *уверять* – *уверить*.

«Объяснения» *вдалбливать* – *вдолбить*, *втолковывать* – *втолковать*.

«Апеллятивы» *вызывать* – *вызвать*, *подзывать* – *подозвать*.

Глаголы НСВ в этих парах являются иллокутивами, имеющими перлокутивную цель. В «вопросах» такой целью является получение от адресата ответа; «убеждения» и «уговоры» имеют целью сделать с помощью слов так, чтобы адресат начал думать, делать либо согласился делать то, что говорящий считает правильным. В «просьбах» цель состоит в том, чтобы адресат сделал или согласился сделать то, что хочет говорящий. Цель «уверений» – сделать с помощью слов так, чтобы адресат поверил говорящему, цель «объяснений» – сделать так, чтобы адресат понял что-то.

Глаголы СВ в этих парах являются перлокутивами: они сообщают, что цель достигнута, воздействие на чужую волю, сознание, состояние оказано и получен искомый результат. Так, все «просьбы», перечисленные выше, в форме СВ имплицитируют выполнение адресатом того, что хотел говорящий, либо его согласие выполнить это. Ср. *На днях Краевский, услышав, что я без денег, упросил меня покорнее взять у него пятьсот рублей взаймы.* (Ф.Достоевский): в результате усиленной просьбы деньги взяты *взаймы*. «Вопросы» в подобных парах в форме СВ означают не только то, что вопрос был задан, но и то, что от адресата был получен ответ, содержащий нужную информацию. *Он выяснил у секретаря, как оформлять заявку* имплицитирует получение сведений, интересующих говорящего, в ответ на его вопрос.

Не все глаголы, относящиеся к названным РА, являются в НСВ перлокутивами (*просить* – *попросить*, *спрашивать* – *спросить*). Сопоставив внутри одного и того же РА пары глаголов, ведущие себя в этом отношении по-разному, можно обнаружить семантические особенности глаголов, способствующие переходу глаголов из иллокутивов в перлокутивы при смене НСВ на СВ.

Так, все «просьбы», приобретающие в СВ статус перлокутива, обозначают преодоление говорящим невнимания или сопротивления со стороны адресата. *Вымолить, выключить, выпросить, выигнать, умолить, упросить* – все они значат ‘добиться со стороны адресата нужной для говорящего реакции в результате усиленной обработки адресата, словесного усиленного воздействия на него’.

Из «вопросов» примерно половина образует пары типа перлокутив – иллокутив. К ним не относятся следующие глаголы: *вопрошать – спросить, запрашивать – запросить, любопытствовать – полюбопытствовать, осведомляться – осведомиться, переспрашивать – переспросить, прицениваться – прицениться, справляться – справиться, спрашивать – спросить*. Перлокутивные вопросы предполагают более интенсивное осуществление РА, чем неперлокутивные. В некоторых случаях говорящему приходится преодолевать нежелание адресата сообщать искомую информацию (*выведывать, выпытывать, дознаваться, допытываться*). *Расспрашивать* предполагает у говорящего желание получить более подробную информацию, чем просто *спрашивать*. *Опрашивать* подразумевает многих адресатов.

Названная закономерность подтверждается и на материале других РА.

Таким образом, пары иллокутив (НСВ) – перлокутив (СВ) характерны для глаголов, обозначающих усиленное воздействие на адресата со стороны говорящего. Не случайно среди приказов нет ни одной такой пары: ведь приказы предполагают, что адресат обязан выполнить требование говорящего, и нет необходимости специально воздействовать на него.

Отмеченная регулярность является лишь тенденцией, но не законом. Возможны исключения: с одной стороны, перлокутивными могут быть глаголы, не обладающие данным компонентом (*узнавать у – узнать*); с другой стороны, глаголы, обладающие им (*клясться – поклясться*) могут не быть в СВ перлокутивами.

РЕЧЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ И ОПОВЕРЖЕНИЯ: В ПОИСКАХ
ЛОГИКИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ДА И НЕТ.

1. Подтверждение и опровержение – важнейшие речевые действия.

Нередко они передаются словами-символами да и нет.

2. Да и нет адекватно символизируют эти речевые действия (см. у Витгенштейна: "Предложение должно определять действительность **до-
такой** степени, чтобы достаточно было сказать "Да" или "Нет" для
приведения его в соответствие с действительностью") лишь тогда,
когда положения дел описываются без помощи "отрицательных" слов:

(1)–Он приехал?–Да. 'приехал'; (2)–Нет. 'не приехал';

3. При использовании отрицания в описании положения дел "прозра-
чность" символов да и нет "замутнена". Носители разных языков пре-
одолевают это по-разному: русскоговорящие повторяют описание сим-
болизируемого положения дел / (3)–Он не приехал?–Нет (да), не при-
ехал.; (4)–Нет, приехал. /, французы, кроме *oui* для (1), *non* для (2),

(3), используют *si* для (4). Подобная нечеткость символизации наб-
людается у аналогов да и нет в других языках, что может объяс-
няться сравнительно недавним появлением этих слов.

4. Логика использования да и нет в одном языке не всегда понятна
носителю другого языка. См. у Теньера: "Если японцу задан воп-
рос "Вы не идете работать?", он ответит "Нет", если он идет ра-
ботать, и "Да", если не идет". Французский лингвист полагает, что
это – "восточная" логика. См. подобное о японских да и нет у Куай-
на. На наш взгляд, дело не в "восточной", а в более последователь-
ной "диалогической" логике японцев. Законы диалога таковы, что
говорящий всегда символизирует с помощью да первое из описанных
в вопросе положений дел независимо от того, употреблено или нет
отрицание: Вы идете работать? = Вы идете работать или не идете
работать?, где да – это 'вы идете работать', нет – 'вы не идете
работать'; Вы не идете работать? = Вы не идете работать или вы
идете работать?, где да – 'вы не идете работать', нет – 'вы иде-
те работать'. Таким образом, с точки зрения логики диалога
японцы более "логичны", чем русские и французы.

ДЕЙСТВИЕ В РЯДУ ДРУГИХ ЯВЛЕНИЙ
ПОЛЯ "ЦЕЛЕСООБРАЗНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ"

Предметом анализа явились лексические обозначения деятельности человека и обозначения связанных ассоциативно с деятельностью предметов и явлений.

Анализ ряда лексико-семантических группировок позволил построить типологию структурных связей, выявляемых элементами лексико-семантической системы. Были описаны три основных типа связи: семантический, формально-семантический и формальный. В поле элементы объединены, в основном, семантическими связями – разновидностями семантического типа. Различают семантические связи, основанные на общности семы, на близости и контрастности сем по содержанию. В соответствии с возможными фазами деятельности в анализируемом поле выделяются ЛСГ "Целесообразная деятельность", "Отсутствие целесообразной деятельности", "Начало целесообразной деятельности", "Прекращение целесообразной деятельности". В пределах названных ЛСГ выделяются подгруппы: "эффективная деятельность", "неэффективная деятельность", "завершение деятельности" и др.

Элементы объединяются в ЛСГ и подгруппы семантическими связями, основанными на общности сем: гиперо-гипонимической связью, пересечением, градуальной, партитивной связями. Например, элементы "трудиться" и "потеть", т.е. "усиленно трудиться", объединены градуальной связью. Анализ показал, что в ЛСГ "Целесообразная деятельность", наряду с глаголами, могут входить сочетания типа "по хозяйству", "над контрольной", "над производением", "на работе", так как они, аналогично глаголам "действовать", "работать", "трудиться", включают сему "целесообразная деятельность". Между собой ЛСГ и подгруппы поля также объединены семантическими связями, основанными на общности сем (например, подгруппы "целесообразная деятельность" – "эффективная целесообразная деятельность"), на контрастности сем (например, "целесообразная деятельность" – "отсутствие целесообразной деятельности"). ЛСГ, элементы которых обозначают разные фазы деятельности – например, ЛСГ "Целесообразная деятельность" – "Начало целесообразной деятельности", объединены фазовой связью, основанной на близости по содержанию архисем этих ЛСГ – "целесообразная деятельность" и "начало целесооб-

разной деятельности".

У подгрупп, входящих в ЛСГ, выделяются четыре слоя: ядро, центр, периферия и окружение, составляющие ядро, центр, периферию и окружение ЛСГ. В пределах окружения выделяется еще один вид группировки – "участок". В окружении подгрупп рассматриваемого поля выделяются участки, соотносимые с возможными характеристиками деятельности – "причина", "результат", "временной период", "орудие деятельности", "препятствие для деятельности", "исполнитель". Элементы окружения объединены с элементами ЛСГ и подгрупп, в основном, семантическими связями, основанными на близости сем по содержанию. Например, элемент участка "орудие деятельности" – "ручка" – объединен с элементом ЛСГ "Целесообразная деятельность" – "писать" – семантической связью "тяготение" по близости содержания сем "для письма" – "писать". Между элементами окружения и ЛСГ в некоторых случаях отмечена связь по контрастности содержания сем. Например, элемент участка "исполнитель" выявляет с глаголом "халтурить" связь "несовместимость", основанную на контрастности сем "знание дела" и "без знания дела".

Анализ показал, что в речи наиболее часто проявляются связи, объединяющие элементы ЛСГ с элементами окружения. В следующем примере проявляется связь "тяготение" между элементом ЛСГ "трудиться" и элементом окружения – участка "результат деятельности" – "плоды": Мой друг... трудился. И плоды этих трудов вполне зримы... (Н.Ильина). Парадигматическая связь "тяготение" основана на близости содержания сем лексических единиц – семы "создание ценностей" в единице "трудиться" и семы "ценности" в единице "плоды".

Представляется, что повышенная нагрузка в речи на связь элементов ЛСГ "Целесообразная деятельность" с элементами ее окружения отражает наибольшую значимость для человека соотношения между деятельностью и характеристиками этой деятельности.

О ДВУХ СПОСОБАХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ
В СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Многие денотативные ситуации, в особенности связанные с действием, могут быть представлены в языке либо как простые и целостные – в этом случае они описываются простым предложением, в котором подлежащее соответствует деятелю (агенсу), либо как цепочка автономных событий, связанных временной последовательностью и каузальными отношениями (например, "Он толкнул (задел) вазу, ваза упала и разбилась" = он разбил вазу).

2. Выбор одного из двух названных способов представления ситуации определяется в первую очередь особенностями самой денотативной ситуации и зависит от связи между "звеньями" цепочки, от степени их автономности, т.е. зависимости или независимости от агенса.

"Разбиение на фрагменты", показ действия как цепочки последовательных событий характерен для описания ситуаций, когда нет прямого контакта между агенсом, средством и объектом, когда существует пространственный разрыв; при этом часто воспринимается и последовательность во времени. Например, "Мишка прицеливается в меня, и палка его ударяет в колесо велосипеда". Предложение "Мишка ударяет палкой в колесо велосипеда" скорее воспринималось бы как описывающее ситуацию, когда Мишка держал бы палку в руках в момент удара, а не запустил ее, как в приведенном примере. Пространственный и временной разрыв затрудняет, а иногда делает невозможным употребление дитезиса с субъектом-агенсом, т.е. большой разрыв препятствует осмыслению партиципанта как агенса, и действие может быть представлено только как расчлененное. "Мы тоже работаем, между прочим! – отшил лейтенанта тенор и хлопнул дверью вагона так, что на столе генерала опрокинулся стакан с чаем и облил ему форменные штаны". Ср. невозможное для описания этой ситуации: "тенор облил штаны генерала из стакана". "Если бы не прибежал в ту минуту хозяин, то дрова, разгоревшись, наверно бы сожгли дом". Здесь описывается ситуация, когда некто поджигает дрова, сложенные рядом с домом, и скрылся. Для описания той же ситуации едва ли возможно "...поджигатель, наверно, сжег бы дом".

При опосредованном характере воздействия, большом количестве промежуточных звеньев, значительном временном разрыве и неконтролируемости действия (или при ослабленном контроле) выдвижение агенса в качестве подлежащего и изображение действия как простого и целостного невозможно или близко к невозможному.

... a very neat home-made booby trap... a black strong small-gauge length of reelbacking running from the trigger through a series of screw eyes to the sash of the window screen, the muzzle trained at the centre of the window about a foot above the sill.

"If he hadn't stood up before he raised the screen, the charge would have hit him square in the face", Charles said.

Здесь подлежащим не может стать ни имя человека, поднявшего сетку и таким образом вызвавшего последующие события, ни имя человека, привязавшего обрез к стволу и соединившего проводом спусковой крючок с оконной сеткой, и таким образом тоже вызвавший цепь следовавших событий.

3. Следует, однако, заметить, что даже в случае довольно большого пространственного или временного разрыва описание подобной ситуации посредством структур с агентивным содержанием не исключено, но возможно только при актуализации связи действия с фактическим производителем, что особенно характерно в контексте обвинения или в сообщении о заслуге. "Недогляди сторож, так ведь поезд мог бы сойти с рельсов, людей бы убило! Ты бы людей убил!" ("Злоумышленник" Чехова). Актуализовано значение причины, существенное для данного контекста (обвинение).

В то же время возможности оформления отдаленной, опосредованной причины в качестве подлежащего очень ограничены.

4. Неконтролируемость или ослабленный контроль часто подразумевает автоматический характер действия или каузируемого процесса, как и в предыдущих примерах. В этом случае вероятно представление действия как цепочки автономных ситуаций. Например, "Он дрожащими пальцами нажал кнопку, и черные глухие шторы закрыли утро..." "Мойсей Мойсеич... всплеснул руками и просто-нак. Спртук его взмахнул фалдами." Ср. "Мойсей Мойсеич взмахнул фалдами спртuka". В последнем примере актуализировано значение непроизвольности действия, т.е. ослабления связи с агенсом.

5. Кроме того, в некоторых случаях, возможно, играет роль

косвенный характер каузации, а также расхождение с прототипической ситуацией. "Легким движением она села в седло. Шашка ударила ее по бедру". Хотя названное положение дел (шашка ударила) было результатом соответствующих действий (села в седло), для описания данной ситуации невозможно "сидя в седло, она ударила себя шашкой по бедру". Эта же особенность проявляется во многих из приведенных выше примеров.

6. Таким образом, возможность (или невозможность) представления ситуации действия как целостной или расчлененной непосредственно связана с характером участия агенса: чем слабее агентивное значение и связанные с ним значения преднамеренности и контроля, тем ниже вероятность изображения ситуации как единого простого действия; тем более при слабом каузальном значении (опосредованный характер каузации, автоматизм каузируемого процесса, т.е. независимость протекания действия от вызвавшего его деятеля) ситуация в типичном случае должна быть представлена как расчлененная. Естественно, что при таких условиях акциональное значение ослаблено или даже может утрачиваться.

ДИАГНОСТИКА НАПРАВЛЕННОГО ОТНОШЕНИЯ

Гуминский А.П. (г. Минск)

Рассмотрим две группы бинарных отношений:

группа I X находится в (на, под, около, ...) У-ке

X выше У-ка

X равен У-ку

X принадлежит У-ку

группа II X движется к (под, над, около, ...) У-ку

X моет У-ка

X кричит на У-ка

X бьет У-ка

Они разделены на две группы по следующему признаку. В группе I отношение либо симметрично, либо несимметрично. В группе II отношение ни симметрично, ни несимметрично, т.е. индифферентно по этим свойствам. Так, например, из X движется к У-ку может следовать как У не движется к X-у, так и У движется к X-у (X и У движутся навстречу друг другу); из X моет У-ка может следовать как У не моет X-а, так и У моет X-а (X и У моют друг друга); и т.д. Существование подобных отношений представляется необычным на первый взгляд, поскольку они являются, с одной стороны, бинарными, а с другой, ни симметричными, ни несимметричными. Эта необычность возникает потому, что понятие бинарного отношения привнесено в лингвистику из математики, где отношения, как правило, заданы на числах и рассматриваются по принципу исключенного третьего, т.е. являются, с очевидностью, либо симметричными, либо несимметричными. Выделение третьего типа бинарных отношений можно выразить символично следующим образом:

$$1) (xRy) \rightarrow (yRx)$$

$$2) (xRy) \rightarrow \neg(yRx)$$

$$3) (xRy) \rightarrow (yRx) \vee \neg(yRx)$$

где \vee — разделительное "или".

Замечу, что для всех отношений группы II релевантны категории времени и пространства. Однако свойство, которое условно назовем свойством "здесь и сейчас", является лишь необходимым,

но не достаточным свойством, по которому можно было бы различать две введенные группы отношений, поскольку отношение Х находится в (на, под, около, ...) У-ке относится к группе I, но удовлетворяет свойству "здесь и сейчас".

Процедура проверки по свойству симметричности—несимметричности является диагностикой направленного отношения и, тем самым, в определенной мере диагностикой действия, если считать, что действие предполагает наличие направленности. В самом деле, во всех отношениях группы II можно выделить предмет, о т к о т о р о г о направлено отношение, и предмет, к к о т о р о м у оно направлено: "девочка --> окно" (Девочка моет окно), "Коля --> Петя" (Коля бьет Петю), "мальчик --> воспитательница" (мальчик кричит на воспитательницу).

Свойство направленности позволяет объяснить, почему отношения группы II не попали в разряд симметричных/несимметричных. Дело в том, что свойство направленности отношения имеет обратную сторону, которая состоит в том, что имеет место полная неоднозначность (неинформативность) относительно существования конверсного отношения. Направленное отношение не информирует о том, имеет ли место конверсное отношение, задано ли оно вообще. Иначе говоря, определенность первоначального отношения оборачивается неопределенностью конверсного. Ненаправленные отношения, наоборот, полностью однозначны (информативны) относительно существования конверсного отношения: книга лежит на полке --> неверно, что полка лежит на книге; Коля весит меньше Пети --> неверно, что Петя весит меньше Коли; и т.д.

Направленные отношения в определенной мере элементарны, так как позволяют представлять унарные и симметричные отношения в виде их конъюнкции или как вырожденный случай направленного отношения. Рассмотрим следующие отношения:

- 1) Х бреет У-ка
- 2) Х бреется
- 3) Х спит
- 4) Х беседует с У-ком
- 5) Х дерется с У-ком
- 6) Х находится рядом с У-ком

- 7) X равен Y-ку
- 8) X эквивалентен Y-ку

Отношение 1) является направленным. Отношение 2) представляет собой вырожденный случай направленности, когда предмет, от которого направлено отношение, и предмет, к которому оно направлено, совпадают: X бреется \rightarrow X бреет себя \rightarrow X бреет X. Подобного расширения нельзя предусмотреть для унарного отношения спать. Отношения 4) и 5) могут быть представлены в виде конъюнкции направленных отношений: X беседует с Y-ком = (X говорить Y-ку) & (Y говорит X-у); X дерется с Y-ком = (X ударяет Y-ка) & (Y ударяет X-а). Подобного представления не существует для симметричных отношений 6), 7), 8).

В заключение -- диагностика отношений по признаку направленности--ненаправленности. Предлагаются две диагностики: одна условно названа логической, а другая -- лингвистической диагностикой.

Логическая диагностика отношений по признаку направленности имеет следующий вид:

- а) если отношение несимметрично, то оно ненаправлено;
- б) если отношение индифферентно по свойству симметричности--несимметричности, то оно направлено;
- в) если отношение симметрично и представимо (не представимо) в виде конъюнкции направленных отношений, то оно направлено (ненаправлено);
- г) если отношение унарно и представимо (не представимо) в виде вырожденного направленного отношения, то оно направлено (ненаправлено).

Лингвистическая диагностика отношений основана на выделении гиперонима (родового отношения) для всех направленных отношений. Таким гиперонимом является отношение воздействовать (на структуру, положение). Это позволяет следующей процедурой диагностировать отношение на направленность--ненаправленность: если из XRY следует, что X воздействует на (структуру, положение) Y-ка, то отношение R является направленным.

НЕВЕДОМАЯ СИЛА

В словаре В.И.Даля к слову сила первым дается следующее толкование (со ссылкой на Хомякова): "Сила – источник, начало, основная (неведомая) причина всякого действия, движения, стремленья, понужденья, всякой вещественной перемены в пространстве (...). Силы природы, силы жизненные, неведомая причина, коей мы приписываем все явления". В современных толковых словарях русского языка представление о силе как о первопричине любого действия не находит своего отражения. В первую очередь это связано с тем, что в обывденном языке подобное понимание силы практически не фиксируется. Наиболее часто встречающееся употребление слова сила по отношению к человеку – это указание на силу как на физическое свойство (сила рук, громадная физическая сила, сила удара). Сила здесь дана как одна из характеристик человека и его действий, а не как первопричина, не как всеохватывающее начало. Кроме того, мы приписываем человеку статус владельца сил и тем самым навсегда лишаем их самостоятельного статуса. Так, у человека есть силы или нет сил, человек теряет силы, напрягает, собирает все силы и т.д. Единичные примеры типа силы оставили его из-за своей метафоричности и фразеологичности не могут противостоять общей тенденции. При глаголе слово сила занимает позицию обстоятельства и является интенсификатором, ср.: ударить с силой/со всей силой/что есть силы, идти через силу, стремиться всеми силами. В обывденном языке закреплено представление о силе скорее как о продукте, чем как о деятельности. Истинная природа силы остается неведомой для нас, поскольку для нас неведома сама эта сила.

Деятельностная природа силы была подмечена и отражена А.Платоновым в его произведениях конца 20-х – 30-х годов.

А.Платонова интересует причина деятельностной активности человека (и не только человека). Ответ на этот вопрос естественно должен выйти за пределы простого указания на человека или другой объект как на истину в последней инстанции, ибо их бытие само нуждается в объяснении. В качестве первопричины постигаются такие сущности, как жизнь (для всего живого) и сила (как более общая категория), ср.: ...природа была лишь горестной, безнадежной силой (Джан).

Характеризуя состояние человека, Платонов может сказать: жизнь в нем действовала плохо; силы его не действовали. Человек, таким

образом, есть выражение действующей в нем жизни или, что одно и то же, действующей в нем силы. Здесь взгляды Платонова смыкаются со взглядами А.Шопенгауэра, согласно которому мир (все существующее в мире) является материализацией воли. Восхождение от неживой природы к живой и человеку как ее высшей ступени есть просто различные стадии объективации воли (т.е. силы; о тождестве этих понятий Шопенгауэр говорит в §22 первого тома "Мир как воля и представление"). В этом смысле воля и воля к жизни есть одно и то же. Воля (сила) является целевой причиной: "... воля, как вещь в себе, лежит вне сферы закона основания во всех его видах".

Сила, как она показана Платоновым, является объективированной по отношению к человеку, но вместе с тем тесно связана с человеком. Сила может выступать как бы его полномочным представителем, оттесняя самого человека на второй план. На силу могут переноситься физические, психические и социальные характеристики людей, ср.: прилив отдохнувших сил; живая сила тела; слабость грустных сил (Чев.); беречь свою неимущую силу (Дж.). Сила может характеризоваться по действию, которое она осуществляет: Он хотел бы быть для нее берегущей силой, отцом и вечной памятью в ее душе (Дж.).

У Платонова нередки употребления слова сила в конструкции, которую условно можно назвать "творительным необходимым условия". В ней подчеркивается, что осуществление действия человеком возможно только при работе его сил, ср.: ... пролетариат на кургане не вставал на ноги, а еле шевелился ослабевшими силами (Чев.); ... она хотела бы любить прежней, забытой силой (Дж.). Иногда подобные конструкции стоят у Платонова как бы вместо возвратного местоимения сам, указывающего на человека как на самостоятельного производителя действия. Круг замыкается: человек и его сила становятся тождественными, ср.: ... он мог идти своей силой (Дж.).

Сила, в отличие от жизни, бытие которой у А.Платонова скорее идеально (в духе идей Платона), имеет характер природный и тесно связана с сердцем как жизненным центром человека: Гопнер задумался над спящим человеком: какая мерная берегущая сила звучит в его сердце? (Чев.). Чагатаев, стараясь приподняться, нажимает всем сердцем на свои руки, и формирует кирпичи, затрачивая в труд всю силу своего сердца (Дж.). Мать Чагатаева настолько стара, что у нее хватает сердца только для своего дыхания (Дж.).

Сила, получающая у Платонова эксплицитное выражение, перестает быть "ускользающим началом". Постулирование силы как первопричины уже означает ее познание.

Контролируемость: свойство ситуации или семантический
признак слова?

Контролируемость принадлежит к числу семантических, или скрытых, категорий, т.е. представляет собой содержательное противопоставление, которое может выражаться или не выражаться. Это значит, что относительно произвольного предложения неправомерен вопрос, обозначает оно контролируемую или неконтролируемую ситуацию – так как соответствующий смысл может просто отсутствовать в его семантическом представлении (так, например, в предложении Он прошел мимо меня не содержится информации о том, сделал он это намеренно или нет).

Далее, говоря о контролируемости следует различать уровень **д е н о т а ц и** и уровень **к о н ц е п т о в**. Дело в том, что контролируемость как свойство ситуаций в мире есть понятие градуальное. Так, даже если ограничиться ситуациями с личным субъектом, то здесь **могут быть обозначены "полюса"** (контролируемые действия типа закрывания двери или зажигания спички – с одной стороны и неконтролируемые события типа попадания в аварию – с другой), между которыми располагается весь спектр промежуточных случаев.

К контролируемому "полюсу" примыкают ситуации типа поступления в институт или попадания в мишень, т.е. такие, которые требуют от субъекта приложения усилий, но не определяются ими однозначно – в том смысле, что результат здесь всегда отделен от предшествующего процесса "вероятностной преградой": он либо наступает, либо нет. К неконтролируемому "полюсу" примыкают ситуации типа опоздания или простуды, **которые** нормально происходят помимо нашей воли, однако могут быть предотвращены путем совершения каких-то контролируемых действий. При этом сами "полюса" устроены не одинаково. "В жизни" действительно контролируемых ситуаций, т.е. таких, осуществление которых полностью определялось бы субъектом, вообще нет: любое, даже самое простое действие, может наткнуться на неожиданное препятствие; тем **самым** различия здесь могут быть лишь количественные – в величине вероятности возникновения помех. Наоборот, действительно неконтролируемые ситуации "в жизни" есть.

Рассмотрим теперь уровень концептов, т.е. значение языковых выражений, соотносимых с ситуациями. Здесь контролируемость предстает как дискретное противопоставление двух значений – "+контроль"

и "–контроль". Установление же соответствия между градуальным противопоставлением в жизни и дискретным в языке оказывается возможно благодаря тому, что некоторой величиной вероятности возникновения помех язык просто пренебрегает, разбивая шкалу на две части – ситуации, рассматриваемые как полностью определяемые намерением субъекта ("–контроль") и ситуации, рассматриваемые как не полностью или вообще не определяемые им ("–контроль"). Это разбиение носит чисто языковой, т.е. конвенциональный, характер. Так, наряду с выражениями поднять руку или взять спичку признак "+контроль" имеет выражение поступить в институт (в отличие от попасть в мишень, где содержится признак "–контроль"); ср. попасть в институт ("–контроль") – хотя речь может идти об одном и том же событии. Т.е. одна и та же ситуация на уровне денотатов (занимающая некоторое промежуточное положение на шкале контролируемости) на уровне концептов может рассматриваться как контролируемая и как неконтролируемая.

Асимметрия двух полюсов шкалы контролируемости "в жизни" отражается в языке следующим образом. Признак "+контроль" – всегда неустойчивый, т.е. он может подавляться контекстом: любое выражение, описывающее контролируемую ситуацию, может быть употреблено в предложении, описывающем неконтролируемую ситуацию (ср. Он случайно решил ту же самую задачу, что и мы). Что же касается признака "–контроль", то он может быть как неустойчивым (например, у оповедать), так и "полноценным", т.е. неустрашимым. Наличие в глаголе неустойчивого признака "+контроль" или "–контроль" отражает устройство нормативной картины мира, согласно которой одни действия н о р м а л ь н о являются контролируемыми, другие – нормально нет. Полноценный же признак "–контроль" имеют, с одной стороны, глаголы, обозначающие ситуации, неконтролируемые "в жизни" (вадрогнуть, очнуться); с другой стороны – глаголы и предикатные выражения, у которых неконтролируемость (представление о доле случайности в наступлении результата) составляет неотъемлемую часть значения, т.е. заключенного в них к о н ц е п т а ситуации: попасть, очутиться; ср. также выражения типа совершить бестактность, остаться в дураках, которые вообще не имеют отчетливого денотата, так как описывают не дескриптивные признаки ситуации, а лишь ее оценочную интерпретацию (куда входит, в частности, неконтролируемость).

СЕМАНТИКА ЭТИКЕТНОГО ДЕЙСТВИЯ

Этикетное действие есть интенциональный и конвенциональный поведенческий акт, целью которого является поддержание статусного баланса между участниками общения в соответствии с принятыми в обществе нормами и традициями.

Будучи актом поведения, этикетное действие противопоставляется процессам и событиям, развивающимся и происходящим независимо от человека, состояниям и действиям, которые не контролируются человеком, а также действиям, не относящимся к сфере общения. Специфика этикетного действия состоит в его включенности в социальный двухфокусный контекст: во-первых, происходит общение между индивидом и другими индивидами и, во-вторых, такое общение разворачивается как бы в присутствии арбитра, определяющего соответствие форм поведения правилам и нормам общества. Этикетные действия варьируют по признаку прототипности: прототипным этикетным действием является акт коммуникации, к непрототипным этикетным действиям можно отнести те случаи, когда некоммуникативное действие выступает в качестве знака общения (закрывать дверь, чтобы было ясно, что человек хочет побыть один) и случаи общения с воображаемым адресатом и самим собой.

Общественные нормы поведения стабильны и в то же время динамичны. Этикет является одним из способов стабилизации бытовых форм общения. Любое общество строится по принципу иерархии и стратификационной дифференциации. Каждый член общества занимает определенное место в сложившейся системе распределения прав и обязанностей, при этом в общение вовлекаются представители разных групп и слоев социума. Этикет выступает в качестве представительского общения и дает возможность поддерживать контакты в обществе "без потери лица" как для вышестоящих, так и для нижестоящих членов общества. Социальные различия между людьми по вертикали (социальный статус) противопоставляются различиям по горизонтали (социальный ситуус). Этикет, организуя статусную и ситуусную организацию общества, является макроиндексом соответствующего общества: несоблюдение этикетных правил свидетельствует либо о намеренном нарушении норм общественного устройства, либо о недостаточной социальной компетенции. Последнее применительно к взрослым является маркированным выражением чуждости в оппози-

ции "свой/чужой". Намеренное нарушение этикета (антиэтикетное действие) представляет собой попытку члена социума изменить свой статус и является осложненным вариантом этикетного действия. Этикетные и антиэтикетные действия противопоставляются неэтикетным действиям, т.е. действиям, не относящимся к сфере общения. Этикетные действия варьируют по признаку величины социума: есть этикетные правила для этноса или группы этносов и есть этикет для микрогрупп в рамках этноса.

По признаку конвенциональности этикетные действия смыкаются с церемониальными и ритуальными действиями, противопоставляясь "натуральным" поведенческим актам помощи, защиты, наказания и т.д. В этнографии проводится различие между этикетным и ритуальным действием: этикетному действию приписываются признаки бытового и дифференцирующего акта, а ритуальному действию – признаки сакрального и интегрирующего акта (А.К.Байбурин). Церемония представляет собой промежуточное образование между этикетным и ритуальным действием: это – торжественное, но не сакральное действие, в результате этого действия меняется статус или ситуас человека, элементы церемонии жестко стандартизованы и не допускают отклонений от прототипа. Церемония сближается с этикетом по признаку эстетической (поэтической) функции (Т.В.Цивьян). Вместе с тем этикет обнаруживает тенденцию к свернутому выражению: достаточно, чтобы партнер заметил этикетное действие ("еле заметные, но очень еле заметные улыбочки" – В.Аксенов). Чрезмерная этикетизация свидетельствует об отношениях максимальной дистанцированности.

Признак этикета, будучи социолингвистическим по своей природе, преломляется в прагмалингвистике и лингвистической семантике. В прагмалингвистическом плане этикетное действие рассматривается как составная часть коммуникативного акта (например, интродуктивная просьба и обоснование просьбы в речевом акте просьбы), как владение куртуазным аппаратом языковых построений (Г.Г.Почепцов (мл.)) Этикетное/антиэтикетное действие соответствует куртуазному/инвективному поведению (В.И.Жельвис). В лингвистической семантике этикетное действие может быть, в частности, раскрыто на основании анализа глаголов, обозначающих этикетное поведение. В значении таких глаголов выделяются признаки официальности (формальности) ситуации, фиксированности участников общения и статусного неравенства коммуникантов.

КАУЗАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ ЗНАЧЕНИЯ РУССКИХ
КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ. МОДЕЛИ ТОЛКОВАНИЙ.

Понятие каузации относится к числу универсальных понятий, концептуализованных языком. Моделирование лексической концептуализации данного понятия представляет собой существенный фрагмент в построении модели наивной языковой картины мира.

Наивное представление о каузации является представлением о двух сущностях, находящихся в таком отношении, при котором одна из этих сущностей не существовала бы, если бы не другая, т.е. в отношении "причины" и "следствия". "Причинами" и "следствиями" не могут являться ни лица, ни объекты сами по себе. Это всегда некоторые положения дел.

Таким образом, адекватная интерпретация языковой идеи каузации возможна в терминах пропозиции "А каузировало В", где "А" и "В" – пропозиции, обозначающие соответственно "причину" и "следствие". При такой интерпретации предикат 'каузировать' имеет ровно одно значение – значение каузального отношения. Многозначна же вся пропозиция "А каузировало В". Ее многозначность является следствием многозначности связываемых предикатом 'каузировать' пропозиций "А" и "В". Число ее значений зависит от того, сколько и какие именно положения дел концептуализуются языком как "причины" и "следствия". Русские каузативы концептуализуют как "причины" и "следствия" 'действия', 'события' (т.е. неагентивные положения дел в отличие от действий), 'желания' и, наконец, 'силы', 'стихии'. Реально представленные комбинации этих положений дел составляют типовые, обобщенные значения пропозиции "А каузировало В".

Можно выделить по меньшей мере 6 таких типовых значений, каждое из которых представляет собой лишь сегмент каузативного компонента значения реальных каузативов.

- (1) А каузировало В – 'То, что Х делает/сделал с У-ом (=А), каузировало нечто происходить/произойти с У-ом (=В)' (составляет сегмент каузативного значения, напр., поднять во фразах типа Иван поднял книгу с земли)
- (2) А каузировало В – 'То, что происходит/произошло с Х-ом (=А), каузировало нечто происходить/произойти с У-ом (=В)

(составляет сегмент каузативного значения, напр., поднять во фразах типа Кран поднял панели с земли).

(3) А каузировало В = 'То, что А находится/пришел в контакт с У-ом (=А), каузировало нечто происходить/произойти с У-ом (=В) (составляет сегмент каузативного значения, напр., поднять во фразах типа Ветер поднял листья с земли).

(4) А каузировало В = 'То, что Х делает/сделал У-у/(-А), каузировало У-а делать/сделать нечто с собой (со своим телом) (=В)' (составляет сегмент каузативного значения, напр., выгнать во фразах типа Учитель выгнал ученика из класса).

(5) А каузировало В = 'То, что Х хочет/хотел, чтобы нечто происходило/произошло с У-м (=А), каузировало Х-а делать/сделать нечто с У-м (=В)'. (составляет сегмент каузативного значения, напр., поднять во фразах типа Мальчик поднял руку).

(6) А каузировало В = 'То, что происходило/произошло с Х-м (=А), каузировало Х-а делать/сделать нечто с У-м (=В)' (составляет сегмент каузативного компонента значения каузативов типа уронить, пролить, выронить).

Шесть типовых значений пропозиции "А каузировало В" соответствуют представлениям о шести типах причинно-следственных отношений, лежащих в основе языковой идеи каузации. Из комбинаций же этих значений состоит каузативный компонент значения реальных каузативов. В зависимости от представленных в семантике каузативов комбинаций можно выделить 5 типов каузативных глаголов: (1) намеренные каузативы с неагентивным объектом (Иван поднял книгу с земли); не-намеренные каузативы (Иван уронил книгу); (2) неагентивные каузативы (Кран поднял панели с земли); (3) полуагентивные каузативы (Ветер поднял листья с земли); (4) намеренные каузативы с агентивным объектом (Учитель выгнал ученика из класса).

Каждый из этих семантических типов каузативов имеет специфическую структуру каузативного компонента значения. Структура каузативного компонента значения задает структуру значения (толкования) каузативного глагола в целом. Элементы других аспектов значения каузативов разных лексико-семантических групп имеют более частный характер. Экспликации этих элементов значения могут быть подставлены в типовые модели толкований каузативных значений. Таким образом становится возможной унифицированная интерпретация всего класса русских каузативных глаголов.

МОЛЧАНИЕ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ АКТ

1. В обыденном сознании тот факт, что отсутствие речевых действий может быть значимым, несомненно присутствует (ср. глаголы типа *промолчать*, клише типа *красноречивое молчание*). Однако в лингвистике он учитывается, по-видимому, недостаточно. Впрочем, довольно много писалось о различных видах умолчаний, то есть об отсутствии определенных вербальных составляющих в тех местах, где их можно было бы ожидать, - в особенности о нулевых и опущенных именных и глагольных группах. Говорящий умалчивает о той или иной единице информации в тех случаях, когда она очевидна, или неизвестна, или несущественна, или он хочет ее скрыть или завуалировать.

2. Здесь я хотел бы рассмотреть проблему абсолютного молчания, то есть отсутствия дискурса со стороны субъекта коммуникации в тот момент, когда дискурс ожидается. Основной вид абсолютного молчания - отсутствие очередной реплики в диалоге. В "наивной теории речевых актов" молчанию приписывается только одна иллокутивная цель - "анак согласия". Однако в действительности спектр возможных причин/целей молчания намного шире. Так, участник диалога может молчать, если: он не знает, что сказать или как ответить; он хочет выразить пренебрежение или гнев; он потерял интерес к диалогу; он изумлен репликой собеседника ("вопросительное молчание"); он хочет посмеяться над собеседниками, например, поставить его в неловкое положение ("ироническое молчание"); если он не хочет выдать свое мнение и сдерживает свое коммуникативное намерение; наконец, если он несогласен с собеседником, но не решается это выразить ("вежливое молчание") и т. д.

3. Априори трудно найти коммуникативное намерение, которое в принципе не может быть выражено молчанием. Практически молчание может значить все что угодно. Ср., например, у Галича, с одной стороны, *услышать прекрасность молчания*, с другой - *Промолчи - попадешь в палачи*. Однако в каждом конкретном случае, при фик-

сированных коммуникативных параметрах (социальные и диалогические роли коммуникантов, жанр и сценарий диалога, момент в развитии диалога, структура коммуникативных намерений, предшествующая реплика), молчание не более многозначно, чем любая ненулевая реплика, и имеет вполне определенную функцию.

4. Как осуществляется понимание молчания? Грубо говоря, схема такова. В распоряжении слушающего - (а) факт молчания в контексте ожидания ненулевого речевого действия; (б) знания вышеупомянутых коммуникативных параметров. На этой основе слушающий строит эвристическую процедуру поиска наиболее вероятной гипотезы (такого рода процедуры всегда сопутствуют пониманию и ненулевых реплик).

5. Молчание может сопровождаться кивками или другими коммуникативными жестами, а может быть и единственным "кодирующим средством". Вероятно, к молчанию можно в некоторых случаях приравнивать употребление междометия, обычно транскрибируемого как *гуу*.

6. Исследование целей/причин и типов молчания представляет интерес для теории коммуникации. При этом оно имеет последствия и для "собственно лингвистики". Вряд ли можно утверждать, что молчанию может быть подобрана синонимичная ненулевая реплика. Однако молчание всегда может быть проинтерпретировано некоторым образом посредством ненулевых вербальных средств, причем зачастую довольно большого их количества. Это является лишним подтверждением той точки зрения, что (а) порождение речи начинается не с СемПа (у молчания нет СемПа), а с коммуникативного намерения; (б) в понимании главное - не переход от текста к СемПу, а соотнесение поступившей реплики (ненулевой или нулевой) с текущей когнитивной структурой слушающего. В моделях типа "Смысл \Leftrightarrow текст" невозможно объяснить тот факт, что большое количество СемПа и полное отсутствие СемПа могут быть практически равнозначны.

7. В докладе делается попытка типологизации значимого молчания и когнитивной интерпретации целей/причин молчания и процессов его понимания.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В предлагаемом исследовании предпринимается попытка рассмотреть структурно-семантические особенности фазовых глаголов английского языка, т.е. предикативные единицы, характеризующие протекание действия во времени и указывающие на сегментацию действия на фазы начала, продолжения и конца обозначаемого процесса. Фазовая детерминация действия все чаще становится в центре специального научного исследования как в отечественных, так и в зарубежных лингвистических работах, что связано с усилением внимания к проблемам аспектологии и тем особым местом, которое занимает фазовость в системе аспектологических значений. Несмотря на возросший интерес к описанию занной группы единиц, не все существующие между ними различия еще достаточно точно описаны. К тому же возможность дифференциации при употреблении в речи глагольных единиц, объединенных одним из трех перечисленных фазовых значений, затрудняется тем, что в современных словарях английского языка они часто определяются друг через друга. Таким образом, в исследовании ставится задача, состоящая в том, чтобы попытаться раскрыть своеобразие значения и особенности употребления в речи глаголов, обозначающих одну из фаз в протекании действия: начальную, срединную, конечную.

Предпринятое исследование фазовых глаголов осуществлялось методом компонентного анализа, в основе которого лежит идея о том, что значения слов складываются из системы различительных признаков. В ходе работы применялась также экспериментальная методика исследования. Результаты проведенного исследования показали, что значения фазовых глаголов складываются из набора различительных признаков. Так, для глаголов начальной фазы действия представляется важным выделение компонента значения, указывающего на предфазу действия, т.е. этапа, предшествующего собственно началу действия, и выделение признака, указывающего на начало первой фазы самого действия, исходным пунктом которого служит начальная предельная точка. Условия употребления глаго-

лов *begin* и *start* в значительной степени определяются данным признаком.

Результаты проведенного исследования показали, что для глаголов срединной фазы действия оказались релевантными следующие компоненты значения: указание на то, что действие занимает отрезок на оси времени (*continue*, *keep*), точку на временной оси (*resume*), указание на обязательность перерыва, предшествующего возобновлению действия (*resume*), указание на потенциальную возможность, но не обязательность перерыва (*continue*), указание на отсутствие перерыва в ходе протекания действия (*keep*), указание на упорство субъекта при осуществлении действия (*keep*), а также ряд других признаков.

Для характеристики глаголов конечной фазы действия большое значение имеет выделение признака предела действия. Результаты исследования показали, что указания на достижение предела действия содержат в своей смысловой структуре глаголы *finish*, *complete*, *end*.

Признак предела не имеют глаголы *cease*, *discontinue*. Некоторые предикативные единицы различаются по признаку, дифференцирующему понятие "предел": глаголы *finish*, *complete*.

Для описания семантической структуры фазовых глаголов английского языка существен также компонент значения, указывающий на роль субъекта в осуществлении действия. Большинство фазовых глаголов характеризуются определяющей ролью субъекта, выступающего при глаголах данной группы. Также отмечается, что указанная роль выступает в двух видах: агентивной и неагентивной. Для некоторых глагольных единиц, например, *end*, наблюдается также употребление с неопределенным субъектом.

Уточнение структурно-семантических признаков фазовых глагольных единиц наглядно свидетельствует о разных способах осмысления денотативной ситуации, что предопределяет выбор средств ее языкового представления.

Восприятие действий и их обобщение в тексте.

Внутренняя связь действий с другими реалиями (участниками действий, другими действиями), со свойствами действий, пространством и временем отражается в языке. Это проявляется, в частности, в наличии слов типа СПОСОБ или УЧАСТНИК действия. Ситуативно содержание этих слов может раскрываться с помощью "обычных" номинаций (например, с помощью обозначений участников действия). Постольку, поскольку слова типа СПОСОБ указывают на отношение к действию независимо от специфики действия, они сопоставимы по уровню с метаноминацией действия (словом ДЕЙСТВИЕ) и их можно назвать метакоррелятами действия.

Логические связи между метакоррелятами и обычными номинациями действий достаточно разнообразны. Функционирование метакоррелятов в тексте демонстрирует языковое восприятие как этих связей, так и самих действий. При этом многие метакорреляты хотя и указывают на разные с логической точки зрения отношения, в тексте, как правило, реализуют по отношению к номинациям действий (глаголам или существительным, а также к сочетаниям этих номинаций с зависимыми словами) достаточно однородное отношение обобщения.

Главными контекстными показателями обобщения можно считать:

- 1) употребление слова в опорной позиции генитивной конструкции, где зависимое - номинация действия: ПРОЦЕСС шумообразования;
- 2) употребление в позиции замещения: ... при перфорации. Этот МЕТОД...;
- 3) употребление в опорной позиции определяющей (в том числе ситуативно определяющей) конструкции: перфорация - ПРОЦЕСС, состоящий в... , выбросы послужили ПРИЧИНОЙ возникновения...

Употребительность метакоррелятов в функции обобщения хорошо прослеживается в научных текстах, для которых особенно характерно употребление номинаций обобщенного уровня.

Более того, большинство обобщающих имен, не отражающих специфики обобщаемых действий, в научном тексте относится к разного типа метакоррелятам действий.

Рассмотрим основной набор слов, обобщающих номинации действий (или сочетания этих номинаций с зависимыми словами) и минимально связанных со спецификой действий. Классификация этих слов соответствует характеру логического обобщения и лишь в малой степени коррелирует с характером обобщаемых действий и характером контекста.

1. Обобщение по ситуации.

Обобщающее имя часто относится не только к действию, но и к его объекту – или к ситуации в целом. Не обсуждая проблемы различения между действиями и ситуациями, отметим, что в данном пункте речь идет об обобщении с помощью метаноминаций ситуаций: ... состоялась встреча кораблей. Это СОБЫТИЕ... К этому типу обобщающих имен относим слова: СОБЫТИЕ, СИТУАЦИЯ, ФАКТ, ФЕНОМЕН, ЯВЛЕНИЕ, ЭПИЗОД, СЛУЧАЙ.

2. Обобщение "с учетом" характера действия.

В лингвистических описаниях слово ДЕЙСТВИЕ, применяющееся по отношению к различным номинациям действий, как бы нейтрально (не указывает на характер действия). Однако оно не употребляется для обобщения действий с субъектом – неллицом. Вообще употребление слова ДЕЙСТВИЕ в научной литературе чаще связано со значением влияния: ударное ДЕЙСТВИЕ, трансмембранное ДЕЙСТВИЕ. В более общем значении оно употребляется, как правило, в составе сочетаний типа практические ДЕЙСТВИЯ, последовательность ДЕЙСТВИЙ.

Другие обобщающие номинации, рассматриваемые в данном разделе, тем менее нейтральны относительно представлений о характере действий. Употребление слов ПРОЦЕСС, ВОЗДЕЙСТВИЕ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ связано скорее с представлениями о неосознанности и нецеленаправленности: ... появляются уплотнения. Этот ПРОЦЕСС... Номинация АКТ, употребляющаяся в сочетаниях типа АКТЫ коммуникации, АКТЫ деления, безусловно выделена по точности. Вне этих сочетаний употребляется мало (но связано, по-видимому, скорее с сознательными действиями).

Номинации ШАГ, ПРОЦЕДУРА, ОПЕРАЦИЯ, МЕРОПРИЯТИЕ выделены как целенаправленные.

3. Соотнесение с другой ситуацией.

Часть метакоррелятов ситуативно может быть реализована также действиями (т.е. эти метакорреляты соотносят одни действия или ситуации с другими действиями или ситуациями). Естественно, все такие слова употребляются как обобщающие по отношению к номинациям действий: ЗАДАЧА, ЦЕЛЬ, ИТОГ, РЕЗУЛЬТАТ, ПРИЧИНА, СЛЕДСТВИЕ, ПОСЛЕДСТВИЕ, ОСНОВА, ОСНОВАНИЕ, ИСТОЧНИК. Такие метакорреляты часто употребляются в сочетании с именем ситуации, по отношению к которой рассматривается обобщаемое действие. Тогда определение представлено в обратном направлении: ЗАДАЧА анализа - разработать механизм... (ср. перед нами стоит ЗАДАЧА анализа...)

Метаимена некоторых участников действия также могут указывать на отношение к другим действиям (если соответствующую роль исполняет действие). Это слова ИНСТРУМЕНТ, МЕРА, СРЕДСТВО: модификация как СРЕДСТВО повышения...

Соотносимы с другими действиями и метаимена образов (способов) действия: МЕТОД, СПОСОБ, ПУТЬ, МЕХАНИЗМ, ПРИНЦИП, ПОДХОД, ПРИЕМ, СТРАТЕГИЯ, МЕХАНИЗМ: МЕТОД пословного перевода (ср. МЕТОДЫ перевода); ...поднимали на большую высоту. Этот ПОДХОД...

Кроме того, соотнесение с другими ситуациями - и как следствие - возможность обобщения номинаций действий - присущи локализаторам (ОБЛАСТЬ, ЭТАП), квантификаторам (ЗВЕНО, ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ, СОВОКУПНОСТЬ, ЧАСТЬ), показателям отношения подобия (ПРИМЕР, ВАРИАНТ, АЛЬТЕРНАТИВА, ФОРМА, ВИД, ТИП, РАЗНОВИДНОСТЬ)

4. Вспомогательные аспекты действий

Типичны обобщения, указывающие на недостижение результата (УСИЛИЯ, ПОПЫТКА) и на длительность или повторяемость действий (ПРАКТИКА, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ЗАНЯТИЕ, РАБОТА)

Границы метауровня обобщения, естественно, размыты. Однако обобщения на уровне устойчивых классов, характеризующих спецификой действия, в тексте малоупотребительны; в обобщающих позициях (речь идет о словах типа измерения, движения, изменения, составляющих в этом отношении исключение).

Остальную массу обобщающих имен составляют многочисленные номинации оценочного характера (типа успех, неудача) и обозначения результатов мыслительной деятельности (типа идея). Нейтральность по отношению к специфике обобщаемых действий сближает и эти слова с метакоррелятами действий.

Перформативность и номинация прямой речи

Анализ интонации высказываний с иллокутивными глаголами в автореферентном употреблении обнаружил, что некоторые из бе-хабитивов (по классификации Остина (1986)) не имеют типичной перформативной огласовки (Кодзасов 1989). Дальнейший анализ показал, что неперформативная интонация характерна также для ряда глаголов из других иллокутивных групп (предлагать, советовать, соглашаться, подчеркивать и др.). Их особое поведение подтверждается и фактами номинации реплик прямой речи.

Глаголы, не обнаруживающие перформативной интонации в I л. наст. времени, легко "выносятся" из реплики в ее номинацию:

- (1А) - Предлагаю пойти в кино, - сказала она.
 - (1Б) - Пойдем в кино, - предложила она.
 - (2А) - Я советую вам остаться, - сказала она.
 - (2Б) - Лучше вам остаться, - посоветовала она.
 - (3А) - Я согласна с этим замечанием, - сказала она.
 - (3Б) - Это замечание справедливо, - согласилась она.
- Напротив, глаголы, для которых характерна перформативная интонация, не поддаются "выносу" из реплики:
- (4А) - Я запрещаю вам появляться здесь, - заявил он.
 - (4Б) - Больше здесь не появляйтесь, - *запретил он.
 - (5А) - Я обвиняю вас в клевете на Иванова, - провозгласил он.
 - (5Б) - Вы оклеветали Иванова, - *обвинил он.
 - (6А) - Я отказываюсь принять ваши объяснения, - заявил он.
 - (6Б) - Я не принимаю ваши объяснения, - *отказался он.

Очевидно, функции глаголов I-го и 2-го рода в автореферентном употреблении существенно различны. Глаголы 2-го рода называют действие и одновременно производят акт изменения внешней ситуации, тогда как глаголы I-го рода называют тип иллокуции, не производя при этом изменения во внешнем мире. (Некоторые глаголы (например, обещать, объявлять) могут выступать в обеих функциях). Мы полагаем, что каноническая перформатив-

ность представлена лишь глаголами 2-го рода (ср. Арутюнова 1990).

Отметим, что реплики вида:

(7) - Я обвиняю вас в клевете.

по прагматике (и по интонации) ничем не отличаются (или, по крайней мере, могут не отличаться) от реплик вида:

(8) - Вы клеветник.

Это еще раз показывает, что перформативность в общем случае не связана с автореферентным употреблением глаголов в I л. наст. времени (ср. Апресян 1986).

Запрет на номинацию прямой речи с помощью канонических перформативов можно сопоставить с аналогичным ограничением на употребление перлокутивных глаголов:

(9) - Я уже сделал все уроки, - *обманул он мать.

(10) - Ваня-то - носит женину кофту, - *рассмешил он брата.

(11) - Тебя собираются ограбить, - *напугала она его.

В случае перлокутивов причины этого ограничения очевидны: в момент произнесения реплики неизвестно, достигнут ли ожидаемый эффект, а номинация относится только к самой реплике. Семантическая мотивация ограничения на перформативы менее тривиальна и нуждается в дальнейшем изучении.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и в словаре.// ИАН ОЛЯ. 1986, №3.
2. Арутюнова Н.Д. Перформатив.// Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
3. Кодзасов С.В. Перформативность и интонация.// Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
4. Остин Дж.Л. Слово как действие.// Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. М., 1986.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Подобно предметам и в отличие от состояний, действия и процессы идентифицируются, главным образом, на основе непосредственного восприятия. Видимо, поэтому при их описании доминирующую роль играет денотативный компонент, или прототип – типизированный образ референта. Сигнификативный же компонент либо вообще отсутствует, "заслоненный" простым и наглядным прототипом, либо представлен фрагментарно. Цель сообщения – показать на примерах, что 1) сущность значения глагольного действия выражает сигнификат, понимаемый как совокупность функциональных свойств (человеческих интенций и интерпретаций) наблюдаемых действий (референтов); 2) сущность глагольной референции состоит в сигнификативной интерпретации наблюдаемого действия, т.е. в приписывании ему сигнификата на основе наблюдаемых свойств (действия, а не в распознавании этого действия на основе прототипа; 3) семантическая структура действия имеет вид: (а) сигнификат; (б) сигнификат обычно проявляется в виде прототипа'.

Пример. В значении процесса Спеет клубника сигнификат – 'клубника приближается к состоянию "сладкая и сочная"', а прототип – 'клубника краснеет'. Т.о. имеем (I) Спеет клубника = '(а) клубника приближается к состоянию "сладкая и сочная"; (б) компонент (а) (сигнификат) обычно проявляется в том, что "клубника краснеет" (прототип)'. В данном случае сигнификат – функциональный компонент процесса – лежит на поверхности языкового сознания. Однако чаще он гораздо менее очевиден (погружен в подсознание) и обнаруживается лишь посредством специального анализа. Отсутствие сигнификата приводит к толкованиям типа (I') Спеет клубника = 'Клубника краснеет'. Подобные толкования довольно точно описывают экспансионизм глагольного действия, но не выражают при этом собственно языкового значения. Часто встречающийся палиатив – "синкретические" толкования типа (I'') Спеет клубника = 'Клубника становится красной и сладкой' – не разграничивает сигнификат и прототип.

I. Сформулируем сигнификаты для приводимых ниже толкований (2) – (4) – аналогов (I'). Соответствующие им толкования С.И. Ожегова – аналоги (I'').

(2) X ударяет Y-а Z-ом = 'X резко и кратковременно приводит компактный предмет Z в контакт с Y-ом'.

Контрпример. Если контакт не сопровождался приложением силы, скажем, X в последний момент придержал Z, то это уже не удар, а прикосновение. Сигнификат для (2): (2') 'X посредством контролируемого Z-а осуществляет локальное и кратковременное приложение сил к У-у'. Ср. у С.И.Ожегова: Удар I. Резкий, сильный толчок, прикосновение к чему-либо с силой.

(3) A догоняет B = 'A и B перемещаются в одном направлении и расстояние между A и B сокращается, и A находится позади B.

Контрпример. Если в условиях ситуации (3) говорящему известно, что B едет в магазин, который A уже миновал, высказывание (3) будет некорректно. Сигнификат для (3): (3') 'A реализует свою цель: вплотную приблизиться к B, движущемуся впереди'. У B цели "убежать" может и не быть, ср.: Догони отца и скажи ему... Ср. толкование С.И.Ожегова: Догнать I. Настигнуть, поровняться с движущимся впереди.

(4) X бежит = 'X перемещается по поверхности а) переступая ногами и б) периодически утрачивая контакт с поверхностью'.

Контрпример. Шаркающий бег старика (без отрыва ног от земли) сохраняет контакт с поверхностью. Упрощенный сигнификат для (4): (4') 'X перемещается по поверхности а') поочередно отталкиваясь и опираясь на нее ногами и б') кратковременно утрачивая после каждого толчка опору на поверхность'. При шаркающем беге опора после каждого толчка фактически утрачивается, так как нога лишь касается поверхности. Ср. у С.И.Ожегова: Бежать I. Двигаться быстрым, резко отталкивающимся от земли шагом.

2. Обратимся теперь к анализу самой категории действие/процесс. Референтом действия считается динамическая ситуация, которая, согласно В.Комри, характеризуется а) изменением во времени и/или б) непрерывным приложением ("притоком") энергии для поддержания своей неизменности. Перцептивному признаку а) удовлетворяет подавляющее большинство действий, напр., (5) Иван поднимает штангу. Небольшое число действий, противоречащих а), напр., (5^б) Иван держит штангу, удовлетворяют другому, не перцептивному, признаку б). Приведенное описание аналогично описанию типа: Спелый апельсин = '1) апельсин оранжевого цвета и/или 2) съедобный апельсин буро-зеленого цвета'. Если мы признаем, что (5) и (5') в равной мере действия, то следует признать, что и признак действия для них должен быть единым. Такой признак можно указать. Придав

признаку "изменение во времени" более общий смысл, мы охватим и действия типа б). Ведь там тоже происходит изменения – приток и трата энергии. Однако и этого признака не достаточно: вопреки ожиданиям действие не прекращается с прекращением изменений. Напр., Иван, подойдя к телефону, на вопрос: Что делаешь? может вполне корректно ответить: Читаю/смотрю футбол/прибиваю полку..., хотя к моменту речи эти действия прерывались как перцептивно, так и энергетически. И дело здесь не только в том, что цель Ивана сохранилась. Столь же важно и то, что в ситуации сохранилась возможность для ее ближайшей реализации. Так, последний ответ был бы некорректным, если перед телефонным звонком возникло серьезное препятствие для реализации цели, напр., Иван поранил руку, в квартире погас свет и т.п. Т.о., прекращение действия обусловлено не прекращением изменений, а тем, что ситуация утрачивает способность их порождать. Это же условие справедливо и для некаузативных процессов. Напр., высказывание (7) Клубника спеет корректно лишь при наличии всех условий, порождающих этот процесс. Так, (7) некорректно отнести к клубнике в лукошке или даже к клубнике на грядке, если стоит сырая, пасмурная погода. Эти рассуждения приводят к следующему определению: (8) Действие/процесс<на Т> = 'ситуация на интервале времени Т:(а) обладает способностью порождать определенные изменения (= сигнификат); (б) способность (а) проявляется в возникновении и последовательности таких изменений (= прототип).

В соответствии со сказанным образование референции глагольного действия связано не просто с регистрацией изменений, а с осмыслением ситуации, с ответом на вопрос: сохраняется еще или нет способность ситуации порождать эти (наблюдаемые или предполагаемые) изменения. Напр., если порыв ветра погасил свечу (фитиль еще тлеет), мы моментально воспринимаем это как окончание процесса "свеча горит", поскольку знаем, что с исчезновением огня утрачивается и порождающее его свойство ~ высокая температура на конце фитиля. Даже если в следующую секунду мы вновь зажжем свечу, это будет уже новый процесс. В то же время, если порыв ветра задул пламя костра, но тлеющий хворост раскален и может в любой момент вспыхнуть снова, вполне естественно считать, что костер еще не потух. Если через несколько секунд пламя вновь вспыхнет, это будет воспринято как непрерывное продолжение процесса "костер горит".

ЦЕЛЬ И ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Понятие "цели" вместе с понятиями "действие", "причина", "время" и некоторыми другими относятся к разряду универсальных, занимая центральное место в той картине мира, которая отражается в языке. Это обстоятельство обусловило появление огромного числа лингвистических исследований, связанных с анализом и синтезом языковых выражений со значением 'цели'.

Значительно меньше в этом отношении повезло понятиям "назначение" и "предназначение", несомненно относящихся к тому же кругу универсальных понятий: отсутствуют специальные работы, в которых шла бы речь о словах и словосочетаниях, имеющих значение 'назначения' и 'предназначения', в номенклатуре обычно выделяемых типов сложноподчиненных предложений не находится места предложениям с этими значениями. Все это, видимо, в значительной степени обусловлено тем, что в языковом сознании смыслы 'цель', 'назначение' и 'предназначение' очень часто отождествляются: в ряде своих значений русские слова 'назначение' и 'предназначение' толкуются через 'цель' (ср., например, толкование второго значения глагола назначить в четырехтомном словаре русского языка: 'предназначить, наметить для кого-л., чего-л., для какой-л. цели', придаточные в целевых предложениях описываются в грамматиках как информирующие о назначении того, о чем говорится в главных частях (см. об этом, например, в Академической грамматике-80), обстоятельственные детерминанты с целевым значением рассматриваются вместе и неразделенно от обстоятельственных групп, имеющих смыслы 'назначения' и 'предназначения'. Обманчиво ведет себя и само русское слово цель, часто выступающее в функциях классификатора или метаслова; ср. сочетания цель использования, цель прибытия, цель создания, в целях повышения качества (в контексте, где сочетание повышение качества само интерпретируется как 'цель'). Отсюда и появление производных предлогов - с целью, в целях.

Задачей доклада является разграничение понятий цели целесообразного субъекта и предназначения. Последнее, хотя и связано с целью, но с иной, не относящейся к сознательной деятельности человека. Предназначение как бы дано нам свыше: судьбой, роком, демиургом, Создателем. Неслучайно говорят о высшем предназначении, о предназначении таинственном, загадочном; в целях же, поставленных субъектом-лицом, нет ничего загадочного. Загадочная цель -

это цель, непонятно из каких предпосылок или побуждений и по каким причинам возникающая у самого человека, устремленного к ней, она непонятна стороннему наблюдателю. Загадочное предназначение – это характеристика не только и даже не столько самого предназначения, как того, кто определил или наметил его. Предназначения ориентированы на прошлое, цели устремлены в будущее; предназначения выполняют, а не достигают, как цель. О предназначениях говорят, лишь употребляя форму пассива, страдательного причастия, "прича" и прямо не называя субъекта, – исключения составляют лишь имена, обозначающие Высшую власть над людьми, т.е. слова Бог, Господь, Небо, Всевышний, судьба и проч. Можно сказать Им казалось, что сама судьба предназначила их друг для друга (Чехов), Убеждение, что ему предназначено заниматься бесполезным, чуждым делом, было неколебимо в нем, Такого рода системы предназначены для приема дальних телепередач или Эта котлета предназначалась коту, но плохо Эта котлета предназначалась (была предназначена) мною коту и вовсе не допустимо *Я предназначал эту котлету коту.

"Предназначение" близко к таким понятиям, как "смысл существования", "цель бытия" и под., а глагол предназначаться – глаголам служить для ('выполнять определенную функцию, роль'), использоваться и т.п. Смыслами 'предназначение' и 'цель' различаются многие слова; ср. зачем и для чего, выполнять и достигать, предлоги для₁ 'цель' и для₂ 'назначение', на₁ и на₂, по₁ и по₂. Смысл 'предназначение' играет важную роль в функционировании классификаторов предметных имен – слов аппараты, инструменты, приборы, приспособления и др.; более того, в языке можно встретить такие слова, как талисман или сувенир, классифицирующие объекты именно по их назначению: талисман может служить любой объект, предназначенный приносить счастье, а сувенир – это объект, предназначенный на память. В заключение анализируется конструкция: На то и X, чтобы Р.

Материал позволяет выделить из понятия "цели" понятия "предназначения" и "цели целенаправленной деятельности", подобно тому, как из понятия субъекта вычлениаются понятия носителя свойства, субъекта состояния или процесса и целесообразного деятеля, а из понятия действия – понятия процесса, состояния, свойства, факта и др.

ДИАЛОГ КАК ИГРОВОЕ ДЕЙСТВИЕ

1. Одним из наиболее навязчивых сравнений, используемых философией и лингвистикой двадцатого века, является сравнение языка с игрой. К нему неоднократно прибегает Ф. де Соссюр (1), объясняя по аналогии с игрой основные свойства языка и связанные с ним противопоставления. В качестве эталонной структурно близкой к языку игры выбираются шахматы. К шахматам же обращается и Л. Витгенштейн (2), говоря о функционировании языка. Впрочем, Л. Витгенштейн выходит за рамки этого сравнения и различные типы употребления языка сравнивает с различными играми, так что понятие игры вообще становится основополагающим для интерпретации языка. При этом игра понимается достаточно широко и неопределенно. Л. Витгенштейн сознательно отказывается давать игре дефиницию, предпочитая оперировать "нечетким", но всепоглощающим понятием. Максимальное расширение объема понятия и, соответственно, использования этого слова присуще и многим работам, специально посвященным игре, например (3), (4), (5). Такой подход позволяет давать всевозможным явлениям, в том числе и языковым, игровую интерпретацию, однако при нем достаточно трудно оценить реальное сходство языка и игры, ведь многие важные и типичные свойства опускаются исследователями, поскольку характерны не для всех игр и не для всех употреблений языка.

Именно поэтому в настоящей работе предпринята попытка ограничить исследуемый объект, рассмотрев лишь некоторый тип диалогов и особенно близкий к нему класс игр. В дальнейшем, фактически, описываются условия истинности высказывания Диалог – это игра, но для того, чтобы описать их достаточно полно и строго, следует предварительно рассмотреть понятие игры в рамках метафоры Игра – это диалог, где игра понимается как игровая партия (игра же как свод правил противопоставлена понятию "язык").

2. В работе рассматривается класс целевых игр (по Ю. А. Леваде (6), противопоставленных ролевым), для которых определяется понятие дискретности. Дискретной считается игра с дискретным пространством и временем. В такой целевой игре, как футбол, не дискретны ни время, ни пространство; в бильярде дискретно время, что реализуется в последовательности ходов, но не дискретно про-

странство; в шахматах же дискретны и время, и пространство. Именно это и позволяет записать и воспроизвести шахматную партию. Дискретность игры позволяет представить ее в виде диалога, например для шахмат: 1. f2 - f4 e7 - e6 2. g2 - g4 ♔d8 - h4х.

"Шахматный диалог" можно рассматривать как сокращенный диалог на естественном языке, описывающий некоторую реальность ("передвигаю пешку на доске с поля f2 на поле f4" и т.д.), но можно рассматривать и вне этой реальности как диалог на некоем "шахматном языке", перевод которого на естественный язык в принципе невозможен. Такой диалог существует по своим правилам, которые обеспечивают его связность и имплицитно включают в себя все шахматные правила. Игровой ход равнозначен реплике подобного диалога. Так, в начале разговора допустимы двадцать реплик, что соответствует двадцати начальным ходам. Словарь "шахматного языка" чрезвычайно беден, но "правила связности" достаточны сложны, так что изучать шахматную игру неизмеримо проще с помощью доски и шахматных фигур. Существенно, однако, то, что любая дискретная игра в принципе представима более или менее сложным образом в качестве диалога на особом "игровом языке", и это позволяет вычленить принципиальные черты таких игр-диалогов и сравнить их с реальными диалогами.

3. В рамках транзакционного анализа Э. Берна (4) выделяются такие типы взаимодействия, как времяпрепровождения, ритуалы, процедуры и игры. Диалоги как частный случай взаимодействия могут быть расклассифицированы таким же образом. К времяпрепровождению относится, например, случайный разговор в метро по дороге на работу ("чтобы не молчать"), к ритуалу - обмен приветствиями (Привет! - Привет! - Как дела? - Нормально), к процедуре - полезная лекция и т.д.

Что же касается диалога-игры, то для него характерны такие черты описанных выше игр-диалогов, как наличие правил связности, наличие определенных целей у участников диалога и их конфликтность. В качестве правил связности выступают языковые правила разных уровней (вплоть до прагматических постулатов П. Грайса) и некоторые специфические правила коммуникации, обеспечивающие непрерывность диалога (прерывание, например, из-за упрямства одного из участников, просто разрушает игру).

Достаточно хорошо удовлетворяют этим условиям такие типы

диалогов, как флирт (шуточная любовная игра), торговля (с вариантом сватовство; азартная денежная игра), допрос (логическая игра). Интересно отметить, что все подобные диалоги во многих отношениях ближе к карточным играм, чем к шахматам – излюбленному примеру для сравнения. Так, в этих диалогах участники изначально находятся в неравных условиях, подвергаются внешнему воздействию, в них допускается варьирование целей, действительное положение дел противника обычно неизвестно и т.д. Соответственно поощряются и многие приемы, аналогичные карточным (обман, передергивание, блеф, подглядывание в карты противника).

Более близкий к шахматам тип диалога представляют богословский и научный диспуты. Требования к диалогам такого рода, по видимому, могут быть формализованы, поскольку в них почти отсутствует апелляция к внешнему миру (зато возможна апелляция к общему фонду знаний) и правила связности весьма строги и подчинены логике. Описание правил спора (как правил связности, так и правил стратегии) содержится в работе С. И. Поварнина (7).

Таким образом, метафора Диалог – это игра приобретает для некоторых типов диалога вполне строгий смысл. Смоделированные описанным способом диалоги-игры реализуют идею "игры в бисер" Г. Гессе (правда, с обязательным элементом конфликтности) и позволяют "добывать истину", играя. Впрочем, следует заметить, что в спорах-играх, даже научных, будет рождаться лишь "игровая истина", поскольку в игре побеждает не носитель истины, а всего лишь более умелый игрок.

ЛИТЕРАТУРА

- (1) Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики// Труды по языкознанию. – М., 1977.
- (2) Витгенштейн Л. Философские исследования// Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16, М., 1985.
- (3) Huizinga J. Homo Ludens: A study of the play element in culture. – L., 1949.
- (4) Берн Э. Игры, в которые играют люди. – М., 1988.
- (5) Эпштейн М. Н. Игра в жизни и в искусстве// Современная драматургия, 1982, № 2.
- (6) Левада Д. А. Игровые структуры в системах социального действия// Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1984. – М., 1984.
- (7) Поварнин С. И. Спор. О теории и практике спора// Вопросы философии, 1990, № 3.

О ВИДАХ ДЕЙСТВИЙ И ВИДАХ КОНТРОЛЯ

Для более эффективного использования понятия контролируемости и признака "контроль" в лингвистическом описании представляется необходимым сделать ряд уточнений и разграничений. Контроль обычно связывается с волей, выбором, соответствием результата намерению. Еще одна важная характеристика контролируемых ситуаций – усилия (энергетические затраты) субъекта. Эта характеристика может быть использована для разграничения двух видов контроля – денотативного (ДК) и интенционального (ИК).

Эталонным классом контролируемых ситуаций являются действия. Под действием можно понимать активность субъекта на выделенном денотативном интервале, направленную на изменение некоторого исходного состояния (самого субъекта, объекта, среды) и образование нового состояния (результата). Энергетические затраты субъекта, воздействующего на мир, будем называть денотативными усилиями (ДУ). ДУ субъекта имеют в ситуации сферу действия, которую будем называть денотативной составляющей (ДС) этой ситуации.

Ситуация является денотативно контролируемой, если она имеет место постольку и до тех пор, поскольку и пока субъект затрачивает собственную энергию. В этом смысле субъект является денотативным контролером ситуации. На уровне СемП (семантического представления) контроль оказывается, таким образом, не признаком, а оператором, сфера действия которого – тот фрагмент СемП, который соответствует ДС ситуации.

Поскольку действие является также и интенциональным актом, в нем есть, наряду с ДС, интенциональная составляющая (ИС). Субъект является не только источником энергии, но и "автором" ситуации, анализирующим денотативные изменения и устанавливающим их соответствие своему замыслу (программе, цели), т.е. он является интенциональным контролером. Кроме того, в ситуации есть аспекты, которые не коррелируют с ДУ субъекта, но могут оказаться релевантными с некоторой точки зрения. Они также входят в сферу действия интенционального контроля (если субъект их учитывает, и не входят – если не учитывает). Таким образом, "объемы" ДК и ИК могут не совпадать (ср. случайно выпил отравленное вино vs. малодушно выпил отравленное вино; шел быстро, чтобы не опоздать vs. не замечал, что идет слишком быстро).

Ситуации, относимые к классу действий, весьма неоднородны (по

способам получения результата, видам затрачиваемой энергии и т.д., ср. физические, ментальные, речевые действия). Кроме того, есть ситуации, в которых выделяется ДС, эквивалентная "обычному" физическому действию, но которые не сводятся к нему (СПРЯТАТЬ). Для эффективной работы лингвистических правил, связанных с контролем, необходимо провести такой семантический анализ глаголов действия, который позволил бы выделить в их СемI. сферу действия оператора ДК.

Рассмотрим три случая.

1. Собственно действия (забивать гвоздь, пришивать пуговицу, есть яблоко). Субъект контролирует как ДУ, так и накопление результата. Усилия субъекта являются необходимым и достаточным условием достижения цели (которая соответствует получению результата; цель обычно не записывается в СемI, поскольку однозначно выводится из содержания действия). Такая полностью контролируемая (на уровне эталона) ситуация на уровне реализации "помещена" в денотативный контекст, который может оказаться не нейтральным, т.е. заключать в себе негативные и не контролируемые субъектом факторы, препятствующие ее реализации. Специальным средством, указывающим на нарушения в области ДК, является модификатор ПЫТАТЬСЯ (он "сокращает" сферу действия ДК до усилий субъекта и выводит из нее накопление результата):

Х передвигает шкаф → шкаф перемещается; Х пытается передвинуть шкаф → Х затрачивает усилия; шкаф не перемещается (пропорционально затрачиваемым усилиям).

2. Так наз. попытки (искать ключи, ловить бабочку). Ни в какой точке интервала активности не существует никакая часть результата. ДУ субъекта – необходимое, но не достаточное условие достижения цели. Цель, вообще говоря, не выводится из наблюдаемой ситуации (Он искал в сумке ключи? – Нет, хотел украсть кошелек) и записывается в СемI. Субъект контролирует усилия, но не накопление результата.

3. "Интерпретирующие" глаголы (спрятаться, притвориться, украсить, уступить место). Ситуация имеет полностью контролируемую ДС, но результат денотативного действия не гарантирует достижение цели, т.к. "суммарная" успешность зависит не только от усилий субъекта, но и от неконтролируемого им фактора (напр., от состояния или действия другого лица). Х спрятался от У-а в \mathcal{L} \cong "Х переместился в \mathcal{L} с целью избежать контакта с У-ом" (достижение этой цели не зависит от Х-а). Следует отличать ситуации этого типа от других, сходных, типов ситуаций, в которых "суммарная" успешность не зависит от субъекта (Ты должен немедленно спрятаться vs. Ты должен немедленно разорвать Иванова).

ДЕОНТИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ СЕМАНТИКИ ИДИОМ,
ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПОВЕДЕНИЕ

Поведение – это сложный феномен, охватывающий все сферы жизни и деятельности людей и обусловленный как внешними – материальными, так и внутренними – психологическими и психофизическими механизмами. В общем виде поведение определяется в психологии как взаимодействие индивида со средой, как проявление внешних психических функций по приспособлению к среде в неразрывной связи с развитием культуры, общества, языка (Выготский, 1960; Рубинштейн, 1957 и др.).

Элементарная единица поведения человека – его поступок. Поступки – это не просто действия, они несут в себе морально-ценностное значение для других индивидов. Действие может быть квалифицировано как поступок, если оно соотносится с деонтической картиной мира и имеет аксиологическую значимость для другого индивида или общества в целом. Онтологические характеристики поведения находят отражение в языковых знаках и идиомах, обозначающих поведение (далее – ИП), в частности.

Деонтическая модальность – важный компонент значения ИП. Деонтическая логика возникла как направление модальной логики, идеи которой были предвосхищены еще Лейбнишем. Под модальностью права Лейбниц подразумевал деонтические категории "обязательно", "запрещено" и "безразлично". Ссылаясь на наблюдения Лейбница, Г.Х. фон Вригт выводит законы, управляющие деонтическими понятиями и создает систему деонтической логики. Фон Вригт вводит три модальных оператора: позволено, \underline{P} , запрещено $\underline{F} = \sim \underline{P}$, обязательно, $\underline{O} = \underline{F} \sim = \sim \underline{P} \sim$. Деонтическая логика представляет собой логику теории человеческих действий, логику норм. Если для деонтической логики важно решение проблемы, какие действия квалифицируются как запрещенные или обязательные и является ли это логической истиной относительно норм, то при исследовании деонтической модальности в лингвистике представляется важным рассмотреть, как в семантике экспрессивных единиц, и в том числе идиом, обозначающих поведение, выражается соответствие действий и воздержание от действий нормам поведения, принятым в данном обществе, и как такое поведение

получает субъективную оценку говорящего.

Деонтические нормы связаны с нормами и правилами поведения индивидов, они включают в себя правовые, моральные, этические нормы, а также разного рода социальные правила и нормативы. Правовая норма устанавливается государством и представляет собой образец или эталон поведения людей и социальных групп. Правовые нормы регулируют, как правило, физические действия людей, а их нарушение ведет к санкциям, имеющим внешний характер. Психическая деятельность регулируется моральными нормами, представляющими собой более тонкие регуляторы человеческого поведения.

Не существует единой инструкции поведения индивида на все случаи жизни. Обучение правилам поведения происходит с раннего детства, в том числе и с помощью языковых образов. Каждой культуре на определенном этапе ее развития присущ нормативный канон личности, существующий в индивидуальном и общественном сознании (Кон, 1988).

В языковой картине носителя русского языка закреплён нормативный канон языковой личности и система норм поведения, выраженная в семантике идиом, обозначающих поведение и личностные качества субъекта. Большинство фразеологических единиц, как и лексических, фиксируют отклонение от нормы, подвергавшееся отрицательной рациональной и эмоциональной квалификации (загубить душу, пуститься во все тяжкие, с жиру беситься). Нормативный канон языковой личности предполагает запрет на такие социально вредные действия как подкуп, ср. идиом, замазать рот; незаконное пользование чужим добром, воровство — залезать в карман к кому-либо, запускать руку (лапу) во что-либо, нагреть руки; тунеядство, житьё за чужой счёт — есть чужой хлеб, сидеть на шее у кого-либо, жить на хлебах у кого-либо; пьянство — заглядывать в бутылку (рюмку), заливать глаза (шары, зенки), закладывать (заливать) за галстук (воротник), муху раздавить; пустое времяпрепровождение, бездельничанье — плевать в потолок, сидеть сложа руки, гонять лодыря, бить баклуши, ходить из угла в угол, палец о палец не ударить.

Деонтическая картина мира, присутствующая в сознании носителя языка, состоит из иерархии норм поведения, представляющих собой изначально онтологически отображенный опыт, частично за-

крепленный в языковой картине мира, который, в приведенных выше примерах соотносится с содержанием "запрещено" ("не разрешено", "не следует"), он может также соотноситься с понятиями "обязательно", "позволено".

При исследовании деонтической модальности в семантике ИП перечисленные модальные операторы также играют важную роль. Деонтическая модальность указывает на соответствие действий нормам поведения, принятым в данном обществе, и как такое поведение получает субъективную оценку говорящего. Для иллюстрации действия деонтической модальности приведем полный анализ семантической структуры ИП. В идиоме запускать лапу во что-либо X (лицо) в целях I делает так, что Q становится собственностью X - а (присваивает, крадет Q), где Q - общественный продукт, деньги, материальные и другие ценности, принадлежащие обществу (государству) W. Противоправные действия X - а отображаются в семантике идиомы в ее дескриптивном компоненте, а макрокомпонент "деонтическая модальность" фиксирует отношение к норме. При сравнении данного поступка с нормами поведения, присутствующими в сознании индивида в виде знаний о мире, автор речи приходит к выводу о том, что данный поступок противоречит норме поведения N: "запрещено присваивать общественное имущество". Именно такое несоответствие передается автором речи при вербализации данного поступка с помощью деонтической модальности, связанной с определением отношения поступка X - а к норме, указывавшей "запрещено p", разрешено p" или "обязательно p".

Деонтическая модальность амальгамирует с дескриптивным макрокомпонентом ИП, образуя ценность, и является основанием как для аксиологической, так и эмотивной оценок. Такой поступок X - а оценивается отрицательно: совершение p - "плохо" (аксиологическая оценка) кроме того, такое действие "плохо" еще и потому (эмотивная оценка), что в сознании X - а возникает образ, "как если бы X запустил лапу во что-либо", а также дополнительные ассоциации, связанные с уподоблением X - а хищному зверю и это вызывает отрицательное чувство-отношение автора речи к субъекту поступка.

- Ноне верных-то людей мало что-то осталось - всяк норовит в хозяйский кошель лапу запускать (Печерский).

ДЕЙСТВИЯ В КУЛЬТУРЕ ОРГДЕЯТЕЛЬНОСТНЫХ ИГР

Оргдеятельностные игры (ОДИ) – увлекательное интеллектуальное занятие, нечто вроде "Игры в бисер", описанной Германом Гессе. Действия в этих играх имеют своим материалом идеи, выражаемые вербально или графически (на схемах).

1. Четыре плоскости действий в ОДИ. Различ^{ные} содержания и действия – основной принцип работы в ОДИ. Для этого вводится графическое средство – рисуются две ортогональные плоскости: плоскость действия (т.н. оргдеятельностная доска, далее "ОД-доска") и плоскость содержания (т.н. онтологическая доска, далее "ОНТ-доска"). Каждый ход в игре предполагает действие либо на ОД-доске, либо на ОНТ-доске. При этом на площадке игры все время происходят переинтерпретации онтологических схем как оргдеятельностных и наоборот. Результат действий на ОНТ-доске (схема) может получить ОД-интерпретацию благодаря техническим действиям особого рода (направленным на субъективацию, самоопределение и т.п.). Например, докладчику часто задают вопрос: "А где вы на этой схеме?" или "А что вы здесь будете делать?" ОД-схема, в свою очередь, может быть переинтерпретирована как ОНТ-схема в результате некоторой методологической работы (например, представление выявленных позиций в виде топик).

Таким образом, за каждой из двух традиционных для ОДИ плоскостей можно выстроить еще по одной: за ОД-доской – плоскость игротехнических действий (далее "ИТ-доска"), за ОНТ-доской – плоскость методологических действий (далее "МЕТ-доска").

2. Действие и ритуал. В культуре ОДИ действие по понятию является целенаправленным. Эта норма косвенным образом зафиксировалась в ОДИ-слэнге, на котором действия, не отвечающие этой норме, именуются "телодвижениями" или "ритуалом". Например, говорится: "Обучение в советской школе носит чисто ритуальный характер. Ученики делают вид, что учатся, а учителя, что учат". Между тем, на основании этого слэнгового словопотребления можно ввести некоторое понятийное различие. Действие целенаправленно и включает представление о результате, в отличие от ритуала, который сам по себе бесцелен, но осмыслен запредельным смыслом (а следовательно, бессмыслен для неприсутствующих).

По введении этого различия оказывается, что первый час работы в группах на игре всегда проходит ритуально: игротехники требуют от игроков совершить целеполагание и самоопределение, утверждая, что "без этого никакой работы не получится", что "так обязательно надо". По сути, это апелляция к предельным ценностям ОДИ-сообщества, которая поначалу чаще всего бессмысленна для неофитов и потому ритуальна. Потом, при каждой неудаче игрока, ему говорят: "Это потому, что у вас на самом деле нет цели. Наверное, то, что вы называли, не является действительно вашей целью". Требуя уточнения цели и реального целеполагания, игротехники проводят игрока по пути от ритуала к действию – что является прямой противоположностью происходящему в истории и в культуре, где многие действия со временем превращаются в ритуалы.

3. Виды действий в ОДИ. Перечислим известные нам виды действий на каждой из перечисленных в п.1 плоскостей.

Действия участников на плацдарме игры (ОД-доска): заявленные своей позиции; оппозиция кому-либо или поддержка чужих позиций; организация понимания.

Игротехнические действия (ИГ-доска) могут быть направлены на: самоопределение участников; субъективацию; объективацию; проблематизацию; распремечивание; организацию рефлексии; организацию понимания.

Действия на ОНТ-доске: задание топик; задание онтологий; преобразование онтологий; построение конфигураторов.

Методологические действия (МЕТ-доска): выделение средств работы на ОНТ-доске и фиксация норм; выделение оснований; демонстрация культурных образцов работы; организация понимания.

Любой участник игры может совершать действия на всех досках, однако в ОДИ бывает специально выделены функциональные места игротехников и методологов. Игротехники по своим функциям действуют преимущественно на ИГ-доске и МЕТ-доске, методологи – на ОНТ-доске и МЕТ-доске.

4. Иллюстрация. Представим себе игру на тему "Действие и его модели". Участвуют следующие группы: Логика. Лингвисты. Социологи. Психологи. Юристы. Деятели науки и техники. Бездельники. Спортсмены. Картежники. Теологи. Маги и шаманы. Парторги.

Каждая из групп на общем заседании при обсуждении темы каким-то образом заявила свою позицию. Юристы противопоставились социологам и психологам, логики - парторгам, теологи - логикам, бездельники - картежникам. Теологи объединились с магами и шаманами, спортсмены - с картежниками, бездельники - с деятелями науки и техники, социологи - с психологами.

На ИТ-доске могут быть произведены различные действия, указанные в соответствующем разделе п.3. Например, любой из групп может быть задан вопрос о том, как именно специфика их группы отражается в их докладе. Если оказывается, что никак, группа будет вынуждена самоопределяться, строить, например, онтологическую базу для своей группы и уже только потом - онтологию по теме дня. Группе бездельников может быть сделан упрек в непоследовательности, т.к. они, заявив как высшую ценность отказ от действий, все-таки выступили с заявлением своей позиции и, таким образом, совершили действие. Это - пример игротехнического действия, направленного на субъективацию. Бездельники будут иметь повод приложить собственное "объективное" содержание к себе - и либо уточнить, что же такое "действие", либо пересамопределиться.

На ОНТ-доске могут быть представлены различные онтологии. Например, схема "акта действия", где человек преобразует исходный материал, имея волю, представление о конечном продукте и средства. Или схема мыследеятельности, где над слоем мыследействия надстраиваются еще два - мысли-коммуникации, где идет обмен текстами, и чистого мышления, где сопоставляются сами идеи. Или же, например, мистическая схема, содержащая три сферы - социальную, культурную и духовную - различающая все действия в зависимости от того, в какой сфере они происходят, или какие сферы соединяют, или от их направленности. Могут быть заданы топики, где топиками будут научные предметы и области деятельности, имеющие дело с действиями - как сделали мы, прописав названия групп в начале п.4.

Когда топика названа топикой - это действие на МЕТ-доске. Здесь же может быть произведено выделение оснований, результаты которого затем могут быть использованы для проблематизации.

ОБ ОДНОМ ГРАММАТИЧЕСКОМ СПОСОБЕ ВЫРАЖЕНИЯГЛАГОЛЬНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ

В понятие глагольной множественности обычно включаются такие количественные характеристики действий (ситуаций), как кратность, длительность, интенсивность, повторяемость, мультипликативность, пространственная и временная локализованность/нелокализованность действия и т.д. (см. работы И.А.Бодуэна де Куртене, А.В.Бондарко, Ю.Хартунга, И.Б.Доллиной, Д.С.Маслова, И.И.Туранского, Т.М.Ломовой, В.П.Мусиенко, Н.А.Козинцевой, В.Н.Яковлева и др.).

Исследователи отмечают, что для выражения названных количественных характеристик действия используются различные языковые средства: фонетические, словообразовательные, лексические, синтаксические. Однако вне поля зрения большинства современных русистов остается категория степени глагольного действия, сформировавшаяся как естественное обобщение количественных свойств действий, процессов, состояний.

Начало изучению категории степени действия (или категории степени длительности, далее — КСД) было положено языковедами прошлого века — Г.П.Павским, М.Н.Катковым, К.С.Аксаковым, Н.П.Некрасовым, А.А.Потебней. В нашем столетии учение о КСД поддерживали и развили такие лингвисты, как Н.Д.Русинов, Л.С.Шипкина, Л.А.Малинова, В.И.Роллч, Г.П.Мельников.

В частности, Г.П.Мельниковым были выделены и ранжированы на степенной шкале в соответствии с выражаемым количественным значением все суффиксы, оформляющие КСД:

I	2	3	4	5
-(а)ну-	-ѣ-	-е-	-а-	-ива-
-и+ну-	-и+ѣ-	-и-	-и+а-	-и+ива-

КСД представляет собой не согласовательную (синтаксическую), а собственно глагольную морфологическую категорию числа (Л.С.Шипкина). Общим, родовым грамматическим содержанием КСД является количественность, глагольная множественность; видовое же грамматическое значение каждого степенного суффикса эксплици-

руется на шкале определенным числом (см. рис.).

Исследование отражения значения степенных суффиксов в результирующей семантике глаголов, проведенное на большом лексическом материале (свыше 10 тыс. лексем), подтвердило наличие у русского глагола грамматической градуальной КСД.

Уточнение морфемного состава каждой глагольной формы и распределение однокорневых глаголов на степенной шкале в соответствии с рангом входящего в их состав суффикса показало, что разное количественное содержание степенных суффиксов обнаруживается через их отношение друг к другу и наиболее отчетливо проявляется в качественно однородных смыслах сравниваемых степенных глагольных форм.

Ни один из степенных суффиксов не специализирован для выражения какого-либо определенного количественного признака, но каждый суффикс в равной мере способен, в зависимости от минимального (состава морфем в словоформе) и/или максимального контекста, "намекать" на любую пространственно-временную количественную характеристику действия. При этом, например, кратность, ассоциированная с каждым предыдущим суффиксом, воспринимается как единичная и/или очень слабо (слабее) расчлененная по сравнению с кратностью, ассоциированной с каждым последующим суффиксом степенной шкалы, сравн.: колокольчик бряк-ну-л - бренч-а-л (< *бренч-л) - бряк-а-л; стук-ну-л - стуч-а-л (< *стуч-л) - стук-а-л кулаком по столу; бурк-ну-л - бурч-а-л (< *бурч-л) - бурк-а-л что-то в ответ.

Действие (состояние), обозначенное глаголами с "большими" степенными суффиксами, может восприниматься также как более интенсивное (глаза блес-ну-л-и - блест-а-л-и - блист-а-л-и, хруст-ну-л - хруст-а-л яблоком - хруст-а-л яблоко = 'жевал с хрустом'); выполненное с большей тщательностью или распространенное на большее количество объектов (вы-леп-ил-и - вы-леп-и-л - вы-леп-и-л-а фигурку из глины, за-остр-и-л - за-остр-а-л - за-остр-и-л-а наконечник/наконечники); как более абстрактное (ше-л-л - ход-и-л - хаж-и-л по этому мосту); медленнее протекающее (снег с-полз - с-полз-а-л - с-палз-и-л-а с крыши); поэтапное, выполненное в несколько приемов (вы-кат-и-л - вы-кат-а-л - вы-кат-и-л-а бочки из подвала, за-черк-ну-л - за-черк-а-л - за-черк-и-л-а напиток) и т.д.

Принятое в системной лингвистике разграничение значения и смысла языкового знака (морфемы) позволяет интерпретировать все эти разнообразные количественные оттенки в семантике глаголов как узувальные (эвентуальные, актуальные) смыслы степенных суффиксов.

Включение КСД в систему глагольных категорий имеет большое значение не только для теоретического осмысления русского языка, но и для его практического овладения. С помощью КСД удастся построить адекватную морфологическую классификацию глаголов, которая, в свою очередь, дает возможность создать высокоинформативное лексикографическое описание глагольной системы.

Учет неодинакового "количественного веса" суффиксов, выражающих грамматическое содержание КСД, позволяет по-новому взглянуть на некоторые дискуссионные вопросы аспектологии, морфологического состава глагольных форм, на традиционную практику представления соотносительных глагольных форм в толковых словарях.

В настоящее время многие глаголы, составляющие степенные оппозиции, или не имеют в толковых словарях никаких перекрестных отсылок (например, дохнуть и дышать, рычать и рыкнуть, рыкать), или же толкуются как абсолютно тождественные (разбросить — разбросать, обменить — обменять) или абсолютно разные (захолодеть — захолодеть) по семантике. Между тем, расположение этих глаголов на степенной шкале в соответствии со степенным суффиксом каждого показывает, что в большинстве случаев их можно квалифицировать как соотносительные грамматические формы, образующие градуальные оппозиции и призванные выражать различные количественные характеристики действия (состояния).

Степенная шкала суффиксов может быть использована в лексикографической практике как диалогизирующее средство при отыскании качественно однородных смыслов у степенных глагольных форм, уточнении толкований и упорядочении дефиниций внутри словарных статей, при разработке системы грамматических помет.

СЛОВО И ДЕЛО И СЛОВО КАК ДЕЛО

1. В основе текста лежит операция переключения (А.Греймас) – подавление ситуации высказывания, вычитание прагматики из семантики. Включение прагматики – сигнал гибели текста: выход текста за собственные пределы и капитуляция. На этом эффекте основана "хитрая действительная возражательная", опровержение слова – делом:

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.

Другой смолчал и стал пред ним ходить.

Сильнее бы не мог он возразить;

Хвалили все ответ замысловатый.

Включение происходит уже в первой фразе: теоретический текст ("невключенное" высказывание: движенья нет) подрывается аргументом *ad hominem*. (сказал мудрец брадатый). Действие-ответ ("стал ходить") дискредитирует уже не говорящего, а слово, ловит говорящего на слове, на том, что говорящий говорит – только говорит. Но и концовка стихотворения, опровергающая "практика", также основана на включении:

Ведь каждый день пред нами солнце ходит,

Однако ж прав упрямый Галилей.

Вопрос о теоретической истине подменяется вопросом о практической правоте субъекта высказывания.

2. В баснях Крылова развернутому монологу (описанию) противопоставляется редуцированная концовка-ответ: И с ним была плутовка такова; А воз и ныне там; А Философ – без огурцов; Хватит друга камнем в лоб!; И с возом – бужь в канаву!

Слово аннулирует жест молчания. Слово само становится делом; диегесис переходит в мимесис.

"Дело" имеет чисто перцептивный эффект ("камнем в лоб") и должно служить "уроком жизни": реальность – это то, что не совпадает с мнением о реальности (не контролируется человеком). Принцип Знания опровергается принципом Власти, но сама власть определяется чисто эпистемически – ~~как~~ то, что учит, и то, чему учатся. Поскольку любое высказывание – это мнение о реальности

и фрагмент Знания, урок может быть преподнесен только в форме самоотрицания текста.

Если слова не имеют практического эффекта, то слово "тут же" становится делом: Сказал и в темный лес ягненка поволок;
И тут же выпустил на волка гончих стаю. Действенность слова – результат включения: в слове-высказывании исполнение совпадает с совершением, акт с результатом. Ср.: писал, но не написал, но
*говорил, но не сказал. Отсюда сказочная формула "сказано – сделано" (Д.Медриш) и перформативная доказательность этой формулы. "Сказано – сделано": истинно потому, что сказано (сделано). Заключительная сентенция басни – это и есть утверждаемое дело, само дело, – не слово как дело, а дело как слово.

3. Аграмматизм латинских афоризмов часто объясняется переключением в план дела:

Cogito ergo sum

Односложная форма *sum* в своей перформативной значимости соотносится с демонстративом *sic!* или со словами-приказами *i!, fi!* Слово-рассуждение превращается в слово-действие; *ergo* читается как *ergo*.

Credo quia absurdum

Отсутствие глагольной связи превращает подчиненную пропозицию в номинативную констатацию: *absurdum!* Силе разума противопоставляется сила "голового" факта. Афоризм читается как реплика хрии – абсурдная и потому последняя реплика Власти: "Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать".

Два способа организации действий в сюжете художественного текста.

"Все течет, все изменяется," - так великий философ древности определил суть жизненных процессов. Изменения, происходящие в экстралингвистической реальности, могут быть описаны словесно, причем, одна и та же ситуация ("картинка") меняющегося мира может быть "представлена" словесно в виде текстов разного типа. Например, об одном и том же преступлении можно рассказать и языком полицейского протокола, и языком детективного романа. И разница между этими текстами заключается не столько в употреблении специальных терминов в первом из них (они не противопоставлены второму), сколько в особой организации отдельных слов в системе целого во втором из этих текстов, благодаря чему описываемая реальность приобретает обобщенный смысл, начинает восприниматься не только как последовательность конкретных ситуаций, а как некая "модель мира".

В моделировании жизненных процессов посредством художественного текста особая роль принадлежит словам, указывающим на движение (глаголам, отглагольным существительным и т. д.): благодаря семантическим и логическим связям, устанавливаемым между ними в тексте, эти слова как бы организуют весь пространственно-временной континуум текста. В нехудожественном тексте (например, в полицейском докладе) логические связи между "действиями" устанавливаются по горизонтали, в художественном (например, в детективном романе) - не только по горизонтали, но и по вертикали: между "действиями", складывающимися по мере развертывания текста в "сюжет". Особо акцентируются каузальные связи, что явствует из слов Э. М. Форстера, который в книге "Аспекты романа" говорит, что фраза *Король умер, а потом умерла королева* описывает просто два события, следующие одно за другим, а фраза *Король умер, а потом и королева умерла от горя* - это уже сюжет (E. M. Forster. *Aspects of the Novel*. Penguin Books. 1962. p. 93).

Конечно, высказывание Э. М. Форстера не следует понимать в буквальном смысле. Фраза не может сама стать сюжетом, но под-

черкивание в ней каузальных связей делает ее "зародышем", из которого может развиваться сложный механизм сюжета, отправным моментом которого может стать, например, "горе": *Горе чье? - Королевы. Из-за чего? - Из-за смерти. Из-за чьей смерти? - Короля.* и т. д. Именно по такой схеме развивался сюжет поэмы Э. По "Ворон", о чем свидетельствует сам поэт в статье "Философия композиции" (Edgar Allen Poe. Poems and Essays. Dent & Dutton. 1969. pp. 163-177). Отправной точкой сюжетосложения было слово *Nevermore* (больше никогда), монотонное повторение которого должно было создать тон "тоски и меланхолии", нужный поэту для задуманного произведения. Следующий шаг - придумать, кто будет повторять это слово, то есть субъекта речи. Э. По решает, что убедительней всего это может делать говорящий ворон, знающий только это единственное слово. Давая естественную мотивировку для произнесения этого слова, поэт решает, что ворон будет повторять его как бы в ответ на меланхолические риторические вопросы, которые будет задавать некий человек, находящийся в состоянии глубокой печали. Затем Э. По придумывает причину печали - это утрата возлюбленной, имя которой, *Lenore*, созвучно повторяемому вороном слову *Nevermore*. Таким образом, это слово получает в поэме сюжетобразующую функцию. Его можно назвать ключевым для данного текста: оно открывает, образно говоря, шлюзы творчества, через которые "замысел" прорывается в "текст". И прорывается он, как явствует из статьи Э. По, через текстовую деятельность с перевернутой причинно-следственной связью: эффект от речи предшествует ей самой, ответы на вопросы, задаваемые персонажами, придумываются раньше вопросов, к вопросам подбирают субъекта речи, который задаст их и т. д. Как прыгун в длину пятится назад, пока не почувствует, что готов к прыжку, так и писатель строит речь "задом наперед", пока не дойдет до кульминационной точки будущего текста. По словам Э. По, это, вообще, обычный способ придумывания сюжетов (см. Poems..., p. 164).

Э. По мог бы и в самом тексте оставить причинно-следственную связь между действиями перевернутой. Такое построение текста не столь уж редко встречается в мировой литературе. Оно обычно связано со спецификой художественного замысла автора.

Это построение по принципу **ЛИРИЧЕСКОМУ**: оно подчинено задачам экспрессивного самовыражения автора, стремящегося не столько рассказать о чем-то, сколько выразить то, что накопилось на душе. Точка зрения на действия, о которых говорится в тексте, сугубо внутренняя.

Но, как известно, Э. По не стал строить текст поэмы таким образом. Он привел причинно-следственные отношения в естественный порядок. Здесь, так сказать, сначала умирает король, королева горюет и, как следствие этого, умирает... Это построение по **ЭПИЧЕСКОМУ** принципу, подчиненное повествовательным задачам: здесь каждое действие, составляющее сюжет, предшествует действиям, являющимся его следствиями, причем эти причинно-следственные связи всячески подчеркиваются. Автор такого текста стремится не столько выразить что-то, что мучает его, сколько просто рассказать о каких-то событиях, пусть даже очень странных: молодой ученый, склонившийся над старинным фолиантом - его тоска по утраченной Леноре - стук в окно (три раза) - Ворон влетает и садится на бюст Паллады и т.д. Точка зрения на действия, о которых говорится в тексте, большей частью внешняя.

Чисто лирическое и чисто эпическое построения художественного текста используются редко. Любой эпически ориентированный текст одновременно несет на себе печать самовыражения автора. Не случайно "Ворон" воспринимается как отражение личной драмы поэта, поданной вроде бы как описание событий, ни одно из которых, по словам Э. По, "нигде не преступает пределов правдоподобия" (см. Ромсы..., р. 176). Это происходит благодаря тому, что время от времени авторская точка зрения смещается с внешней на внутреннюю, в результате чего лирическое начало пробивается сквозь эпическое повествование. С другой стороны, любое лирически ориентированное произведение не может быть полностью свободным от элементов эпики, даже если в нем, как в одном из стихотворений О. Мандельштама, шепот родится прежде губ: точка зрения читателя ведь всегда остается внешней, и он не может не перестраивать мысленно причинно-следственные отношения с инвертированного порядка на естественный.

Средство как разновидность орудия

Почти все глаголы активного физического действия имеют орудийные валентности. Под орудием мы понимаем вещественный (предметный) компонент деятельности, которым пользуется агент в процессе этой деятельности, но на который действие непосредственно не направлено.

На основании применения критериев расходоуемости (невозможности/возможности повторного применения орудия для того же действия) и связанности (обязательности/необязательности продолжения состояния контакта орудия с пациентом или другим участником ситуации для сохранения результата действия) проводится разбиение орудия на четыре основных вида: собственно инструмент, связанный инструмент, свободное средство, ингредиентное средство.

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ОРУДИЯ

	НЕ РАСХОДУЕТСЯ (инструмент)	РАСХОДУЕТСЯ (средство)
НЕ СВЯЗЫ- ВАЕТСЯ	<u>собственно инструмент</u> - резать хлеб <u>ножом</u> - обжарить хлеб <u>в тостере</u>	<u>свободное средство</u> - чистить зубы <u>пастой</u> - мыть овощи <u>в воде</u>
СВЯЗЫ- ВАЕТСЯ	<u>связанный инструмент</u> - заколоть волосы <u>шпилькой</u> - зажать заготовку <u>в тиски</u>	<u>ингредиентное средство</u> - рисовать <u>красками</u> - развести краску <u>в воде</u>

Таким образом, оттолкнувшись при выборе критерия для разбиения орудия от известной формулировки Ю.Д. Апресяна (Лексическая семантика. - М., 1974. - С. 128), мы приходим к нескольким результатам: то, что в работах Апресяна и его последователей называется "инструментом", у нас относится к собственно инструменту, а принятому в этих работах нерасчлененному понятию "средство" соответствуют наши три понятия: связанный инструмент, ингредиентное средство и свободное средство.

Каждый из четырех типов орудия подвергается дальнейшему членению по способу использования орудия в действии. В результате строится разветвленная классификация способов использования орудия. Остановимся здесь на классификации способов использования средства (свободного и ингредиентного). В прямой зависимости от способа использования средства находится форма его

выражения, поэтому каждый выделяемый способ сопровождается указанием на характерные формы его выражения.

Способы использования свободного средства

1. Подвижное свободное средство – свободное средство, приводимое агенсом в непосредственный контакт с пациенсом, в подавляющем большинстве случаев с помощью собственно инструмента. Форма выражения – т.в.п.: чистить зубы пастой, стрелять дробью.

2. Неподвижное свободное средство – свободное средство, которое не перемещается агенсом (т.е. либо не перемещается вообще, либо перемещается не агенсом). Агнс добивается непосредственного контакта пациенса со средством, перемещая пациенс. Это средство отличается от неподвижного собственно инструмента лишь тем, что используется однократно. Форма выражения – о + в.п.: отжать избыток краски о газету (ср.: отжать избыток краски о край сосуда – здесь значение неподвижного собственно инструмента).

3. Свободное средство – место расположения пациенса в процессе действия. Выражается различными формами со значением места: стирать белье в мыльном растворе, печь картофель на углях, промыть изделие под струей чистой воды.

4. Свободное промежуточное средство – свободное средство, помещаемое между собственно инструментом и пациенсом. Форма выражения – через + в.п.: наметывать складки через бумагу.

5. Свободное средство – приманка. Форма выражения: на + в.п.: ловить рыбу на червя, на кашу.

6. Свободное средство обмена – средство, которое агнс расходует, получая взамен доступ к чему-то нужному для себя. Для выражения двух разновидностей этого значения используются две формы – на + в.п. и за + в.п.: купить книгу за рубль, купить ягод на рубль.

7. Свободное средство условного обмена. Форма выражения – по + д.п.: купить книгу по открытке, получить багаж по квитанции.

Способы использования ингредиентного средства

1. Подвижное ингредиентное средство – средство, приводимое агенсом в непосредственный контакт с пациенсом или, в случае отсутствия пациенса, с ингредиентным средством другого типа, часто с помощью собственно инструмента. Форма выражения –

тв.п. В зависимости от того, с каким именно участником ситуации агентс осуществляет контакт подвижного ингредиентного средства, производим его дальнейшее членение: контакт с папиенсом (покрыть шкатулку лаком), контакт с ингредиентным средством другого типа, в результате чего создается креатив (писать чернилами, шить шелковое платье хлопчатобумажными нитками).

2. Ингредиентное средство – место папиенса, креатива или другого ингредиентного средства в результате действия. Выделяется четыре разновидности этого значения.

2.1. Ингредиентное средство–основа. Форма выражения – по + д.п.: собирать парилку из многослойных утепленных щитов по картасу из брусьев.

2.2. Ингредиентное средство–фон. Основные формы выражения на + в.п., на + пр.п., по + д.п.: записать предложение на карточку, начертить выкройку на бумаге, вышивать цветочки по воротнику.

2.3. Ингредиентное средство–среда. Форма выражения – в + пр.п.: развести краску в воде.

2.4. Ингредиентное средство–упаковка. Форма выражения – в + в.п.: фасовать краски в тюбики.

3. Ингредиентное промежуточное средство – средство, помещаемое между папиенсом и конечной точкой расположения папиенса. Основная форма выражения – на + пр.п.: класть кирпич на известковом растворе.

4. Ингредиентное средство–материал – средство, в результате расходования которого создается креатив, причем средство становится его основной, если не единственной, частью. Форма выражения – из + р.п.: шить из ситца платье.

5. Ингредиентное средство – ключевой компонент креатива. Формы выражения – на + пр.п., на основе + р.п.: замесить тесто на дрожжах, изготавливать минералокерамические сплавы на основе окиси алюминия.

6. Ингредиентное средство–наполнитель – средство, занимающее основной объем креатива или используемое для увеличения объема креатива. Формы выражения – на + пр.п., на основе + р.п.: приготовить стиральный раствор на холодной водопроводной воде, изготавливать краски на основе олифы.

ДЕЙСТВИЕ В СИСТЕМЕ СЛОВЕСНЫХ ПОЭТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ

В докладе рассказывается об исследовании словаря русских поэтических образов (существующего частично в машинном виде, частично — в виде картотеки), целью которого было понять, что представляет собой действие в русском образном языке.

Основным понятием данной работы является понятие парадигмы образов, в частности, понятие лексико-синтаксической парадигмы образов. Под поэтическим образом понимается отрезок текста (от одного слова до нескольких строф или предложений), в котором сближаются (отождествляются) несходные (семантически далекие, несовместимые, в том числе противоречащие и противоположные) понятия, т.е. такие понятия, которые в нормативном общелитературном языке не сближаются. При этом сближаться могут имена, действия (предикаты) и ситуации. Так, в образе: ...тогда напрягаясь, качаясь, с багровым лицом от усилия в уши врубать тяжеловесные свои фразы — забил своим голосом, как топором (Белый) — происходит сближение имен: голос — топор, а также сближение действий — говорения, звучания голоса и действия орудием (врубить, бить).

Каждый образ существует не сам по себе, а в парадигме. Образы, в которых сближаются семантически несходные действия, включаются в особые — лексико-синтаксические парадигмы.

Парадигмой образов называется семантический инвариант вида $X \rightarrow U$, где X и U семантические признаки, находящиеся в указанном выше отношении противоречия, а стрелка обозначает направление отождествления. Иными словами, сближение голоса и топора не случайно, оно входит в парадигму "звук \rightarrow орудие" (голос, крик, шум, плач... — это стрела, топор, колун, сабля, нож, бич, плеть, пуля, фугас...), а отождествление "говорить — врубить, бить" входит в парадигму "звук \rightarrow действие орудием" (звучать, кричать, говорить, визжать... — это бить, рубить, колоть, резать, сверлить, пронзать, вырезать...).

Парадигма, в которой сближаются имена (звук \rightarrow орудие), называется лексической, а парадигма, в которой сближаются действия — звук (звучание) \rightarrow действие орудием — лексико-синтаксической. Примеры образов, входящих в последнюю парадигму: ...и кричали в нее пронзительно, как опуская с лука стрелу (А.Цветаева). Крик его лопнул над тошпой шрапнельным разрывом. (Шолохов). Золотое

небо криком / Остро взрежет стриж. (Белый). ...действовала интонация голоса, хриплого и небогатого, но вырезающего, как на стали, рельефы (Белый). Два голоса рвали тишину ночи (Горький). Поросший визг шилом вонзался в уши. (Шолохов). Мне лапы дырявят голоса нож. (Маяковский)... рассыпаясь в сопрано, звинтил в самый купаль хор. (Булгаков). Голос — подсох: носовой, чуть туманный, надтреснутый; как колуном, колот слово свое, как лучину (Белый). Но в глотках рвались холостые фунасы (Пастернак) — о крике петухов. Кого бы ни раздавил, как страшный удар молотом, голос Владимира Облачного (Хлебников).

Понять, какие существуют лексико-синтаксические парадигмы, означает установить, какие семантические признаки образуют противоречие, т.е. какие инварианты действий релевантны в системе поэтического языка. Исследование машинной части словаря показало, что в русской художественной литературе существует около тысячи лексико-синтаксических парадигм (на самом подробном уровне описания).

Примеры лексико-синтаксических парадигм: расположение → перемещение, перемещение → действие орудием, действие орудием → огонь (горение), огонь (горение) → течение (воды), перемещение → съедание, действие орудием → дыхание, шум → речь, шум → музыка, смерть → перемещение, жизнь → действия с тканью, судьба → действие орудием и т.д.¹⁾

Некоторые парадигмы обратимы, т.е. допускают отождествление в обе стороны, например: огонь — течение и течение — огонь, время (действие времени) — действие орудием и действие орудием — действие времени, экзистенциальное — шум листьев и шум листьев — экзистенциальное ("экзистенциальные действия" — это действие времени, смерти, жизни, судьбы и т.д.), свет — зрение и зрение — свет, свет — течение и течение — свет, свет — улыбка и улыбка — свет, шум — речь и речь — шум, речь — течение и течение — речь и т.д.

Помимо вопроса о релевантности тех или иных действий для языка образов (проблема устойчивости парадигм, их частотных ха-

¹⁾ Примеры лексико-синтаксических парадигм см. в: Автоматизация подготовки словарей. МГУ, 2; Н.В.Павлович. Парадигмы образов в языке русской поэзии XX в. // Язык русской поэзии XX века. М., 1989.

рактических) в докладе освещается вопрос о разной роли действий в левой и правой позициях в парадигме (т.е. в роли X, инварианта действия, которое сравнивается, либо в роли У, инварианта действия, с которым сравнивается X). Исследование показало, что у многих действий есть своя "предпочтительная" позиция. Например, признак "перемещения" довольно редко выступает в роли X, но по числу встречаемости в позиции У занимает первое место. (Признак "перемещение" - инвариант действий: идти, бежать, мчаться, плавать, летать, ползти и т.д.). Приведем ниже количественные данные о встречаемости некоторых действий в левой и правой позициях. Данные приводятся по машинной части словаря, содержащей около 7 тысяч образов. Таблица включает по 13 наиболее частотных действий в левой и правой позициях. Цифра обозначает число образов с действием в данной позиции.

действие в левой позиции	Кол-во образов	действие в правой позиции	Кол-во образов
экзистенциальные действия (действие жизни, судьбы, времени, смерти и пр.)	420	перемещение	421
свет	296	огонь	279
звук	222	звук	191
ментальные действия (чувствовать, думать, мечтать, сознавать...)	200	течение	126
растение (расти, цвести...)	133	действие орудием	109
течение	116	зрение	98
действия воздушного пространства (мглиться, дымиться, туманиться, клубиться...)	65	свет	75
перемещение	60	речь	75
зрение	59	дыхание	69
действие слова (воздействие художественного слова)	46	телодвижения	56
отражение (в воде, зеркале)	23	действия с тканью	56
огонь	17	расположение (висеть, лежать, развалиться...)	47
речь	17	соединение	32

ГЛАГОЛЫ ДЕЙСТВИЯ И ИХ СОЧЕТАЕМОСТНЫЕ СВОЙСТВА

Толкование слова, равно как и любой другой языковой единицы, не может точно передать его значение - хотя бы потому, что значение слова, как правило, неоднозначно и нерасчлененно, а толкование должно быть однозначным и эксплицитным. Поэтому назначение толкования не в том, чтобы точно передать смысл слова, что невозможно, а в том, например, чтобы:

- объяснить, в чем различие между разными употреблениями (или значениями) данного слова;
- объяснить различия по смыслу между данным словом и его квази-синонимами;
- объяснить свойственные данному слову ограничения сочетаемости, да и вообще его сочетаемость.

Именно эта последняя задача и будет нас интересовать.

Как известно, сочетаемость в существенной степени предопределяет окончательный вид (набор семантических компонентов) толкования, ср. понятие синтаксического аргумента в ТГ и в Wierzbicka 1980, p.163). В докладе рассматриваются сочетаемостные свойства глаголов действия (физического действия), которые могут быть выведены из общих компонентов в их толковании.

В традиционной грамматике "действие" обычно употребляется как обобщенное наименование для всех значений, выражаемых глаголом. Между тем, полезнее было бы использовать термин "действие" в значении более близком к его обыденному употреблению.

При определении понятия действия представляется разумным начать с "типичных" действий, пренебрегая маргиналиями, аналогично тому, как при определении птицы пренебрегают пингвинами и др. птицами, не умеющими летать.

В работе Wierzbicka 1980 в качестве типичного представителя класса глаголов физического действия рассматривается глагол to kill 'убить'. Мы воспроизведем толкование Вежицкой, разобьем его на отдельные семантические компоненты и попытаемся показать, что все важнейшие сочетаемостные свойства глаголов действия являются семантическими следствиями тех или иных компонентов этого толкования.

1. ТОЛКОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ ДЕЙСТВИЯ

Толкование глагола to kill на примере предложения Peter killed the rat:

- (1) 'Петр делал нечто, и в силу этого (because of that) нечто происходило с телом крысы; после этого, и в силу этого, крыса стала мертва'

В этом толковании можно различить следующие компоненты.

1. Компонент "действие", точнее - "деятельность" с предикатом ДЕЛАЕТ: 'Х делает нечто' (1). Этот компонент выражает наличие деятельности - activity - и является не только общим для всех глаголов действия, но и играет в толковании роль таксономической суперкатегории (родового предиката).

2. Компонент "становление" (его лучше было бы назвать "изменение" или "переход") с предикатом СТАЛ, became, - переход объекта в новое состояние: 'У стал Z-овым' (2).

3. Каузативный компонент: 'Изменение У-а есть следствие деятельности Х-а'. <Отметим, с удовлетворением, что по Вежицкой аргументами предиката каузации могут быть только положения вещей или события - не лица, как в ТКС.>

4. Компонент "контакт": '<в некоторый момент> Х и У находятся

в контакте' (контакт требуется потому, что речь идет о ФИЗИЧЕСКОМ воздействии X-а на У).

5. Компонент "единство места": 'X и У находятся <в некоторый момент> в одном и том же месте <У>'

6. Компонент "единство времени": 'деятельность X-а и переход У-а в новое состояние происходят одновременно'

7. Компонент "намеренность": 'X действует по своей воле' (по Вежжицкой - даже по своему желанию, что представляется сомнительным).

2. ТОЛКОВАНИЕ И СОЧЕТАЕМОСТЬ

Посмотрим, какие предсказания это толкование позволяет сделать о синтаксических свойствах глаголов действия. Прежде всего, о семантических актантах.

1) Наличие семантического актанта X - "субъект действия", "Агент", обусловлено переходящим признаком предиката ДЕЛАЕТ, т.е. вытекает из компонента "деятельность". Субъектом действия может быть только лексема с семантическим признаком "Лицо" или "Одуш".

2) Наличие семантического актанта У - "Объект действия" - вытекает из наличия в толковании глагола компонента "становление" ("переход"), 'У стал Z-овым': У - тот объект, который претерпевает изменение. Тем самым получает семантическое объяснение странная связь между акциональностью и переходностью (и наоборот, бытийности с непереходностью).

3) Компоненты "деятельность" и "контакт", в своей совокупности, предопределяют возможность семантического актанта "Инструмент". Возможность, но не необходимость: некоторые разряды действий (в частности, построенные на внутренней каузации) не предполагают инструмента.

4) Единство места, а следовательно, флэнты "Место" и "Время", предопределены компонентом "контакт". Впрочем, эти единства зависят от вида каузальной связи, см. ниже.

Уже внутри самого толкования одни компоненты возникают как необходимые следствия других. Так, компонент "намеренность", скорее всего, предопределен компонентом "деятельность".

Теперь о следствиях, касающихся прочих аспектов сочетаемости.

1) Из наличия флэнт "Место" и "Время" вытекает сочетаемость глагола действия с обстоятельствами места и времени. Здесь необходима, однако, оговорка. По Вежжицкой, у глагола to kill имеется семантический актанта "Время", ср.: As a locative phrase can probably be inserted into any sentence of the form 'X killed Y', it seems probable that a semantic component like <<somewhere>> is present in the semantic structure of all such sentences", Wierzbicka 1980, p. 162. Однако на самом деле единство места X-а и У-а требуется для момента контакта (т.е. для момента, когда X действует), но не обязательно для момента перехода У-а в новое состояние. А поскольку эти два момента могут быть разделены - как во времени, так и по месту, ср. ПОСЛЕ ЭТОГО в толковании (1), - убийство, как и все другие действия, у которых переход У-а в новое состояние может быть отделен во времени от деятельности X-а, иногда не имеет ТОЧНОГО времени (в смысле Падучева 1988) и точного места. Например, нельзя ответить на вопрос "Когда Дантес убил Пушкина?", равно как и "Где он его убил?". Сказать про человека, которому нанесли смертельную рану в одном месте Африки, а умер он в другом, что его убили в Африке (Wierzbicka 1980), значит указать НЕТОЧНОЕ место. Так что убить - не такое уж типичное действие.

2) Одно из замечательных сочетаемостных свойств типичных глаголов действия - это видовая парность. Она тоже предсказывается толкованием.

Наличие НСВ обусловлено компонентом "деятельность". Наличие СВ - компонентом "переход", который встраивает в семантику глагола понятие предела. Глаголы бить и ударить (моментальный) оказываются не глаголами действия: бить - деятельность, занятие, т.к. не имеет предела (пробить - не чисто видовая, т.е. не предельная пара к бить); глагол ударить, в одном из значений, не действие; в его семантике неясна намеренность: нет компонента "деятельность".

Наличие прогрессива (акт.-длительного значения) как характерная черта глаголов действия отмечается в Wierzbicka 1980; ср.

*The wind was bending the tree при допустимом The wind bent the tree;

*The bullet was killing John при допустимом The bullet killed John: без субъекта, обладавшего собственной волей, нет действия.

Подчеркнем, что наличие прогрессива предсказывается компонентом "деятельность", а не компонентом "переход": переход может быть и моментальным. Так, он, скорее всего, является моментальным в семантике глагола уйти, поскольку умирать не есть процесс, ведущий к умереть.

3) Компонент "намеренность" (ср. "контроль") и порождаемая им флента "Цель" объясняет сочетаемость глаголов действия с обстоятельством цели; с глаголами типа заставить, требовать; с наречиями типа нечаянно и пр. и многое другое.

4) Семантические следствия извлекаются и из типа каузации. Деятельность X-а может "однозначно" предсказывать переход Y-а в новое состояние (за вычетом случайных помех), а в других случаях связь между деятельностью и результатом принципиально неоднозначна, ср. глаголы типа решать, уговаривать, которые можно отнести к классу ПОПЫТОК.

Примеры глаголов физического действия: подмести, уборать, постелить, сломать, открыть, засинтовать, умыть, сорить (бороду), свить (гнездо).

3. НЕКОТОРЫЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ КЛАССЫ ГЛАГОЛОВ ФИЗИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ

Имеются многочисленные группы глаголов действия, толкование которых требует модификации тех или иных компонентов толкования (1).

1. У глаголов топить, охлаждать (напитки), разоблачать (Wierzbicka 1980) компонент "переход" может иметь вид не 'X стал Z-овым', а 'X стал более Z-овым'; при этом переход всегда процесс, а не скачок.

2. У глаголов с внутренним объектом (экзистенциальных каузативов по Lyons 1978), например, построить (дом), связать (свитер), сварить (суп) компонент "переход" тоже имеет иной вид, поскольку в результате деятельности X-а объект ВОЗНИКАЕТ, а не переходит в другое состояние. Вежицка предлагает для экзистенциальных каузативов компонент вида 'W стал Y-ом', где W - имя материала, из которого сделан объект Y. Это решение представляется несколько искусственным, хотя оно дает возможность проследить возникновение семантического актанта "Материал". Объектом, который переходит в новое состояние, можно считать, по Вежицкой, мир.

3. Аналогично для деструктивных действий, когда Y перестает существовать.

4. Глаголы типа сесть, встать обозначают действия, где объект совпадает с субъектом (обычно объект - тело субъекта). Здесь каузативный компонент - не обычная, а так наз. внутренняя каузация, Wierzbicka 1980; ср. "психологическая каузация" в Рахилина 1982.

4. ГЛАГОЛЫ, БЛИЗКИЕ К ГЛАГОЛАМ ФИЗИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ

Заданная схема толкования предсказывает существование различных разрядов нетипичных действий.

1) Глаголы вторичной номинации, такие как помог, поддержал,

позаботился, нарушил (правило): они предполагают некоторое первичное действие, а чаще — совокупность действий.

2) Глаголы ментального действия, которые, в противоположность физическим действиям, не предполагают, например, контакта; отсюда иное отношение к пространственной локализации.

3) Глаголы, обозначающие деятельность (activity), не имеют одного единственного объекта, который бы четко изменил свое состояние в результате действия.

(хотя может быть много промежуточных объектов, ср. ситуацию ловли рыбы).

П р и м е ч а н и я

1 Компонент 'X делает нечто' противопоставлен компоненту 'с X-ом нечто происходит' или 'с X-ом нечто случилось', см. Wierzbicka 1980.

Предикат СЛУЧИЛОСЬ, который задает важное аспектуальное понятие события, связан с предикатом ДЕЛАЕТ отношением семантического следования: из 'X делает нечто' следует 'с некоторым Y (не обязательно отличным от X) нечто случилось'.

Поскольку желательно, с целью унификации толкований, чтобы родовое понятие занимало в толковании вершинную позицию, из нескольких перефразировок, предлагаемых на с.161 в качестве толкования to kill, формулировка 'X сделал нечто, что было причиной смерти Y-a' представляется предпочтительной перед 'Сделав нечто, X вызвал смерть X-a' или 'X умер, поскольку Y сделал нечто'.

2 По Вежбицкой этот компонент формулируется как "становление <нового состояния>". Однако предикаты СТАЛ, became, и особенно СТАНОВИТСЯ, is becoming, представляются нам неудачными кандидатами на роль лексем семантического языка, поскольку становление нового состояния в любом случае предполагает существование исходного состояния — хотя бы как не совпадающего с новым. При глаголе СТАЛ исходное состояние не очень хорошо выражается в виде синтаксического актанта (хотя это и не исключено, ср. Листья из зеленых стали желтыми). Поэтому традиционная формулировка философов (ср. Фон Бригг, Давидсон и др.), по которой с понятием действия связывается не становление, а ИЗМЕНЕНИЕ, ПЕРЕХОД, представляется предпочтительной. Аргументы, обосновывающие отказ от ПЕРЕХОДА в пользу СТАНОВЛЕНИЯ в Wierzbicka 1972, неубедительны.

ВНУТРЕННЕЕ ОТРИЦАНИЕ : ИЗ ГЛУБИНЫ К СВЕТУ

"...Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы. Итак наблюдайте..."

(Дук., 8, 17-18)

0.0. Внутреннее "внутрипонятийное" отрицание принадлежит к числу так называемых скрытых языковых категорий. Однако было бы, вероятно, правильнее и оптимистичнее говорить не о скрытых категориях, а о категориях нераскрытых. О категориях, пока еще остающихся нераскрытыми.

0.1. Раскрыть же нераскрытую языковую категорию - значит найти ее ранее не известные экспликации.

0.2. Поиски экспликатов скрытого отрицания было бы целесообразно вести в контекстах полного усиленного отрицания, поскольку это последнее может функционировать в норме только как двойное и только рядом с простым.

1.0. Русский язык располагает двумя параллельными рядами регулярных образований - носителей усиленного отрицания.

1.1. Ряд местоименных "обобщительно-отрицательных" НИ-слов, противопоставляемых "обобщительно-положительным" (утвердительным) В(Е)СЬ-словам, с которыми они объединяются в рамках одного "обобщительного" (А.М.Пеньковский) класса как знаки целостных множеств, или тотальностей, лично-предметного, качественного, количественного, пространственного, темпорального и других типов (ср. никто - все, ничто - всё, несколько - всё, никакой - всякий, нигде - везде и т.п.). Входя в один класс, НИ- и ВЕСЬ-слова связаны отношениями дополнительного распределения и исключают друг друга в соответствующих контекстах: Он был везде. - Он не был нигде. Но не: *Он был нигде. - *Он не был везде. Высказывания типа Все не спят объясняются особыми текстовыми условиями употребления обобщительных местоимений и здесь во внимание не принимаются.

1.2. Имеются, однако, контексты особого рода. В них нет простого отрицания НЕ, и потому невозможны отрицательно-обоб-

щающие НИ-слова, но в то же время есть нечто, что делает невозможным, нежелательным или иногда недостаточным использование ВСЕХ-слов. Ср.: В этой ситуации абсурдна сама мысль, что *никакая / *всякая выставка возможна без выставкома; Он пошел на это без навязывания *никаких / *всяких условий; Я слишком дорожу твоим покоем и боюсь нарушить его *ничем / *всем; Как художник Толстой вне сравнений *ни с кем / *со всеми и т.п. В таких контекстах функцию обобщения (без отрицания) исполняют местоименные слова с -ЛИБО или реже -УГОДНО, а также - с отрицанием и подчеркиванием - местоимения с составным компонентом БЫ ТО НИ БЫЛО. Они-то и составляют второй ряд местоименных носителей усиленного отрицания.

2.0. Местоименные образования этого ряда - кто бы то ни было (ни был), что бы то ни было, какой бы то ни было, как бы то ни было, когда бы то ни было и т.п. (далее - в целях экономии места - кто=, что=, какой=, как=, когда= и т.п.) - несмотря на широкую употребительность и достаточно высокую частотность - не фиксируются словарями, не описываются в грамматиках, не отмечаются авторами монографий. В научной картине местоименного мира они отсутствуют и, как будто на них падает некая тень, сами оказываются скрытой (нераскрытой) категорией.

2.1. Фактической узуальной нормой их использования в современном русском языке является жесткий запрет на вхождение в контексты, не содержащие отрицания. Единичные (меньше одного на сотню) несоответствия этой норме могут рассматриваться как речевые ошибки или как отражения нормы литературного языка прошлого века. Ср.: Всё ценное из созданного на литовском языке в какой- стране мира принадлежит литовской культуре... (Вопросы литературы, 1989, № II, с. 31 - Витаутас Кубилис); ...умел находить единственные слова для какой- темн... (Д.Благой). Ср.: Может быть, я добьюсь отпуска... и тогда во всяком случае получу какой- ответ (М.Ю.Лермонтов); Такой сосед - находка где- (А.В.Дружинин); Юрий почему- попадает в Нижний Новгород (В.Н.Майков) и т.п.

2.2. Можно утверждать, таким образом, что образования с БЫ ТО НИ БЫЛО, как и НИ-слова, функционируют исключительно в контекстах, содержащих отрицание. Однако, если для усиитель-

ных НИ-слов необходима опора в виде явного, открытого, на поверхности лежащего материального НЕ, то для образований с БЫ ТО НИ БЫЛО как носителей подчеркнутого отрицания достаточно лишь внутреннего отрицательного "смысла", независимо от того, имеет ли он рациональную (ср. высказывания с глаголами деструктивных действий) или иррациональную природу (ср. высказывания со словами категории оценки) или объединяет логико-понятийное и эмоционально-оценочное начала (ср. отрицание в семантической структуре глаголов завершения действия и: Конец!.. Конец философии, то есть какой-то мысли о ней! - Б. Пастернак); принадлежит ли он всему высказыванию в целом или отдельному элементу этого целого (ср. высказывания отрицательно-риторического типа, высказывания с модусами неуверенности и сомнения, с модальными частицами типа едва ли, вряд ли и т.п.).

3.0. Сказанное позволяет характеризовать БЫ ТО НИ БЫЛО в составе местоименных образований как универсальный эксплика-тор и одновременно как тонкий индикатор внутреннего - глубокого - отрицания, действующий безотказно и точно и независимо от того, на какой глубине сокрыт отрицательный "смысл". Ср., например, находящееся у самой поверхности отрицательное значение оборотов с БЕЗ (без чьей-то помощи / без надежды на чью-то помощь / без надежды на возможность чьей-то помощи); достаточно близкое к поверхности отрицательно-оценочное значение предикативов типа глубоко, противно, стыдно (глубоко рассчитывать сейчас на чью-то помощь; позорно искать "врагов народа" где-то) и т.п.; значительно более глубокое значение наречий и предикативов типа редко, трудно, сложно (Он вообще крайне редко сомневается на какие-то работы литературоведов. - Вопросы литературы, 1983, № 3, с. 236) и, наконец, "донное" или даже "поддонное" значение отрицания в семантической структуре компаративов (ср. больше, чем кто-то, лучше, чем где-то), раскрываемое через сопоставления типа лучше, нежели (устар. лучше, не чем, диал. лучше от меня) и т.п.

4.0. Держась на поверхности текста, как держатся на воде сигнальные буйки, слова с БЫ ТО НИ БЫЛО очерчивают границы акватории внутреннего отрицания. Центр ее принадлежит отрицательным смыслам в семантических структурах глагола. Их анализом и будет завершен настоящий доклад.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ МЕТАФОРИЗАЦИЯ
ПРИ ПРЕДИКАТАХ ДЕЙСТВИЯ

Как представляется, удобным способом описания семантики слова является описание, использующее "семантический стержень" и правила, задающие тип семантического сдвига относительно стержня. Регулярные семантические сдвиги можно подразделить на пять основных классов.

1. Изменение референции: *довоенный* 'имевший место до любой/последней войны', *партийность* 'принадлежность к любой партии/КПСС',
2. Изменение структуры синтаксических актантов: *бояться* *Ивана/за* *Ивана*,
3. Изменение семантических ролей актантов: *копать* *землю/яму*,
4. Собственно семантический сдвиг
 - а) метонимический: *сопрано* 'голос/певца с таким голосом', *аудитория* 'помещение/люди в этом помещении',
 - б) метафорический: *лететь* 'двигаться/(о времени) быстро проходить',
5. Коннотационный сдвиг: *зубр* 'животное/знающий и опытный специалист'.

Рассматриваются метафорические сдвиги значений (по приведенной выше классификации, тип 4 а), связанные с метафоризацией пространственных отношений при предикатах действия. Выделяются регулярные метафорические сдвиги значений локативных предлогов, такие, как:

- 'исходная точка движения' > 'причина': *смеяться от радости*,
 'конечная точка движения' > 'результат, следствие': *превратится в камень*,
 'пересечение' > 'преодоление'/'посредничество': *говорить сквозь слезы/обратиться через прессу*,
 'вложение' > 'нахождение в состоянии': *сказаться в досаде*,
 'путь' > 'соответствие': *по его совету*
 и т. п.

Для локативных предлогов русского и английского языка строятся "карты", задающие допустимые для них метафорические (mp) и метонимические (mn) сдвиги - как регулярные, так и нерегулярные. Рассматриваются случаи несовпадения метафоризации локативного отношения в русском и английском языках, например, *кричать от боли/cry in pain*.

А. А. Прозорова
МЕСТО И ДЕЙСТВИЕ В АСПЕКТЕ
КОММУНИКАТИВНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Рассматривая перемещения обстоятельств места в коммуникативной структуре высказывания, а также сопоставляя случаи их наличия со случаями их отсутствия, можно заметить интересные изменения требований к истинности пропозиции, к ее содержанию и к локализации ее членов (о последнем см., например [1, 76-78; 6, 25-27]). Далее будут обсуждаться лишь те требования, которые касаются предикатов действия, что однако не исключает возможности распространения некоторых из них и на другие типы предикатов.

1. При ближайшем рассмотрении оказывается недостаточным положение У.Чейфа о том, что обстоятельства места в роли топиков устанавливают пространственные рамки, в пределах которых истинна пропозиция [4, 309]. Пространственные рамки такого же рода устанавливает и обстоятельство, не являющееся топиком. Ср. примеры (1) и (2):

(1) В кресле (топик) сидел мистер Браун,

(2) Мистер Браун сидел в кресле (коммент)

В обоих случаях пропозиция истинна для данного места (*в кресле*), ложна для всякого другого места и истинна при изъятии обстоятельства места (*Loc*), то есть, "вообще в мире" истинно, что мистер Браун сидел в тот момент *t*, о котором идет речь в высказывании и который устанавливается контекстом.

Следует особо подчеркнуть, что начальная позиция обстоятельства места необязательно означает, что оно является топиком. Так же и конечная позиция необязательно предполагает, что *Loc* попадает в фокус контраста само по себе (не совместно с другими элементами, на одном из которых может быть основной контрастивный акцент). В связи с этим необходимо оговорить, что для каждого случая рассматривается лишь один из возможных вариантов организации высказывания: тот, который требуется в качестве иллюстрации. Другие варианты не приводятся, хотя они и возможны в определенных условиях (см. об этом, например, [1; 2; 3]).

Далее имеет смысл отметить, что для оценки истинности

пропозиции (Р) после изъятия Лос безразлична изначальная функция Лос в высказывании. Ср. примеры (1) и (2) с одной стороны и примеры (3) и (4) с другой:

(3) *Это ужасная столовая. В этой столовой все боится есть.*

(4) *Я Вас не осуждаю. Все боится есть в этой столовой.*

В примерах (3) и (4) пропозиция истинна для данного Лос, истинность неопределенна для прочих Лос, и пропозиция ложна при изъятии Лос.

Представляется, что Лос в роли топика позволяет Р быть истинной и для других Лос, хотя это не обязательно (ср. пример 1). Одинокое обстоятельство – коммент, попадающее в фокус контраста (при этом исключается перечислительная интонация), запрещает истинность Р для других Лос. Этим, в частности, объясняется неотмеченность примера (5) в отличие от примера (6).

(5) **Все умерли от обморока в его семье.*

(6) *В его семье все умерли от обморока.*

Обстоятельства в роли не-топика, попадающие в фокус контраста в числе других нетопикальных элементов так же как и обстоятельства в роли топика, не исключают истинности Р для других Лос.

Эти особенности согласуются с представлением о топике как об элементе, которому приписывается определенная характеристика [2; 5]. То, что место характеризуется как такое, где происходит Р, не исключает возможность для Р происходить и в другом месте. Однако если Р характеризуется как имеющее место в данном месте (а не где-то еще) и тем самым отмечают все другие возможности, то очевидно, что Р ложно для любого другого Лос. Можно предположить, что сказанное верно и для обстоятельств времени.

2. Представляется, что гораздо более серьезные требования, налагаемые функцией обстоятельства места в коммуникативной структуре, связаны не с истинностью пропозиции, а с ее содержанием, и, в частности, с семантикой предиката. В этой связи имеет смысл вспомнить положение Д.Болинджера [5, 100] о том, что характеристика должна быть достаточно значительной для

данного места. Так, странно сказать, показывая гостю стол:

(7) *За этим столом съели поросенка.*

(Пример Д.Болинджера)

Однако понятие значительности в свою очередь может быть раскрыто. В частности, можно объяснить почему в некоторых контекстах "незначительная" характеристика становится значительной.

Ср. примеры (7) и (8):

(8) *"Ага", - сказал Эркулъ Пуаро, внимательно осматривая крышку стола, - "за этим столом съели поросенка".*

На первый взгляд может показаться, что естественность высказывания в примере (8) связана с тем, что происшедшее существенно для расследования. Однако анализ примеров показывает, что, если речь идет о действии, которое в момент речи уже не имеет места, значительность характеристики могут обуславливать три фактора: 1) следствия действия отразились на свойствах места (пример 8); 2) характер действия (или тип субъекта, осуществившего действие) сделал место достопримечательностью; 3) действие свидетельствует о свойствах места.

Примером действия второго фактора может служить следующее предложение, приводимое Болинджером в качестве отмеченного:

(9) *В этом доме взорвалась одна из самых мощных бомб.*

Ср. также пример (10):

(10) *В этом доме Ахматовой Пастернак впервые прочел "Доктора Живаго".*

Действие третьего фактора можно проиллюстрировать, сравнив пример (11), приводимый Болинджером в качестве неотмеченного, и пример (12), где высказывание из примера (11) становится естественным.

(11) *В этой раковине разбилась одна из моих любимых тарелок.*

(12) *Раковины с таким дном очень неудобные: в них велико все бьется.*

В этой раковине разбилась одна из моих любимых тарелок

В примере (12) характеристика значительна, поскольку она свидетельствует о свойствах характеризуемого места: то, что

тарелка разбилась, подтверждает "неудобность" раковины.

В английском языке дополнительные ограничения на семантику предикатов во многих случаях обусловлены тем, что высказывания с обстоятельством места в роли топика могут обладать экспрессивным значением "странно, удивительно, что..." (об условиях реализации этого значения см. [1, 94-103]). Кроме того, некоторые особенности употребления высказываний рассматриваемого типа в английском языке могут быть связаны со значением, которое несут конструкции, включающие экзистенциальное *there*.

Л и т е р а т у р а

1. *Прозорова А.А.* Особенности построения коммуникативной перспективы в художественном тексте (на материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
2. *Селиверстова О.Н.* К вопросу о коммуникативной структуре предложения // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1984. Т.43, №5.
3. *Селиверстова О.Н., Прозорова А.А.* Коммуникативная структура высказывания // Теория функциональной грамматики. Л., 1991.
4. *Чедф У.* Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топика и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике, М., 1982. Вып.11: Современные синтаксические теории в американской лингвистике.
5. *Bolinger D.L.* Meaning and form. London; New York, 1977.
6. *Prozorova L., Seliverstova O.* Communicative sentence perspective and style in Russian and English // Soviet contributions to some topical linguistic issues. Moscow, 1990.

КОНЦЕПТ "ДЕЙСТВИЕ" В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

1. Действия, рассматриваемые в контексте мировой культуры, естественно распределяются на такие разряды, как: произвольные индивидуальные (смех, плач и т.п.), производственные навыки (прядение, рубка деревьев), коллективные непланируемые (драка), коллективные планируемые (охота, бой) и т.п. Все эти явления экстенсивной сферы допускают различные ступени семиотической концептуализации: а) перенос в интенциональную сферу (образование типизированных концептов и имен – орудий, продуктов, навыков и т.д.); б) вторичную концептуализацию – "ритуализацию" (рубка дерева выемкой определенной формы и запрет других форм); в) третичную концептуализацию – символизацию и вербализацию (словесные формулы разных типов, обрядовые песнопения, заговоры, лечебные наставления и т.п.). В докладе рассматриваются именно виды (этапы, ступени) таких процессов семиотических замещений. При этом обнаруживаются некоторые закономерности.

2. Приведенная выше таксономия является лишь обобщением (идеализацией) реальных процессов, далеко не одинаково представленных в разных культурах. В культурах одного типа все действия концептуализируются как рекуррентные, выполняемые по календарному принципу (например, "умирание" – "возвращение, рождение"), духовные сущности именуются в контексте мировых циклов – фаз луны, движений семи планет и т.д. В культурах другого типа допускается концепт уникального действия, "абсолютной новизны", "абсолютного открытия". (Между тем как в культурах первого типа открытие, новое рассматривается как "хорошо забытое старое").

3. Обнаруживаются также более частные закономерности. Производственные действия (например, прядение) передаются в культурной традиции как по линии предиката (глагольным корнем), так и по линии актантов (имен инструментов, продуктов и т.п.). Передача по первой линии оказывается более непрерывной, в то время как передача по второй линии, через актанты, допускает прерывистость – разные орудия, разные имена орудий (соотв. разные корни) в разных частях ареала (ср. названия прялки).

4. Эти разновидности концептуализаций находят прямые параллели в духовной сфере. Некоторые духовные сущности передаются через их предикаты (как глагольные, так и определительные, адъективные),

которые, хотя и варьируются в разных частях ареала, но допускают обобщение в некоторые "супрапредикаты". Таковы, например, обозначения и.-э. "малых божеств", связанных с сельскохозяйственным производством, ср. имена богинь (реже богов), покровительствующих сбору урожая, жатве: лат. *Messer*, *Messia*, вост.-слав., белорус. ржа-ная баба, почитаемая в образе последнего снопа, лит. *Javų Boba*, то же, нем. *Kornmutter*, то же, а также лит. *Krūminė* "кустовая баба", нем. *Buschfrau*, др.-рус. Макошь, и т.п. Другие духовные сущности, например, обозначения верховных божеств – "Бог сияющего неба", и т.п., передаются через их "собственные" имена, как актанты некоторых переменных предикатов. Рассмотренные процессы характеризуют прежде всего культуры "календарного типа".

Параллели между экстенсией сферой (в частности производственными процессами) и концептуальной интенсией сферой могут выстраиваться и по другому типу – культур, фиксирующих аномалии. Ср., с одной стороны, концептуализации производственных открытий (действий, имен новых инструментов и т.п.), и, с другой стороны, появление концепта, не предполагающего цикличность и ритуал (концепт "конца света" в христианской культуре, ср. с языческим германским, где "конец света" представлен как рекуррентный).

6. Эти закономерности (процессы) могут быть обобщены не только как упомянутые выше "концептуализированные области", но и как "концептуализированные области" в поэтике. Ср. структуризацию волшебной сказки через постоянные предикаты ("функции", по В.Я. Проппу: "разные персонажи совершают одинаковые действия"), или же взгляд А.А. Потебни на басню ("басня есть постоянное сказуемое к переменным подлежащим", где под "подлежащим" понимается невербализованная жизненная ситуация), – в исходной точке жанры устного творчества и письменной традиции. Напротив, жанры, связанные с появлением письменной традиции – хроники, жития и т.д., структурируются через постоянную замену предикатов, через "переменные предикаты" и не допускают архетипизации и ритуализации.

7. Однако и в последнем случае (уникальные концепты – см. 3, 4, 5, 6 выше, жанры хроник и т.д., см. 6) рекуррентность концептуализации "действий" (соотв. предиката) представляется основанной на каркасе культуры "календарного" типа.

ЦЕЛЬ В РЯДУ РОДСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ

Называя один из ключевых аспектов характеристики действия и поступков, существительное цель занимает свое место в ряду имен, обозначающих родственные концепты (намерение, установка, устремление, мечта, мотив, мотивация, задача). Из их числа выделим существительные мечта и задача.

Задача отражает рациональную установку в действии, в то время как мечта возникает в эмоциональной сфере лица. Цель формируется на стыке рациональной и эмоциональной сфер. Если задача связана с модальностями необходимости и долженствования (задача – то, что надо сделать; ср. Задача Петра в этом году – поступить в институт = Петр должен поступить в институт), то цель и мечта связаны с категорией желания: эти имена называют объект желания. Ср. Его цель (мечта) – разбогатеть = Он хочет разбогатеть. Поэтому можно сказать, что для зарождения цели и мечты важен импульс из эмоциональной сферы, который субъекта целеполагания, в частности, "побуждает" к действию. Генетическая принадлежность области чувств – общая черта мечты и цели. Цель, однако, формируется и в рациональной сфере, ее окончательное оформление требует от субъекта значительной "проработки вопроса" – определения ее реализуемости, оценки возможных способов и путей ее достижения, программирования действий. Выражение Это моя цель, кроме своего прямого значения, несет информацию о том, что говорящий будет действовать, предпринимать шаги к достижению цели; выражение Это – моя мечта, напротив, означает, что говорящий не намерен воплощать желаемое в жизнь. Оценка осуществимости цели субъектом – важный компонент процесса ее формирования. В это отличие цели от мечты. Сформулированная цель мыслится как реально достижимая. Некорректно сказать Это – недостижимая цель, но Это нереально, недостижимо. Цель может быть лишь труднодостижимой, почти не достижимой. Высказывания с такими предикатами выражают вероятностные оценки: Эта цель почти не достижима = Маловероятно, чтобы ты достиг этой цели. Эта же семантическая черта присуща и слову задача: если она ставится, то предполагается и ее выполнимость, хотя сама задача и может быть нелегкой, трудной, сложной. Эти определения квалифицируют процесс реализации действия, но не ставят под вопрос конечный результат.

Мечта, напротив, может изначально мыслиться как нереализуемая: ср. несбыточная мечта. Если к цели стремятся, то мечту деле-

ют. Мечта сбывается сама собой, цели же человек достигает за счет своих усилий. Мечта и цель, таким образом, входят в оппозицию по признаку "реализуемость/нереализуемость желаемого", слово задача противостоит им как носитель признака "реализуемость необходимого (должного)". При постановке задачи речь идет о действиях, реализуемых в текущий момент времени; ср. насушенная задача (*цель). Цель и мечта, напротив, характеризуются отнесенностью к плану буд. времени: момент достижения цели или воплощения мечты мыслится не только как удаленный на значительное временное "расстояние", но как качественно иной жизненный период. Процесс достижения цели моделируется как приближение к конечному пункту. Говорят Он еще далек от своей цели, Он близок к цели, Он у цели. Функционирование таких высказываний, в которых цель входит в состав локализатора, создает образ цели как конечного пункта; ср. ближайшая, далекая, конечная цель.

Рассматриваемые имена различаются не только по соотношенности с действием, но и по принадлежности к разным аспектам жизнедеятельности, что проявляется в их сочетаниях с квалифицирующими определениями. Так, задача репрезентирует реалистическое отношение к жизни, определяет ее деловую сторону, в которой исключается несерьезное отношение к делу: серьезная, актуальная, ответственная, важная задача. Это слово естественно входит в тексты делового стиля, в которых оно может выступать как носитель значения серьезности изложения. Ср. Задача внедрения агрегата в производство должна быть решена за полгода и Внедрение агрегата в производство должно быть проведено за полгода. Мечта ассоциируется с легким отношением к жизни, несерьезностью. Ср. Это - пустая (глупая) бесплодная мечта, Мечты - это несерьезно. Ряд определений отражает ее связь с категорией желания: радужные, светлые, прекрасные мечты. В семантический объект гл. желать входит позитивная оценка: желать можно чего-то хорошего.

Связь с категорией желания у сл. цель проявляет себя следующим образом. Поскольку объект целеполагания (в который входит объект желания) характеризуется признаком "ценный для субъекта", цель отражает некоторую положительную ценность для субъекта, нечто значимое, и, таким образом, "вписывается" в ценностный аспект жизни. Представляя его, цель получает определения важная, высокая, благородная. Наличие цели у лица обычно рассматривается как выделительная высокоположительная оценка: У него есть цель в жизни, он надежный человек. Целесообразность действия и целеустремленность лица также выступают в качестве положительных оценок.

ДЕЙСТВИЕ vs. СОСТОЯНИЕ

Ставится задача описать одну из ряда взаимосвязанных категорий /действие - событие - процесс - состояние - свойство/: категорию состояния.

1.0 Для выявления круга языковых единиц, так или иначе связанных с категорией состояния, используется их способность соотноситься с классификатором - словом естественного языка "состояние" /эта идея была подсказана автору Е.В.Падучевой/. Соотнесенность с классификатором позволяет выделить собственно имена состояний; глаголы, обозначающие состояния, и глаголы, обозначающие действия-признаки состояний.

1.1 Имена состояний: бездействие, веселье, внимание, жар, истома, отрешенность, опустошенность, радость, уныние, усталость. Имена состояний способны замещаться классификатором "состояние" /1/ и связываться с ним аппозитивной связью /2/:

/1/ Всю весну радость не покидала его, и ему хотелось, чтобы это состояние продолжалось как можно дольше.

/2/ С тех пор, как Надя вернула ему его письма, он находился в состоянии полного отчаяния.

Состояния произвольны, они каузируются не зависящими от субъекта состояний действиями, событиями или результатами действий:

/3/ И все, что радует, живит, все, что ликует и блещит, наводит скуку и томленье на душу мертвую давно...
/Пушкин/

Человек может быть объектом произвольно наступившего состояния:

/4/ Им овладело беспокойство... /Пушкин/

Некоторые состояния распознаются самим человеком через ощущения, поэтому имена состояний легко сочетаются со словом чувство, ср.

/1/ и /5/:

/5/ Всю весну чувство радости не покидало его.

Состояния могут сочетаться:

/6/ Люби не бывает без грусти.

и сменять друг друга во времени:

/7/ Была без радости любовь, разлука будет без печали.

1.2 Глаголы, обозначающие состояния: артачиться, беситься, бояться, испугаться, ненавидеть, радоваться. Эти и другие глаголы

могут быть antecedентами именных групп с классификатором "состояние" независимо от вида, ср. /8/ и /9/:

/8/ Он боится, и его состояние передается окружающим.

/9/ Он испугался, и его состояние передалось окружающим.

Все эти глаголы не имеют собственных значений, отличных от значений имен состояний. Формы несовершенного вида могут иметь стандартные толкования "находиться в состоянии х"/"испытывать состояние х", формы совершенного вида - "прийти в состояние х": бояться - испытывать состояние страха; испугаться - прийти в состояние страха.

1.3 Глаголы, обозначающие действия-признаки состояний: ахать, багроветь, бледнеть, дрожать, охать, скрежетать зубами, цепенеть. Для этих глаголов типично употребление в конструкции, в которую вводится имя состояния с предлогом от /ср. англ. конструкцию с предлогом with /:

/10/ Он побагровел от стыда.

/11/ He was pale with pleasure.

Так же, как сами состояния, действия-признаки состояний произвольны, контроль над ними затруднен:

/12/ Он с трудом удержался, чтобы не рассмеяться.

/13/ Он чуть не расплакался.

Если же появляется контроль, то обычно отмечается несоответствие признака состояния - состоянию:

/14/ Он притворно улыбнулся/засмеялся.

Значение признака состояния - само состояние, но признаки состояний неоднозначны. При жесткой связи признака состояния с состоянием указание имени состояния в предложении факультативно /15/; при слабой и или же нетривиальной - облигаторно /16/:

/15/ Он разрыдался /от отчаяния/.

/16/ Он разрыдался от счастья.

Номинализации глаголов, обозначающих действия-признаки состояний, могут так же, как состояния, выступать в роли субъектов предложений:

/17/ Меня охватила дрожь.

Носитель признаков состояний - сам человек, но часто признаки состояний имеют определенную локализацию, по всей видимости, культурно закрепленную:

/18/ Ее лицо залилось краской стыда.

/19/ У меня ноги подгибаются от страха.

2.0 Особую задачу представляет разграничение состояний и чувств, а внутри категории - физических и психических состояний.

"ДЕЙСТВИЕ" В КОНТЕКСТЕ КОНКРЕТНОСТИ/АБСТРАКТНОСТИ ИМЕНИ

Исходной для развиваемого хода рассуждений является идея, по которой в изолирующих языках, лишенных грамматической категории числа, имена действий (а также свойств и отношений), как они функционируют в речи, имеют несколько более отчетливые именные признаки, чем аналогичные имена в языках типа русского (что может показаться парадоксальным). Это объясняется тем, что конкретные/абстрактные имена в китайском и сходных языках обычно не обладают узувальной (по крайней мере отчетливо узувальной) природой и выделяются, как имена того или иного типа, главным образом в речи. Конкретные имена при этом маркируются классификаторами, которые представляют собой речевое (Реализующееся в сочетаемости) средство представления денотатов в качестве дискретных, исчисляемых. Нельзя, однако, сказать, что абстрактные имена могут быть однозначно определены через отсутствие классификаторов в их именных группах. Как известно, в синитических языках обычно отсутствуют системные формальные отличия между глаголами или прилагательными, с одной стороны, и абстрактными именами, с другой. Языковые средства, эксплицирующие противопоставление данных категорий, "не носят характера регулярных изменений звуковой формы" /2, с.74/. Так, в китайском языке даже различия в тоне слова, выражающего значение действия, представленного как процесс, и соотносимого с ним существительного реализуются достаточно редко и к тому же возникают лишь тогда, когда существительное обозначает не "опредмеченное" действие, а материальный предмет. Отметим также, что случаи, когда слова, представляющие действие как "предмет", не могут выступать в чисто глагольной функции, редки. Типичным является скорее совмещение в слове функций глагола (прилагательного) и абстрактного имени //см.: 2, с.61-63; 3, с.88-89/, при первичности чисто предикатной функции.

Таким образом, слово, потенциально способное выполнять функцию отвлеченного существительного и употребленное без классификатора, показателя дискретности, отнюдь не всегда будет осуществлять функцию имени. Этим, по-видимому, и объясняется факт относительно свободной исчисляемости /5, с.122-123/ "абстрактных имен" - точнее, названий действий и признаков - в изолирующих языках: для

того, чтобы их можно было однозначно идентифицировать в качестве существительных, они должны иметь при себе показатель "существительности", в данном случае классификатор. "Абстрактные имена" изолирующих языков (определяемые в качестве абстрактных прежде всего на основе их денотативной природы) оказываются близки, иногда, возможно, очень близки, к именам конкретным и, следовательно, часто являются больше именами, чем предикатами.

Представляет интерес также тот факт, что в китайском языке совмещение в одном слове процессуального и "предметного" значения действия характерно для лексем лишь одной словообразовательной модели — копулятивной. Она отличается от других тем, что "действие" здесь обращено на внутренний объект, выраженный в самом слове, в его втором компоненте. Поэтому такое слово в семантическом отношении вполне закончено, "само себе довлеет", не нуждается в соединении с каким-то другим словом" /2, с.70/. Неполная семантическая автономность слова, требующая для реализации его значения соединения с другой лексемой, обычно лишает такое слово способности выполнять функцию существительного. Это показывает, что абстрактные имена современного китайского языка обладают определенной синтагматической независимостью (возможно, тяготеют к "изолированным" употреблением), что представляет собой именной, а не предикатный признак. (Заметим, впрочем, что некоторыми предикатными, в широком смысле — хотя обычно и не пропозитивными, прямо эксплицирующимися в тексте — характеристиками обладают и "абстрактные имена" изолирующих языков: их значение — в определенных случаях ЛСВ — семантически тесно связано со значением слов (словоформ), употребляющихся в собственно глагольной или адъективной функции).

Характерно, что в древнекитайском языке, почти лишенном классификаторов, "совершенно отсутствуют отвлеченные названия действий и качеств, вроде русских ученье, любовь, мудрость, высота" /7, с.41/. В то же время многие слова, определяемые в качестве предметных (в узком смысле), стабильно выполняли некоторые предикатные функции /4/. С другой стороны, в языках, имеющих развитую систему абстрактных имен, возникновение предикатных смыслов у конкретных существительных явно не вполне типично для них, обычно носит отчетливо контекстуальный характер, базируясь на актуализации периферийных компонентов семантики (хотя для отдельных конкретных имен может быть достаточно частотным явле-

нием) /6/.

Оставаясь в пределах русского языка, также можно заметить, что в общей тенденции (конечно, только тенденции) исчисляемые, конкретные "признаковые" имена являются именами в несколько большей мере, чем неисчисляемые имена того же денотативного типа. Как известно, в сфере имен с "непредметными" денотатами исчисляемость наиболее характерна для имен действий, точнее – событий (хотя и не является инвариантной – что проявляется даже при анализе фактов какого-либо одного, например русского, языка) /5, с.101-104/. При синтаксическом анализе таких существительных обнаруживается, что они часто не допускают чисто пропозитивных (фактуальных) трансформаций, ср.: Наша встреча произошла случайно; Их свидание состоялось вчера; Удар был нанесен кулаком (такие ограничения особо отчетливо проявляются в высказываниях, предикат которых имеет обстоятельственное, орудийное, объектное, адресатное значение /1, с.135/). Как считает Н.Д.Арутюнова, "направленность номинализации на идентификацию события всегда открывает возможность обогащения значения признаками денотата (ср. значения имен типа бунт, восстание, забастовка и т.п.) ... Лексикализуется в основном тот вид синтаксической деривации, который связан с преобразованиями внутри пропозиции" /1, с.140/.

Одной из существенных предпосылок возможности семантического "окачества" событий является то, что они, в общей тенденции, представляют собой относительно обособленные, дискретные отрезки временной цепи (или по крайней мере соотносятся с такими отрезками) /5, с.6-7/. (Характерно, что возможная отнесенность полной номинализации к нескольким событиям, её дистрибутивная референция рассматривается как важное свойство обозначений событий /1, с.134-145/). Разумеется, связь между развитием у событийного имени дополнительных "качественных", не эксплицируемых (часто независимо от функции имени в высказывании) в терминах "чистой", фактуальной синтагматики значений и его исчисляемостью носит скорее вероятностный, чем инвариантно-необходимый характер. (В общем виде это обусловлено сложностью соотношения лексических и грамматических – как глагольных, так и именных – признаков у транспозитивных единиц языка, которая, в свою очередь, определяет континуальный характер перехода от глагола (прилагательного) к имени в сфере номинализации). В целом, однако, оправданно предположить, что для описания исчисляемых отпредикатных существительных в большей мере

приемлема "лексикалистская", "собственно именная" (по крайней мере, преимущественно именная), чем "трансформационалистская" трактовка (отпредикатных имен).

Важно подчеркнуть, что "лексикализация" имен событий осуществляется в соотношении с общими грамматическими параметрами "предметности" (точнее, в рамках данной категории). Именно ориентация имени на обозначение отдельных, в той или иной степени обособленных, в представлении грамматической системы языка, объектов создает возможность "приписывания" таким объектам – даже "событийным" – некоторых дополнительных ("лексических") признаков, выражаясь в собственно лингвистических терминах – "осложнения" семантической структуры соответствующих номинализаций.

Литература

1. Н.Д.Арутюнова. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

2. Н.Н.Коротков. Основные особенности морфологического строя китайского языка. М., 1968.

3. Ли Цзиньси, Лю Шижу. Еще раз об изучении грамматики – разграничение частей речи и проблема существительных. НЗЛ, М., 1989, вып. XXII.

4. Т.Н.Никитина. Подклассы существительных в древнекитайском языке // Новое в изучении Китая. ч. I: Культура, лингвистика, знаковые системы. М., 1987.

5. Д.И.Руденко. Имя в парадигмах "философии языка". Харьков, 1990.

6. В.В.Суслова. Интерпретация каузативных конструкций с конкретным именем в позиции подлежащего в современном немецком языке. АҚД, Пятигорск, 1987.

7. С.Е.Яхонтов. Древнекитайский язык. М., 1965.

Лингвистическая модель рассуждения: мысль как действие

"Knowledge is no more important, than
the way in which it is presented"

Clyne, 1987.

1. В обществе взаимодействуют люди, в рассуждении – мысли. Взаимодействие людей ритуально, взаимодействие мыслей риторично. Ритуальное взаимодействие выражается (эксплицируется) в "социологизированных", "социальных" перформативах (Ухожу в отставку, Объявляю собрание открытым), а риторическое взаимодействие мыслей – в "ментальных" перформативах (ср. Допустим, что $x = y$; Вспомним, что речь идет об отождествлении имен, не связанных синтаксически). "Социальные" (церемониальные, этикетные и т.п.) перформативы равносильны поступку, "ментальные" – шагу в рассуждении; в основании первых лежит социально значимое действие, в основании вторых – "ментально" значимое действие. Поступки влияют на деятельность социума, мысли – на деятельность интеллекта. Последовательность поступков складывается в поведение, последовательность мыслей – в рассуждение. Практическое рассуждение – о том, как лучше поступить, оно оправдывает поступок. Теоретическое рассуждение – о том, как лучше "знать", оно верифицирует знание. Адресат социологизированных перформативов – "свидетель" поступка, адресат ментальных перформативов – "соучастник" рассуждения.

2. Социологизированные перформативы "ситуативны" (это реакция на ситуацию): они приспособливают действительность к словам или слова к действительности (Серль, Вандервекен), ментальные перформативы импозитивны, они приводят в соответствие ход мыслей адресата ходу мыслей автора; ср. Перейдем к следующему примеру; Будем исходить из предположения, что Р. "Кооперативная форма на "мы" у ментальных перформативов инклюзивна: с ее помощью адресат включается в число субъектов текущей ментальной операции, ср. Запомним значение этой переменной. Форма социальных перформативов эксклюзивна – она не может включать в число субъектов поступка адресата, ср. Вас можно поздравить!

Модализаторы и "смягчители" (hedges) в социологизированных перформативах связаны с желанием субъекта быть вежливым (ср. Хотелось бы Вам посоветовать Р), в ментальных – со стремлением избежать категоричности и потому субъективности (фразы типа Видимо,

следует поэтому усомниться в истинности Р - это understatement). Социологизированные перформативы естественно вводятся предикатами эмоционального состояния (Рад сообщить, С удовольствием принимаю Ваше предложение), а ментальные - предикатами рациональной оценки (Разумно предположить, Полезно вспомнить, Стоит подчеркнуть, что Р).

3. Социальные перформативы актуальны в момент их произнесения, ментальные - также и в момент воспроизведения рассуждения. Социальные перформативы самодостаточны в контексте внеязыковой ситуации их произнесения, ментальные - в языковом контексте рассуждения. Поведение - это управление поступками, рассуждение - это операции над мыслями. Мысли не даны субъекту "в ощущениях", действиями над ними управлять намного труднее, чем поведением. Поступок вписан в экстенциональный контекст, он неизбежно приводит к изменению положения дел в мире. Рассуждение интенционально, оно должно приводить к изменению положения дел в мышлении. Вернуться к поступку и "переделать" его нельзя, вернуться к мысли и "переделать" ("передумать") ее можно. Поскольку субъектом ментального перформативного высказывания, помимо автора, выступает также адресат, то отсутствие адекватных изменений в его интеллекте может потребовать воспроизведения рассуждения или его "переделывания". То, к чему нельзя вернуться наяву, противостоит тому, к чему можно вернуться мысленно, ср. вернуться к мысли, обдумать заново.

4. Научное изложение имеет свой "сюжет": "завязку" - постановку вопроса об объекте изучения, "экспозицию" - выведение ответа на этот вопрос, "кульминацию" - выводы. Ментальные перформативы способны эксплицировать, структурировать и актуализировать эту прототипическую схему сюжета (ср. Рассмотрим конструкцию А. Зададимся вопросом, обладает ли она свойством В. Для выяснения этого вопроса обратимся к теории С... Итак, мы приходим к выводу Д).

Ментальные перформативные высказывания вводят мысли (суждения) об объектах и обозначают ментальные операции над этими мыслями. Они также актуализируют эти операции, так как осуществляют референцию к текущему ментальному действию. Тем самым они образуют "события" - шаги рассуждения. Текущие ментальные "события", обозначаемые ими, происходят по мере поступления (предъявления) текста рассуждения: условием успешности его восприятия служит выполнение адресатом текущих ментальных действий, его "участие" в ментальных событиях, ср. Обратимся к таблице 3; Вспомним, что по это-

му поводу говорил Аристотель: Р). Каждое "событие", вводимое ментальным перформативом, происходит как бы сейчас, а сюжетное и повествовательное время синхронизируется. Синхронизация сюжета и повествования обеспечивает включенность адресата в рассуждение: он выполняет составляющие рассуждение ментальные операции "вместе" с автором. Даже глаголы ментального состояния, употребляемые в таком контексте, обозначают ментальные действия, шаг в рассуждении, ср. Будем считать сопротивление воздуха несущественным. В синхронизации сюжетного и повествовательного времени заключена основная риторическая нагрузка ментальных перформативных высказываний.

5. Цель использования данного риторического приема – ментальных перформативов – актуализировать ментальные операции над мыслями об объекте, структурировать изложение от посылок к выводам, каузировать адресата выполнить связывающие их ментальные операции и тем самым убедиться в логичности и непротиворечивости (истинности) полученного нового знания об объекте.

Ментальные перформативы авторефлексивны. Для экспликации хода рассуждения автор вынужден погружаться в свой ментальный мир и делать его доступным для "проверки". Это не только способ получения нового знания, но и путь его представления и доказательства. Он позволяет и адресату проделать этот путь, получить новое знание "самому", плюс удостовериться в его истинности. Это способ представления, выступающий еще и способом доказательства.

Ментальные перформативы в рассуждении – это не заметки на полях, и их, вопреки ожиданиям (ср. Вежицкая, "Метатекст в тексте"), нельзя "стереть" без последствий – синхронность сюжета и повествования утрачивается, а доказательность выводов снижается.

6. Как риторический, метатекстовый и "субъектный" компонент рассуждения, ментальные перформативные высказывания взаимодействуют в нем с другими аналогичными по функции элементами научного дискурса, и образуют с ними системы средств экспликации научного познания и риторических норм его изложения.

ПРЕДИКАТЫ ДЕЙСТВИЯ И
РЕФЕРЕНЦИЯ СУБЪЕКТА

О дифференциации локализованных во времени предикатов (это в основном предикаты действия) по ориентации на разные типы референтов:

Субъект – лицо может быть представлен как референт трех типов:

(1) точечный – локализуемый в определенной точке пространства и времени (в частности это и временной срез индивида) – прямо наблюдаемое действие во временной и пространственной локализации;

(2) обобщенный индивид – действие, соответствующее или противоречащее его качествам, непосредственно не наблюдаемое (пространственная локализация либо несущественна, либо отсутствует);

(3) "Я" или референт-говорящий – перформативный предикат. Особо – характеризующее действие (поступок), ориентированное на (1): оно выявляет качество, определяющее референт как индивид. (2) В этой связи категория оценочности в предикатах действия.

ПРЕВРАЩЕННЫЕ ФОРМЫ ДЕЙСТВИЯ: "СУДЬБА" ПРЕДИКАТИВНЫХ
ХАРАКТЕРИСТИК В НОМИНАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

1. Явление номинализации имеет логическую природу и может быть объяснено как прием, при помощи которого в предложение вводится дополнительная линия предикативности, и она является базой для дальнейшего развертывания информации. Синтаксически номинализация представляет собой преобразование-свертывание исходного предложения (ИП) в номинализированную конструкцию (НК) и включение НК в именную позицию Δ "дельта" матричного предложения:

Вася появился (ИП)
 Δ всех удивило (МП) } \rightarrow Появление Васи всех удивило.

Языки предъявляют определенные требования к преобразованиям, которым должны быть подвергнуты ИП для включения в именные позиции матричного предложения.

2. При номинализации происходит "свертывание" предикативности, осуществляемое в разных языках в разной степени. "Свертывание" здесь следует понимать как диалектическое снятие предикативных характеристик ИП $a_1, a_2, a_3 \dots a_n$ и замену их категориями имени $b_1, b_2, b_3 \dots b_n$. Номинализация осуществляется в пределах Предложение [] Имя. "Судьба" предикативных признаков в языке L будет зависеть от места языка на шкале номинализаций (т.е. от степени свертывания предикативности). Покажем это на примере 4 языков, представляющих собой наиболее яркие типы в этом отношении. Шкала номинализаций для них будет иметь следующий вид: Предлож. японский английский немецкий русский Имя.

3. В японском языке посредством так наз. номинализаторов номинализируются целые предложения. НК в предложении получают именную маркировку:

Кара га Нихон ни каэтта кото о ситэ инакатта. (кото - номинализатор) "(Я) не знал, что он вернулся в Японию".

Свертывание предикативности минимально. В НК сохраняются временные (каэтта - "вернулся") и аспектуальные характеристики, отрицание сохраняется как синтаксическое средство, сохраняется обратная диатеза. Сказуемое ИП становится главным членом НК (в японском главный член НК - аналитическая именная форма (каэтта кото). Актанты действия, - подлежащее и сказуемое ИП, - а также обстоятельства, проецируются в НК без каких-либо изменений. Свертыва-

ние предикативности формально проявляет себя только как ограничение на употребление в НК стилистически отмеченных форм и требование маркировки позиций членов НК как в зависимой конструкции (невозможность тематизации подлежащего).

4. Английский язык осуществляет номинализации через герундий: *We know of wood having been used as structural material in old times*. В НК время передается в относительном смысле (одновременность, предшествование), отрицание сохраняется как синтаксическое средство, залог передается особыми формами. В образовании главного члена НК участвует и синтетизм, и аналитизм. Подлежащее ИП переводится в НК в зависимую форму, но при проекции объектной валентности глагола-сказуемого ИП в НК сохраняется глагольное управление.

5. Предикативные свойства НК немецкого и русского языков, осуществляющих номинализации через N-абстр., наиболее латентны. Временные, аспектуальные, залоговые характеристики в НК не передаются, отрицание из синтаксического средства превращается в НК в лексическое. Главный член НК – N-абстр., образование по определенным моделям (в немецком языке в отличие от русского N-абстр. образуются без отображения на словарную норму, что и определяет место немецкого языка на шкале номинализаций). Подлежащее ИП при проекции в НК переводится в зависимую форму (препозитивные или постпозитивный родительный). Глагольное управление заменяется на именное согласование. При постановке пациенса в генитиве происходит "эргативизация" агенса (нем. *Akk+durch: Besuch des Schulers durch den Lehrer*; русск. тв. падеж: Посещение театра Васей). Обстоятельство переводится в определение, наречие преобразуется в прилагательное.

6. "Судьба" предикативных признаков при номинализации в определенной степени связана со способом формообразования в языке (аналитичность: синтетичность). Наивысшую эксплицитную выраженность предикативности НК имеют в тех языках, где номинализации в наименьшей степени зависят от лексики, и наоборот. Однако привлечение материала других языков показывает, что этот фактор не всегда играет главенствующую роль, а взаимодействует с рядом других факторов.

ДЕЙСТВИЕ И ПОСТУПОК

Концепту ДЕЙСТВИЕ в языке соответствует событийное имя действие. Близко к действию в ряду имен "непредметных объектов" стоит поступок.

Вопреки интуитивному предположению, использование имени действие в обычных языковых контекстах часто подвергается ограничению. Так, странно звучит высказывание Он подолгу печатает на машинке, так как это действие доставляет ему удовольствие, хотя в метаязыковом смысле было бы вполне естественно квалифицировать "печатать на машинке" как действие. В анафорической функции действие вытесняется местоимением это или частнособытийными именами и номинализациями, ср. Хозяйка растопила печь. От этого (этой работы, этих хлопот, этих приготовлений, но не *этого действия, *этих действий) ее лицо зарумянилось. Можно оскорбить кого-либо действием, но само событие вряд ли назовут действием, ср. Он нас оскорбил, и он еще пожалеет о своем ?действии (зато здесь возможно имя поступок).

Характерно, что в значении 'поступки, поведение' действие почти всегда употребляется во множественном числе. Можно говорить, например, об агрессивных действиях какого-л. государства, дипломатических действиях правительства, но не об *агрессивном, дипломатическом действии. При необходимости индивидуализации используются иные событийные имена, ср. акт агрессии, дипломатическая акция. В других языках общие имена действий также встречаются преимущественно во мн. числе: лат. *acta* (ср. род, мн. ч.), фр. *agissements, faits et gestes*. Аналогичное явление отмечено Н.Д.Арутюновой [1988] для имени событие: при превращении события в процесс или действия само существительное обычно ставится во мн. числе (ср. во время этих событий).

В отличие от событий и фактов, действия и поступки не отвлечены от агенса. Вместе с тем поступок более ориентирован на агенса, чем действие, поскольку в большей степени связан с рефлексией субъекта: Действия человека, совершаемые по размышлению, называются поступками (Сюн-цзы). Поступки могут оцениваться как хорошие или плохие, действия — нет (что сближает действия с событиями). Поступки, в отличие от действий, совершаются отдельной личностью (ср. *поступки правительства, ?поступок администрации предприятия).

АГЕНТИВНОСТЬ И ОЦЕНОЧНЫЙ МОДУС ПРЕДЛОЖЕНИИ
(НА ПРИМЕРЕ ОДНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ
СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

1. Использование языка представляется опирающимся на два основных принципа – выбор и комбинаторика. Соотношение этих принципов (парадигматического – выбор и синтагматического – комбинаторика) во многом определяет структуру языка. В китайском языке соотношенность знака с частью речи может быть определена только по его синтаксической позиции в предложении. Синтаксические конструкции в силу фиксированности позиций (аналог падежной информации) и числа заполняющих их семантических актантов (аналог управления) образуют жесткую парадигму, манифестирующую определенную модель управления и темо-рематических отношений. Эти конструкции, в частности, противопоставлены по признакам личности и агентивности субъекта. В них закодирована информация о фазисной структуре обозначенной предикатом ситуации, выражающейся, например, в признаках стательности, процессуальности, событийности. Выделение базисных синтаксических конструкций и сравнение их с модификациями, вызванными актуальным членением, способствует уточнению доли смысловой нагрузки, приходящейся на синтаксические средства. Аморфность и слогоморфемность языка предопределяет преобладание принципа выбор (т.е. парадигматики), подавляющего принцип комбинаторики (синтагматики). Это означает, что выбирается целостная синтаксическая структура.

2. В китайском языке имеется синтаксическая конструкция, в которой дополнение вынесено в препозицию при помощи предлога ba: П – ba – Д – С. Природа этой конструкции недостаточно изучена, что и вызывает трудности при ее употреблении носителями китайского языка. Наблюдение за функционированием высказыванием с ba в тексте и ее моделирование в контексте с другими конструкциями, содержащими переходные глаголы, показывает, что конструкция с ba передает предикативное отношение каузации (подробнее см. /Тань Аошун, 1988, с.40–51/). Оно заключается в воздействии субъекта на объект таким образом, что у объекта (или у самого субъекта) наступает изменение состояния. Глубинная структура конструкции с ba представляет собой трехчленную модель, в которой ba функцио-

ирует как логическая связка: X каузирует У стать Р, где X – каузатор, У – каузируемое, а Р – каузируемое состояние. Именно грамматическое значение "каузативности" задает способ организации последовательности актантов предложения с *ba*, например, перенос объекта действия (пациенса) влево от переходного глагола. Своеобразие синтаксической организации этой конструкции выражается в том, что при ее применении, во-первых, неагентивный актант может получить статус каузатора. Во-вторых, в роли каузируемого может выступать агенс, а глагол в конструкции с *ba* может оказаться непереходным. В-третьих, неодешевленный субъект, обладающий повышенным источником энергии, может стать каузатором.

В-четвертых, при наличии глаголов, обозначающих эмоции и интеллектуальные действия, каузатор одновременно является субъектом каузируемого состояния. Наконец, в-пятых, роль глагола сводится к выражению способа воздействия и/или его результата. В канонической для предложения с *ba* модели заполнения семантических валентностей глагола физического действия, в которой каузатор соответствует агенсу, каузируемое – пациенсу, эта конструкция воплощает в себе все свойства прототипического агенсно-пациенсного предложения (Лякофф, 1981, с.357–358).

3. Ситуация, описываемая предложением с *ba*, должна содержать не менее двух и не более трех обязательных участников. Для трехвалентных переходных глаголов третья валентность могут заполнять такие актанты как результат, конечная точка, адресат, состояние, время, количество, срок и второй объект, выражающий новую ипостась каузируемого объекта. У точечных глаголов третья валентность реализуется на долексемном уровне, а это влечет за собой запрет на употребление данной конструкции в отрицательной форме для таких глаголов. Значение каузации, наблюдаемое в конструкции с *ba*, предполагает только такое воздействие на объект, которое приводит к изменению первоначального состояния объекта. Оно предусматривает данность объекта и не предполагает действия, приводящего к созданию объекта. Такое воздействие обычно происходит при разрушительной деятельности человека. Сила воздействия, направленная на изменение начального состояния объекта, которое можно понимать и как изменение его местонахождения в пространстве, имеет направление от субъекта каузации. Но значение кауза-

ции, содержащееся в конструкции с ба, не исключает идеи доведения уже начатого созидательного процесса до его логического завершения.

4. При сопоставлении данной конструкции с другими конструкциями, содержащими переходные глаголы, выясняются функциональные нагрузки этой конструкции, релевантные для говорящего при ее выборе. Конструкция с ба относится к одному из структурных вариантов исходных синтаксических конструкций в смысле соответствия порядка расположения актантов на шкале исходной коммуникативной важности. Препозитивное расположение дополнения в конструкции с ба освобождает место для других составляющих. Для некоторых трехвалентных глаголов, имеющих обязательные валентности на бенефицианта, конечную точку и второй объект, такой порядок расположения является единственно возможным (синтаксическая мотивировка выбора). Для других глаголов такая конструкция предоставляет возможность для занятия престижного места при рематизации какой-то валентности (прагматическая мотивировка выбора). В рассматриваемой конструкции всегда реализуется событийное значение предиката, а последнее предполагает, что глагол в ней передает конкретно-фактическое видовое значение. И, наконец, конструкция с ба семантически нагружена оценкой говорящего (семантическая мотивировка выбора). Эти три функциональные аспекта предопределяют выбор данной конструкции при прочих равных условиях.

5. Каузативное отношение конструкции с ба выражается в приобретении каузатором прототипических свойств агентивности, таких, как: а) ответственность за происходящее, б) намерение осуществить ситуацию, в) контролирование процесса осуществления ситуации, г) функционирование как источник энергии, обеспечивающий ее осуществление. При наличии одного или нескольких из этих свойств подчеркивается инициатива одушевленного участника, находящегося в позиции каузатора, ситуация изображается как каузированная им, и это составляет повод для выражения со стороны говорящего своего отношения к каузатору. При такой импликации одушевленному каузатору отведена роль либо героя, либо злодея, а одушевленный каузируемый, соответственно, выглядит как справедливо наказанный или жертва. В случае совпадения говорящего с каузатором, речь идет о

самовосхвалении или раскаянии. Оценочная семантика производна от каузативного отношения и проявляется только тогда, когда в самой ситуации, с точки зрения говорящего, содержится положительный или отрицательный момент, определяющий сам выбор конструкции с *ba*.

6. Сопоставление китайских оценочных высказываний, оформленных конструкцией с *ba*, с русскими эквивалентами, а также с аналогичными высказываниями без этой конструкции, имеющими другие русские эквиваленты, обнаруживает оценочную семантику и соответствующих русских высказываний, вызванную изменением порядка слов. Примерами могут послужить следующие пары предложений.

(1a) Господин Чжан, когда ехал на машине, сбил старика.

(1б) Господин Чжан, старика сбил, когда ехал на машине.

(2a) Маленький Ван яблоко съел (какой молодец!).

(2б) Маленький Ван яблоко съел (а оно предназначено для сестрички!).

Русский язык относится к языкам со свободным порядком слов. Актуальное членение в нем передается посредством изменения последовательности слов и интонации. В русском предложении изменение порядка слов обычно связывают с изменением функциональной перспективы высказывания. Однако в рассмотренном материале порядок слов становится средством выражения оценочной семантики, и это, видимо, универсальное положение для языков, не имеющих запретов на экспозицию объекта. Поскольку именно тогда, когда пациент находится в линейном и временном отношении в непосредственной близости к агенту, конструкция наилучшим образом отражает отношение каузативности и, следовательно, агентивности.

Модальные характеристики действий в логике и языке:
сходства и различия

Объектом исследования модальных логик являются истинностные характеристики высказываний (а следовательно – и отображаемых в них действий) в различных модальных системах – алетические, эпистемические, деонтические, аксиологические и др. модальности. Воплощение модальных характеристик в языке предполагает обязательное (эксплицитное или имплицитное) отображение авторства этих характеристик, принадлежащего говорящему.

Составные компоненты (триады значений) в пределах каждой из модальных систем представляют понятия, знаменующие собой соответственно сильную положительную характеристику, слабую характеристику, сильную отрицательную характеристику (А.А.Ивин), что позволяет констатировать устойчивую аналогию смысловых соотношений между оценками положений дел (действий) в разных системах модальных координат.

Отмечая в качестве основополагающего дифференцирующего признака модальных систем разноаспектность их модальной семантики, необходимо, по нашему мнению, выделить также и другой, не менее важный различительный критерий – референциальные характеристики оцениваемых в этих модальных системах положений дел (действий). Эпистемические и аксиологические модальные оценки, в соответствии с их семантикой, приложимы к референтно определенным положениям дел (экстенционалом которых являются конкретные события, действия или "возможные миры"). Алетические и деонтические модальности реализуются применительно к положениям дел, не имеющим конкретного референта: данные положения дел представляют собой онтологически возможные ситуации, не обладающие, однако, конкретным бытийным статусом.

Представляется возможным утверждать, что модальные характеристики, осуществляемые в разных системах модальных координат, соотносимы друг с другом с точки зрения компонентов их конкретного содержания. Эпистемические и алетические модальности

представляют собой характеристику объекта по бытийным параметрам, аксиологические и деонтические модальности – по качественным (в широком понимании последнего термина, объединяющего квалификационные и квантификационные характеристики объекта). Отмечаемое различие обуславливает не только конкретный характер, но и объем модального содержания соответствующих высказываний – поскольку оценка по качественным параметрам возможна лишь "на фоне" бытийной характеристики, находящейся в этом случае в presupпозиции высказывания, в то время как бытийная характеристика отображаемого (присутствие которой обязательно для каждого высказывания) совсем не всегда дополняется оценкой по качественным параметрам.

В результате изучения языковых средств выражения модальности высказывания (на материале латинского языка) обнаруживается ряд несовпадений между логическими и языковыми модальностями – как в плане реализации модальных значений, так и в плане их соотношения друг с другом. Вот некоторые примеры.

Две триады значений эпистемической модальности, фиксирующие соответственно модальную характеристику объекта и позицию оценивающего субъекта ("доказуемо/неразрешимо/опровержимо" и "полагает/сомневается/отвергает"), при их воплощении в языке, вследствие неотъемлемости модальной оценки от личности модального субъекта – говорящего, следует рассматривать как два разных аспекта одних и тех же модальных значений. При эксплицитном выражении каждого из этих аспектов другой получает одновременно имплицитное воплощение (ср. в латинском языке простые повествовательные предложения с глаголом в утвердительной/отрицательной форме индикатива или конъюнктива и так называемые "осложненные" предложения с глаголом – предикатом знания или мнения и инфинитивными оборотами).

Формы лексического воплощения алетических и деонтических модальных значений предполагают иной, по сравнению с модальными логиками, характер отношения между конкретными значениями в каждом из названных типов модальной оценки. В модальных логиках значения "возможно" (алетическая модальность) и "разрешено" (деонтическая модальность) рассматриваются как дополнительные

модальные значения, определенным образом связанные с каждым из основных модальных значений ("необходимо/случайно/невозможно" для алетической модальности, "обязательно/безразлично/запрещено" для деонтической модальности). В языке модальное значение "возможно" предлагается рассматривать как исходное (J. Lyons); аналогичным образом представляется правомерным рассматривать значение "разрешено", воплощающее безразличие говорящего, как нулевую, исходную точку отсчета в формировании значений деонтической модальности. Формальным подтверждением этого тезиса можно считать использование в значениях "возможно" и "разрешено" одного и того же модального глагола *posse* - в разных контекстуальных условиях.

Языковые модальности характеризуются также неодинаковым отображением в языковой структуре "модального реагирования" на оцениваемое действие участников коммуникации. Если алетическая, эпистемическая, аксиологическая модальности воплощают лишь авторскую оценку, то реализация значений деонтической модальности осуществляется с учетом отношения к будущему действию не только говорящего, но и адресата сообщения, будущего исполнителя характеризуемого действия, причем отношение последнего составляет как бы смысловой фундамент формирования модальной оценки, на основе и в соотношении с которым формируются деонтические модальные значения (воплощаемые глаголами *posse* и *debere* в роли деонтических модальных операторов).

Исследованный языковой материал свидетельствует о факультативности отражения в языковых структурах деонтической модальности ориентации на конкретный адресат (ср.: *potes* "ты можешь", *debes* "ты должен" и *licet* "можно, разрешено", *opus est* "нужно", *oportet* "следует"). Варьирование языковых структур деонтической модальности обусловлено конкретной коммуникативной ситуацией, а также инициативой говорящего.

Изучение языковых средств выражения модальных характеристик действий в их последовательном соотношении с семантическими координатами модальных логик открывает перспективу выявления "модальной картины мира" в ее конкретном проявлении в разных языках, позволяя надеяться как на углубление представления о семантике модальности, так и на уточнение параметров эксплицирования ее составляющих в изучаемом языке.

Известно, что сочетаемость наречий с глаголами является эффективным инструментом семантического анализа не только наречия, но и глагола (см., например, *Dik 1972*, а также Петрова 1986, Зализняк 1990). Так, наречие долго сочетается лишь с предикатами, обозначающими процессы или протяженные во времени действия, ср. он долго писал (*написал) письмо. Иначе говоря, всякое наречие, если оно выступает в роли глагольного определителя, выделяет два класса предикатов – те, при котором оно может употребляться, и те, с которыми оно никогда не сочетается. Эти два класса, с нашей точки зрения, всегда противопоставлены по значению какого-то семантически существенного признака (характеристики). Фактически это означает, что наречия задают своеобразную классификацию предикатов – по некоторым, целиком и полностью определенным семантикой наречий признакам обозначаемых предикатами ситуаций. С этой точки зрения большой интерес представляют наречия образа действия как описывающие тот или иной способ совершения действия: анализ сочетаемости глаголов с наречиями образа действия позволит выявить нетривиальные семантические характеристики соответствующих действий.

Так, наречие самостоятельно сочетается с глаголами, обозначающими действия со следующим семантическим признаком:

- (А) усилия, затрачиваемые субъектом на осуществление данного действия, в принципе, могут перераспределяться между субъектом действия и каким-либо иным лицом (лицами).

Например, предложение

Ребенок самостоятельно ест

подразумевает, что субъект действия один затрачивает усилия на осуществление действия 'есть', в то время как на некоторой фазе этого действия – 'переносить пищу из посуды в рот', в принципе, могут быть приложены усилия иного лица, помогающего субъекту действия. Поскольку целенаправленная помощь другого лица всегда контролируема этим лицом, естественно, что наречие самостоятельно не употребляется с предикатами, описывающими неконтролируемые и, следовательно, в принципе не допускающие помощи действия, ср.

*самостоятельно видеть (болеть, испугаться и др.). Глаголы же, описывающие контролируемые действия, не сочетаются с самостоятельно в следующем, вытекающем из условия (А), случае: усилия субъекта, затрачиваемые при соответствующем действии, нельзя перераспределить между субъектом и кем-то еще, ср. аномальность выражений *самостоятельно смотреть (кричать, петь и др.).

Заметим, что в (А) речь идет о перераспределении усилий, затрачиваемых именно субъектом, а не о всех усилиях, затрачиваемых на осуществление данного действия. Так, самостоятельно переехать значит приблизительно, что субъект действия не прибегал к помощи при организации переезда, и не подразумевает, что он не пользовался услугами, например, грузчиков. Подобные предикаты, обозначающие сложные действия с различными действующими лицами (так называемые "мероприятия"), не сочетаются с самостоятельно в том случае, если часть усилий, приходящаяся в "мероприятии" на долю субъекта действия, не может быть распределена между ним и кем-то еще, ср. *самостоятельно венчаться (короноваться, креститься₂ и под.).

Поскольку самостоятельно сочетается с глаголом, описывающим ситуацию с целенаправленной затратой усилий и возможностью помощи, то предложения с самостоятельно всегда осмысляются как содержащие компонент 'деятельность'. Например, понял во фразе

Иван самостоятельно понял условие задачи значит ≈ 'Иван один разбирался и разобрался в условии задачи', т.е. оказывается синонимичным предельному предикату, обозначающему (ментальную) деятельность.

Показателен в этом отношении предикат увидеть. В принципе, можно помочь субъекту увидеть объект, указав ему направление, в котором нужно смотреть, однако соответствующее предложение с самостоятельно будет аномально, ср.: *Он самостоятельно увидел поезд. Дело в том, что самостоятельно соотносится с собственно процессом осуществления действия ('деятельность'). В случае предиката увидеть данный процесс сводится к опознанию объекта, к восприятию его зрительного образа, что нормально не подразумевает сознательную затрату усилий. Ср. экзотический контекст, когда требуется найти запятанный в рисунке образ, — в этом случае допустимо самостоятельно увидеть на картинке жирафа, поско-

льку увидеть здесь означает «искать и зрительно воспринять образ», т.е. содержит компонент «деятельность»¹.

Возможность перераспределения усилий субъекта в ходе осуществления действия диагностируется также наречием вручную – но в этом случае усилия могут распределяться между субъектом и имитирующей его труд машиной.

Литература

1. Зализняк Анна А. Наречие напрасно: семантика и сочетаемость // *Saloni Z. (red.) Metody formalne w opisie języków słowiańskich* (к 60-летию Ю.Д.Апресяна). Białystok, 1990, II5–I28.
2. Петрова Г.В. Обязательность и факультативность наречий образа действия в глагольной группе. АКД, Москва, 1986.
3. Dik S.C. *The semantic representation of manner adverbials* // Kraak A. (ed.) *Linguistics in the Netherlands 1972–1973*, n 1; Assen/Amsterdam: Bangorcum, p 96–121.

¹ Заметим, что слово сам не имеет подобного ограничения, ср. Мы хотели показать Паше, где стоит его сестра, но он и сам (*самостоятельно) увидел ее.

ДЕЙСТВИЕ И РЕЗУЛЬТАТ: ДВЕ МОДЕЛИ ОДНОЙ СТРУКТУРЫ

Анализ английского языка привел, в частности, к тому, что широкое распространение в нем получили структуры, по своей семантике относящиеся к экзистенциальным, которые можно охарактеризовать как высказывания с высокой степенью иерархичности описания предикативного признака, на поверхностном уровне представленного глаголом *to be*. Использование последнего не ограничено чисто бытийными высказываниями. Интерес представляют также такие примеры, как 1) *He is gone*. 2) *He has gone*, бытийность в которых выражена опосредованно: в первом – через представление "чистого" результата, существующего в силу своей "результатирующей" природы: нечто может либо существовать, либо не существовать как результат. Во втором – абстрактный результат, описанный формой *gone*, существует, поскольку субъект репрезентирован с точки зрения владения данным результатом. На наш взгляд, эти две модели описывают одну и ту же глубинную структуру, на поверхности представленную результативно-бытийными высказываниями. Содержание приведенных выше высказываний не ограничивается названными особенностями, так как результативность предполагает наличие предшествующего действия, в данном случае выраженного формой *gone*, то есть действие было совершено, а впоследствии им как результатом был наделен субъект. "Действенный" характер описываемой глубинной структуры более ярко прослеживается при привлечении материала русского языка: "Он ушел", причем оба англоязычных высказывания конвергируют в одно русскоязычное. Очевидно, действие, косвенно представленное в английском языке, является доминирующим для русского языка, так как представлено эксплицитно. С другой стороны, можно утверждать, что в высказывании "Он ушел" наличествует также результат действия, а именно "Его нет". По существу, то же содержание заложено в высказывании "Он отсутствует", однако результат ("не-наличие") выражен через действие – отсутствие. Действие и результат можно рассматривать как две стороны, или модели принципиально одной и той же семантической структуры, которая на поверхностном уровне в разных языках представлена той частью, которая более релевантна для каждого из рассматриваемых языков.

СЕМА "ДЕЙСТВИЕ" В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ КАУЗАТИВНЫХГЛАГОЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА И ХАРАКТЕР ЕЕ НОМИНАЦИИ

В качестве типа предиката, выражающего действие, сам термин "действие" определяется как "пофазно существующий" объект, который имеет своего агента, т.е. того, усилия и/или акт волеизъявления которого создает этот объект (Семантические типы предикатов. М., 1982). Существенными семантическими признаками предиката действия в этом случае будут: "воздействие" (усилие, волеизъявление) и "результат" (проявление воздействия в объекте). Эти характеристики в ряду других присутствуют в семантической структуре каузативных глаголов в виде сем "действие-каузация" и "действие-результат каузации". Каузативные глаголы рассматриваются здесь в широком плане, как глаголы причинной обусловленности, в лексическом значении которых отражаются причинно-следственные отношения как объект лексической номинации. Структурно-семантические свойства каузативных глаголов в русском языке характеризуются наличием четырех типов каузативов: одноконстантные, отражающие только константу "каузация" (заставить, побудить, привести к...), двуконстантные нерезультативные, отражающие константы "каузация" и "способ каузации" (угрожать, просить, приучить), двуконстантные результативные, отражающие константы "каузация", "результат каузации" (радовать, страшить, злить), трехконстантные, отражающие константы "каузация", "способ каузации", "результат каузации" (натравить, разговорить, заездить).

В совокупности каузативные глаголы в русском языке представляют собой лексико-семантическое поле, а перечисленные константы являются его параметрами, имеющими свою парадигматику. В семантической характеристике каждого из параметров сема "действие" занимает свое особое место, а конкретные характеристики данной семы проявляются в парадigmatике параметров "способ каузации" и "результат каузации". В параметре "способ каузации" сема "действие" характеризуется признаками "характер каузирующего действия" и "средство каузирующего действия". Признак "характер каузирующего действия" дифференцируется значениями:

1) физическое условие: обслужить, обиходить, обстирать (обслуживание); завозить, износить, истрепать (обращение в вещь); жарить, варить, жечь, греть (температурные условия);

2) физическое воздействие: вырвать, отвоевать, отобрать

(силовое воздействие); теснить, задушить, сжать, помять, утоптать (давление); пинать, ушибать, долбить, чеканить (удары, толчки); громить, взрывать, ломать (разрушение, ломка); отрубить, зарезать, отсечь, проколоть (резание, рубка, укалывание); укусить, прогрызть, поцарапать (укусы, царапины) и др.;

3) вещественное воздействие: ополить, оросить, окропить, облить (жидкое); прокадить, надуть, зачать (газообразное); красить, фэбрить, колеровать (красящее), измазать, запачкать, залипать (пачкающее).

Признак "средство каузирующего действия" дифференцируется значениями: "орудие" – мотыжить, лопатить, пылесосить, "материал" – фанеровать, бронировать, бинтовать, "вещество" – вакцинировать, наркотизировать, ваксить. В параметре "результат каузации" сема "действие" характеризует глаголы со значением каузации: а) агрессивного действия: бунтовать, ополчать; б) предосудительного действия: втравливать, вмешивать, впутывать; в) беспорядочного действия: суетить.

Характеристику сем "действие-каузация" и "действие-результат каузации", их парадигматику обуславливают такие параметры поля, как "субъект каузации" и "объект каузации", так как только определенные "субъекты каузации" могут совершать действия и только определенные "объекты каузации" могут быть объектами действия. Напр.: залигать, заклевать (субъект каузации – животное, объект каузации – живое существо); уговаривать, упрашивать (субъект каузации и объект каузации – лицо); вырывать, пинать (субъект каузации – лицо, объект каузации может быть неодушевленным предметом). В семантической структуре каузативных глаголов сема "действие" с точки зрения номинации может быть описательной и относительной, или квалификативной и релятивной, а также потенциальной (В.Г.Гак). Характер описательных и относительных сем в каузативных глаголах устанавливается на основе анализа мотивирующих значений, а характер потенциальных сем определяется на основе актуализации их в контексте.

В трехконстантных каузативах типа отвоевать, утоптать, выдолбить сема "действие-способ каузации" является описательной, так как в основе номинации каузативного значения глагола лежит именно эта сема – "военные действия", "утаптывание", "долбящие удары".

В двухконстантных результативных каузативах типа радовать, возмущать сема "действие-способ каузации" потенциальная, напр.: Вас

возмущает, что она (публика) хочет плоским остроумом и аплодирует звонким фразам (А.Чехов А.С.Суворину), где сема "действие-способ каузации" актуализируется в словах "хочет плоским остроумом и аплодирует звонким фразам".

Относительная сема "действие-способ каузации" проявляется своеобразно. Ее релятивность выражается в соотносительности двух характеристик параметра "способ каузации" – "характер каузирующего действия" и "средство каузирующего действия". Напр., в глаголах типа мотыжить, загарпунивать, позолотить, хлороформировать сема "действие-способ каузации" относительная. Ее релятивность проявляется через сему "средство каузирующего действия" (орудие, вещество), которым производится это действие, напр.: позолотить – "покрасить краской золотого цвета", где характер каузации – "покрасить", а средство каузации – "золотой краской". Описательная сема "действие-результат каузации" выступает в двуконстантных результативных глаголах типа бунтовать, суетить, ополчать, где значения каузируемых действий – "подниматься на бунт, бунтоваться", "производить суетливые действия, суетиться", "совершать агрессивные нападения, ополчаться" – являются мотивирующими. В одноконстантных и двуконстантных нерезультативных каузативах типа за-ставить, вынудить, приказать, убедить^{*}, уломать (что-то сделать) сема "действие-результат каузации" потенциальная. Напр.: Никак не уломаю Грузинского написать субботник! Вашу милость тоже никак не убедить посылать рассказы в "Осколки" непременно к каждому № (А.Чехов Н.М.Ежову, 27 октября 1887 г.), где каузируемое действие актуализируется в глаголах "написать", "посылать".

Сема "действие" в семантической структуре каузативных глаголов подчиняется структурной организации лексико-семантического поля. В качестве воздействующей каузации (физическое воздействие, физическое условие) в рамках параметра "способ каузации" она стоит в одном ряду с такими характеристиками, как побуждающая каузация, понуждающая каузация, каузация вызывания, а также допускающая каузация. В рамках параметра "результат каузации" сема "действие" стоит рядом с семой "процесс", "деятельность", "движение", "перемещение", а также с семой "состояние", "отношение", "положение", "наличие".

НЕКОТОРЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ АКТАНТНОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В сообщении предполагается рассмотреть такие трансформации актантной структуры предложения, при которых остается неизменной форма глагольного предиката (т.е. на анализируются случаи пассивизации, безличной и неопределенно-личной модификации и пр.). Материалом, на основании которого сделаны наблюдения, являются преимущественно сообщения телеграфных агентств, публикуемые в печати.

Представляется возможным разграничить следующие основные случаи изменения актантной структуры.

Перевод одного из правых актантов в позицию левого (при сохранении его семантической роли). Многие из данных трансформаций носят настолько узусальный характер, что вторичность производных структур психологически уже не осознается носителями языка. В левую позицию часто оказывается перемещенным актант со значением:

– средства передвижения: Они доставили этот груз самолетом – Самолет доставил этот груз;

– инструмента, используемого для осуществления действия: Он произвел сложные вычисления с помощью компьютера – Компьютер произвел сложные вычисления;

– средства информации: Министр сообщил в газете о решении посетить Японию – Газета сообщила о его решении посетить Японию;

– действия, имеющего целью выявление чего-нибудь: Они обнаружили в результате проверки повышенное содержание вредных веществ в атмосфере – Проверка обнаружила повышенное содержание вредных веществ в атмосфере;

– документа, содержащего информацию: Собравшиеся осудили в резолюции действия иракского президента – Резолюция осудила действия иракского президента.

Перестройка системы правых актантов, при которой последовательное подчинение актантов предикату трансформируется в соподчинение: Мировая общественность осудила агрессию Ирака против Ку-

вейта – Мировая общественность осудила Ирак за его агрессию против Кувейта; Он излечил недуги многих пациентов – Он излечил многих пациентов от недугов.

Перегруппировка актантов, сопровождаемая элиминацией одного из них (пропозиционального): Рабочие контролируют деятельность администрации – Рабочие контролируют администрацию; Народ больше не верит речам президента – Народ больше не верит президенту.

Возможность, распространенность, привычность таких трансформаций основана на наличии устойчивых связей между действиями и их субъектами и объектами, обеспечивающих информативную полноценность производных высказываний. Характерен заголовок одного из информационных сообщений: "Газета приостановилась" (в сообщении речь идет о том, что из-за нехватки бумаги приостановлен выпуск одной из газет).

Расширение семантических функций локативного актанта, который может приобретать значение субъекта или объекта действия: В армии растет недовольство; В Японии осуществлен запуск сразу трех искусственных спутников; Преступник попросил политическое убежище в Финляндии (т.е. у финских властей).

ДЕЙСТВИЕ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

1. Понятие справедливости тесно связано с концептуальным полем действия (под которым здесь понимается контролируемый, = происходящий по воле субъекта процесс, направленный на достижение к.-л. результата). С одной стороны, действия – это источник справедливости / несправедливости (если нет действий, то нет ни справедливости, ни несправедливости); с другой – справедливо (и производное от него справедливый) является оценочной характеристикой действий. Слово справедливо стоит особняком в ряду, образованном словами хорошо, правильно, нормально, великолепно, замечательно и т.д., поскольку является не чистой оценкой, но характеристикой, сопровождаемой оценочным компонентом: ‘... и это хорошо’.

2. В смысловой вершине понятия справедливости (= в ассертивной части значения выражающих его слов) – компонент ‘соответствие’. Именно соответствие утверждается и отрицается в высказываниях о справедливости: Приговор суда (не) справедлив = ... (не) соответствует деяниям подсудимого. Специфика справедливости как одного из видов соответствия создается семантическими особенностями компонентов, связанных отношением соответствия. Справедливость – это соответствие между теми или иными аспектами бытия людей (как индивидов или в качестве имеющих общие интересы групп, таких, как нация, народ, класс, коллектив предприятия и т.д.) и тем добром и/или злом (= благом и/или худом), которое приходится на их долю. Справедливым / несправедливым может быть только такое действие, которое каузирует людям добро или зло (благо или худо). Справедливо / по справедливости поступает, действует тот, кто каузируя людям добро или зло, соблюдает это соответствие. Справедливый человек – тот, кто узואльно поступает справедливо. Поскольку соблюдение указанного соответствия является одним из важнейших моральных правил, тот, кто поступает, действует справедливо, поступает, действует правильно, хорошо (в этическом смысле).

3. Если на одной чаше весов справедливости всегда лежит одно и то же – благо и/или зло, полученное человеком, то содержимое другой характеризуется большой вариативностью. В качестве "основания" соответствия, = того в человеке, чему должно соответствовать количество получаемого им блага и зла, могут браться различные его "аспекты". (То, какой именно аспект выбирается в

качестве "основания", зависит в некоторой степени и от характера, рода блага или худа). В качестве основания соответствия могут выступать потребности человека. Именно это основание имеют в виду если говорят, что хлеб (землю) справедливо распределять по числу едоков, а жилые метры — по количеству живущих душ. В качестве основания соответствия могут рассматриваться способности, возможности человека. Такое основание часто подразумевается в высказываниях о справедливом или несправедливом распределении должностей, поручений, работ и т.д. И т.д. Но всего чаще на весах справедливости взвешиваются дела людей. В свою очередь, дела человека рассматриваются в этой связи не глобально, но в том или ином аспекте. Наиболее часто учитываются их результаты — то добро или зло (пользу или вред), которое они принесли другим людям. В этом смысле говорят о справедливом или несправедливом судебном приговоре, о справедливой или несправедливой оплате труда.

Во внимание, однако, может приниматься не результат, а количество затраченных усилий (именно такой подход к справедливости демонстрирует пушкинский Сальери) или (в игровых, не приносящих практического результата видах деятельности) непосредственно качество исполнения (справедливая или несправедливая оценка в школе и в спортивных состязаниях). Различие в характере связываемых отношением соответствия компонентов (никак не отражаемое в справедливо и его производных) фиксируется некоторыми другими словами поля справедливости (поделом, по заслугам, заслуженно, достойн и т.д.).

4. Отношение соответствия в конечном итоге всегда связывает ряды, комплексы, структуры и не может связывать изолированные элементы. Соответствие — это тождество отношений. Утверждение о соответствии элементов предполагает соответствие рядов, в которые они входят. Элементы двух разных систем (рядов, комплексов) соответствуют друг другу, если они находятся в одинаковых отношениях с другими элементами соответствующих систем (рядов). Соответственно, и справедливо и т.д. не могут относиться к изолированному случаю. Даже там, где говорится о справедливости или несправедливости единичного акта, предполагается его вхождение в ряд. Деяния и т.д. человека с одной стороны и благо и/или зло — с другой оцениваются на весах справедливости не абсолютно, но относительно, соотносительно с другими случаями.

Справедливость — это не простая эквивалентность, не примитивное равенство, но пропорция. Зло или добро причинено X-у справедливо, если оно относится к совершенному X-ом так же, как зло или добро, причиненное Y-у, относится к совершенному Y-ом, и т.д. (независимо от абсолютных размеров добра или зла).

5. Существенной чертой справедливости (равно как и несправедливости) является то, что она является контролируемой, зависящей от воли и действий субъекта категорий. Только такое положение вещей можно назвать справедливым или несправедливым, которое возникает в результате (осознанных) действий субъекта, целенаправленной, сознательной каузации блага или зла. Только то каузирование блага или зла является справедливым или несправедливым, которое делается сознательно, намеренно. Из этого следует, что субъектом справедливости, = силой, которая "распределяет" добро и зло в соответствии или не в соответствии с поступками и т.д. людей, может быть только мыслящая, сознающая свои цели и имеющая волю сущность. При этом нужно учитывать, что такими мыслящими, "волящими" и действующими сущностями в языковой "картине мира" являются не только люди, но также божество, рок, судьба и т.д. И тот, кто говорит, что судьба обошлась с ним несправедливо, несомненно одухотворяет судьбу.

6. Сфера справедливости гораздо уже сферы морально-этической правильности. Каждый может поступать правильно в этическом смысле, если захочет, но справедливым или несправедливым может быть только тот, кто имеет полномочия, власть распределять благо и зло между людьми. Легко быть справедливым или несправедливым судье или, скажем, учителю, в то же время практически нет шансов проявить справедливость у подсудимого или ученика. Таким образом, далеко не каждый может быть непосредственным субъектом справедливости. (Зато каждый из людей является ее "объектом".) Мы можем, однако, пытаться "установить справедливость" косвенным образом, воздействуя на ее непосредственных субъектов (добиваться справедливости). Поскольку, далее, одно и то же справедливое положение вещей могут каузировать независимо друг от друга различные субъекты (например, суды разных уровней), мы можем искать справедливость, пытаясь воздействовать поочередно на этих субъектов.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КЛИШЕ КАК ОСОБОГО ВИДА ВЕРБАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

1. Особое место в системе языка занимают устойчивые единицы, закреплённые в сознании носителей языка за определёнными прагматическими ситуациями и являющиеся сигналами в данных ситуациях. Эти единицы, получившие в лингвистической литературе различные наименования / прагматические идиомы, разговорные формулы, языковые клише и другие /, выступают при актуализации в тексте в роли действий, которые в основном совершаются вербальным способом. В нашей работе мы используем термин "языковые клише" / далее ЯК /.

2. ЯК неоднородны по сферам функционирования, семантической организации и синтаксической структуре. В соответствии со сферами функционирования мы выделяем три ситуативно-функциональные группы: формулы речевого этикета, реакции на ситуации и единицы, при помощи которых адресант стремится целенаправленно воздействовать на поведение адресата.

3. По семантической организации ЯК представляют собой единицы, образованные на основе косвенной номинации / "Du kriegst die Motten!" (нем.) - букв. 'Ты получишь моль!' - выражение удивления; "Cuenta-selo a tu abuela!" (исп.) - букв. 'Расскажи своей бабушке!' - выражение недоверия / и ЯК, образованные на основе прямой номинации / "Guten Abend!" (нем.) - "Добрый вечер!"; "Happy birthday!" (англ.) - 'Счастливого дня рождения!' /.

4. В соответствии с синтаксической структурой ЯК могут представлять собой полные предложения: "Jetzt schlägt es aber dreizehn!" - (нем.) - выражение возмущения; эллиптические предложения: "Guten Abend!" (нем.) - "Добрый вечер!"; идиоматические предложения: "Боже мой!" - ЯК, которая может выражать как положительные, так и отрицательные реакции / в зависимости от отношения адресанта к ситуации /. Идиоматические предложения являются единицами, сформировавшимися на основе изначальных обращений к сверхъестественным силам. Данные обращения вследствие изменений в ментальности носителей языка постепенно трансформировались в ЯК, функционирующие в качестве реакций адресанта на ситуации. Большинство из ЯК - реакций на ситуации - полифункциональные единицы. Характер реакций, которые они выражают, детерминирован конкретной ситуацией реализации данных сущностей.

5. Одной из характерных черт приведённых единиц является то, что

они не являются ни утверждениями, ни описаниями. Будучи сигналами в определённых прагматических ситуациях, ЯК являются особого рода действиями, которые в основном совершаются вербальным способом. Актуализация каждой из подобных единиц в речи есть совершение действия. Так, актуализация ЯК "Auf wiederhören!" является совершением действия - прощания по телефону.

6. Прагматические ситуации, будучи частью конкретных ситуаций, в которых функционируют ЯК, отражаются в сознании коммуникантов и входят в качестве составляющих в определённые когнитивные структуры. Составной частью данных когнитивных структур являются также соответствующие ЯК. В ходе становления ЯК как единиц языка данные сущности закреплялись в сознании носителей языка за определёнными прагматическими ситуациями. Знания о прагматических ситуациях объединены в сознании говорящих со знаниями о ЯК, то есть с языковыми знаниями.

7. Знания о прагматических ситуациях образуют определённую иерархию, которая соотносится с предпринятой нами ситуативно-функциональной классификацией ЯК. Иерархия знаний о ситуациях, представленная в виде моделей, может быть использована при компьютерной обработке ЯК. При создании моделей общения "Человек - компьютер - человек" наиболее актуальным, на наш взгляд, представляется интегральный подход к данным сущностям. Необходимо учитывать не только прагматико-функциональный фактор, но и семантическую организацию ЯК и их синтаксическую структуру.

8. В ходе исследования были установлены закономерности взаимодействия функционального аспекта ЯК, характера номинации при формировании данных сущностей и их структурно-синтаксической организации. Опора на прямую номинацию характерна для формул речевого этикета, в то время как реакции на ситуации сформировались на основе косвенной номинации. Идиоматические предложения представляют собой ЯК - реакции на ситуации. Эллиптические предложения равным образом представлены как среди формул речевого этикета, так и среди ЯК - реакций на ситуации. ЯК - формулы речевого этикета, образованные на основе косвенной номинации, сигнализируют доверительный характер взаимоотношений между коммуникантами.

9. Таким образом, представляется возможным создать лингвистические модели ЯК, учитывающие прагматико-функциональный фактор, аспект семантической организации и синтаксической структуры данных единиц.

ДЕЙСТВИЯ И ИХ ДЕТЕРМИНАНТЫ: КОГНИТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

На наш взгляд, в лингвистике до сих пор недостаточно серьезно относятся к эмпирическому исследованию "наивных" представлений, содержащихся в языке, "наивной" картины мира. Преобладает спекулятивный подход к этим явлениям – спекулятивность либо концептуального, либо формального характера. Серьезных эмпирических исследований, охватывающих достаточно обширный языковой материал и подвергающих этот материал систематическому анализу, найти трудно.

Категория действия относится к тем явлениям, интуитивная модель которых определенно содержится в языке, в значениях слов, в способах говорения о различных аспектах действий.

Вопрос о "детерминантах" действия, т.е. о его внутренних и внешних стимулах, и о факторах, которые влияют на те пути, которые ведут от изначальных стимулов к решению совершить/ не совершить некоторое действие и наконец к реализации/ не реализации этого решения, несомненно является одним из ключевых вопросов в анализе понятия действия. В докладе предполагается рассмотреть этот вопрос со следующих точек зрения:

1) Соотношение между когнитивно-лингвистическим подходом и логическим подходом (например, подходом логики практического рассуждения);

2) Типы языковых данных и специфические методы их анализа при выявлении интуитивной модели детерминационной структуры действия;

3) Описание ключевых моментов предлагаемой модели.

МОДАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЕ АСПЕКТЫ ВРЕМЕННОЙ КВАНТИФИКАЦИИ

В работе проводится сравнительный анализ наречий часто, изредка, иногда и близких им по смыслу слов зачастую, частенько, подчас и нек. др. В словарной практике принято описание данной группы наречий через синонимические ряды – частное сводится к более общему. Так, порой, подчас толкуются через иногда; зачастую, частенько – через часто и т.д. Однако речевая практика показывает, что далеко не всегда вместо "более общего" может быть использовано "частное". Ср.: Хоть иногда заходи ко мне при невозможности: *Хоть порой/подчас заходи; Вам придется часто его навещать. Здесь неуместно зачастую. Рассматриваемые временные квантификаторы распадаются на две группы в зависимости от наличия/отсутствия в их семантике модально-оценочного компонента. Наличие модально-оценочной семантики у таких слов, как подчас, зачастую, порой, частенько, ставит их употребление в более жесткую зависимость от условий контекста – они должны вписываться в общую модально-оценочную перспективу высказывания. В чем конкретное содержание модально-оценочного компонента?

1. Модальная отмеченность слова – употребление в реальной модальной перспективе высказывания. Важным семантическим параметром, по которому происходит согласование различных элементов высказывания, является такая модусная характеристика, как "знакомство говорящего с предметом описания" (= наличие достоверной информации об описываемом). Отмеченность слова этой семантической характеристикой задает некую модальную координату его употребления: слово используется по факту и не используется в гипотетических, ирреальных контекстах. Анализ показывает, что лексика русского языка пронизана скрытыми указаниями на наличие у говорящего предшествующего опыта, связанного с предметом описания, т.е. "знакомство" является одним из параметров, по которому различается слово в пределах синонимического ряда.

Группа временных квантификаторов не является исключением – здесь тоже есть слова нейтральные (часто, редко, иногда, изредка) и модально отмеченные (зачастую, подчас, порой, нередко, то и дело, частенько и нек. др.). Ср. невозможность появления последних в таких контекстах: Если бы ты иногда (*подчас) советовался со мной, все было бы иначе; Я очень советую вам добиваться от женщины немедленного ответа. Иначе вам придется часто (*зачастую,

*нередко) стоять с растерянным видом перед новым неожиданным словом (В. Шкловский).

Наряду с общим грамматическим свойством модальной отмеченности такие временные квантификаторы, как зачастую, частенько, подчас и нек.др., несут на себе печать индивидуального авторства. Употребляясь относительно известных говорящему ситуаций, эти слова наделяют высказывание дополнительными оценочными характеристиками. Поясним, что имеется в виду.

2. Оценочность слова – употребление в высказываниях с ценностной ориентацией. Наличие скрытой авторской оценки в семантике слова делает неуместным его употребление в оценочно индифферентных высказываниях. Напр.: *Подчас он сверялся со словарем/обедал в этом кафе (здесь естественное использовать нейтральное иногда). Оценка в семантике слов подчас и зачастую связана с неким обобщающим смыслом. Поэтому она выступает в союзе с таким собственно временным признаком, как "продолжительность интервала, на котором повторяется действие". Ср.: Мои лекции зачастую прерывались смехом при сомнительности: *Моя первая лекция зачастую прерывалась смехом (здесь лучше использовать не обобщающее предшествующий опыт зачастую, а нейтрально констатирующее часто). По аналогичным причинам некорректны высказывания типа: *Во время доклада он подчас заглядывал в текст; *Подчас он вставал из-за стола и прохаживался по комнате.

"Известность" в семантике модально отмеченных слов определяет их притяжение к тематическому полюсу высказывания. Ср. некорректность фраз: *К сожалению, опаздывает он зачастую; *Н ем мало, но частенько; ср. также невозможность употребления модально отмеченных слов в сфере действия тематичных частей: *лишь/хотя бы порой/подчас...

3. Релевантность модально оценочных характеристик. Проиллюстрируем ее через сравнение модально отмеченного частенько с нейтральным часто. Последнее употребимо без каких-либо ограничений на модальный характер высказывания или наличие/отсутствие у говорящего оценки, связанной с предметом описания. Частенько же не употребимо в ирреальной модальной перспективе – в высказываниях типа *Ты должен частенько навещать ее; *Не думаю, что он частенько здесь бывает. У частенько можно усмотреть наличие оценки, понижающей в ранге предмет описания. Поэтому сомнительны фразы типа *В последнее время он частенько выступает с блестящими докла-

дами: ?Ирак частенько бомбит Израиль; ?Он частенько приводит меня в восторг/ялость... Можно сказать, что у слов частенько и часто разный "лексикографический потенциал". Часто может описываться как самодостаточная лексическая единица, частенько же выходит за рамки такого описания, поскольку неявно содержит в себе некий "образ" высказывания, в котором оно может быть употреблено. Если часто – это просто определенная отметка на шкале частот, которую каждый может уточнить, модифицировать (очень/не так уж часто), то частенько (как и зачастую) – это готовая авторская оценка, не допускающая дальнейших модификаций (*очень зачастую; *не частенько).

4. Модально нейтральные семантические характеристики. На употребление временных квантификаторов могут оказывать влияние и не связанные с модальной отмеченностью факторы. Ср.: то и дело и действующее, правда, в другом диапазоне частот время от времени. То, что первый квантификатор модально отмечен, а второй нейтрален, подтверждается следующим примером: И я говорю, что нам необходимо время от времени (ср.: *то и дело) собираться на семейных торжествах, чтобы через одинаковый цвет нашего напитка вновь почувствовать наше кровное родство (Ф.Искандер). Оба эти временные показатели способны квантифицировать только такие "положения дел", которые отчетливо выявлены (дискретны), ср.: На круглом лице реселого головореза Теймюра то и дело появлялась блудливая улыбка (Ф.Искандер) при сомнительности Мне то и дело (время от времени) хотелось спать/становилось досадно и пд. Становится понятной связь данных квантификаторов с глагольным способом представления ситуации. Отчасти это сопряжено и с тем, что оба они не способны к обобщению. Ср.: Временами (*время от времени; *то и дело) ты просто невыносим. Неспособность к обобщению делает невозможным употребление рассматриваемых квантификаторов в тех случаях, когда описывается дистрибутивный субъект. Ср.: Иногда/порой/временами/подчас (*время от времени; *то и дело) лингвисты неплохо разбираются в математике. Как видим, по многим признакам время от времени отличается от своего ближайшего синонима временами. Ср. различное истолкование предиката (и, соответственно, актантных связей) в контексте данных квантификаторов: Временами Маша его забавляет (но это быстро проходит) и Время от времени Маша его забавляет (и это доставляет удовольствие обоим).

СФЕРЫ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА ДЕЙСТВИЯИ СЕМАНТИКА НАРЕЧИЯ

В качестве категориального средства характеристики действия в русском языке используется наречие – поверхностный, синтаксически обусловленный вариант лексемы, глубинным прототипом которого может быть элементарное высказывание (с одним предикатом), многокомпонентная цепочка высказываний (суперпозиция предикатов), актант или атрибут актанта. Среди наречий, глубинными прототипами которых являются двухвалентные предикаты, особый интерес представляет группа, обнаруживающая связь со сферами субъекта и объекта действия. Субъектно-объектную ориентированность относят к категориальным признакам таких наречий. При этом под субъектно-объектной ориентированностью подразумевают следующее: "Сущность этого явления состоит в том, что взаимодействие адвербиальных (обстоятельственных) и глагольных (предикатных) значений в условиях тех или иных индивидуальных и типовых контекстов (при участии таких факторов, как специфика категориальных типов субъектов, предикатов и объектов, наличие / отсутствие оценочных элементов значения и др.) способно блокировать одну из актантных связей наречия, поворачивая его в ту или другую сторону и замыкая его либо в субъектной, либо в объектной сфере" (Пеньковский 1987, с.89).

При построении формализованных описаний наречий, осложняющих высказывание дополнительной предикацией указанного типа, следует учитывать кореферентность валентностей основной и дополнительной предикаций, семантическую согласованность актантов глагола и актантов глубинного прототипа наречия.

Глубинно-синтаксическая структура предложения с наречием, отражая зависимость одного предиката от другого, представляет собой конструкцию с предикатным актантом (ПА), причем глубинный прототип наречия выступает в качестве носителя валентности на ПА. Если прототип наречия выступает как двухвалентный предикат, то одну из его валентностей замещает ПА – глубинный аналог определяемого наречием члена предложения с его зависимыми. Этот ПА обладает минимум одной собственной валентностью. Субъектно-ориентированное наречие вводит субъект, кореферентный субъектному актанту ПА, объектно-ориентированное наречие вводит субъект, некорреферентный субъектному актанту ПА.

Примеры:

А1. Отец уехал безотлагательно:: Отец не откладывал то, что
отец уехал; Ветераны бесплатно₁ пользуются городским тран-
спортом :: Ветераны не оплачивают то, что ветераны пользуются
городски м транспортом.

А2. Приходит из города человек с ружьем и забирает (у крестьян)
зерно... фактически бесплатно₂ (Л.Воскресенский) :: Чело-
век не оплачивает зерно, которое этот человек забирает (у крестья-
ян); Петров незаслуженно₂ получил премию :: Петров не заслужил
премию, которую Петров получил;

Б1. Пастух Хачик бесплатно₃ пасет в горах овецек Андреаса (В.
Гроссман) :: Андреас не оплачивает то, что пастух Хачик пасет
в горах овецек Андреаса; Я мог бы беспрепятственно осмотреть
все его (дворца) роскошные помещения (А.Куприн) :: Никто не
препятствовал тому, чтобы я мог осмотреть все... помещения.

Б2. Горничная неслышно двигалась по пушистому ковру (Л.Андреев)
:: Никто (возможно, персонаж и/или говорящий) не слышал
того, как горничная двигалась по пушистому ковру; Минводхоз бес-
контрольно расходовал средства на проект переброски северных
рек :: Никто не контролировал то, как Минводхоз расходовал сред-
ства на проект переброски северных рек.

В приведенной серии примеров подгруппы А и Б иллюстрируют упо-
требление субъектно- и объектно-ориентированных наречий, соот-
ветственно. Разбиение внутри подгрупп отражает реализацию раз-
личных способов связи предикаций в толкованиях (юнкции по фак-
ту в А1, Б1, по дополнению – в А2, по глаголу – в Б2).

Особого внимания заслуживает вопрос о референциальных свой-
ствах именных групп (имен), служащих для названия субъекта,
имплицитно заданного наречием. Именная группа (ИГ), называя
подразумеваемый субъект, может быть референтной, т.е. обозначать
индивидуализированный объект, либо нереферентной, если объект не
индивидуализирован. Особенно интересен случай, когда референци-
альное тождество потенциального и фактического субъектов нере-
levantно. Денотативный статус, или тип референциального пред-
назначения (Е.В.Падучева 1985, с.83) субъектного актанта глубин-
ного прототипа наречия способен варьировать в зависимости от
того, какого рода актуализатор (там же, с.85) присутствует в ИГ.

СФЕРЫ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА ДЕЙСТВИЯИ СЕМАНТИКА НАРЕЧИЯ

В качестве категориального средства характеристики действия в русском языке используется наречие – поверхностный, синтаксически обусловленный вариант лексемы, глубинным прототипом которого может быть элементарное высказывание (с одним предикатом), многокомпонентная цепочка высказываний (суперпозиция предикатов), актант или атрибут актанта. Среди наречий, глубинными прототипами которых являются двухвалентные предикаты, особый интерес представляет группа, обнаруживающая связь со сферами субъекта и объекта действия. Субъектно-объектную ориентированность относят к категориальным признакам таких наречий. При этом под субъектно-объектной ориентированностью подразумевают следующее: "Сущность этого явления состоит в том, что взаимодействие адвербиальных (обстоятельственных) и глагольных (предикатных) значений в условиях тех или иных индивидуальных и типовых контекстов (при участии таких факторов, как специфика категориальных типов субъектов, предикатов и объектов, наличие / отсутствие оценочных элементов значения и др.) способно блокировать одну из актантных связей наречия, поворачивая его в ту или другую сторону и замыкая его либо в субъектной, либо в объектной сфере" (Пеньковский 1987, с.89).

При построении формализованных описаний наречий, осложняющих высказывание дополнительной предикацией указанного типа, следует учитывать кореферентность валентностей основной и дополнительной предикаций, семантическую согласованность актантов глагола и актантов глубинного прототипа наречия.

Глубинно-синтаксическая структура предложения с наречием, отражая зависимость одного предиката от другого, представляет собой конструкцию с предикатным актантом (ПА), причем глубинный прототип наречия выступает в качестве носителя валентности на ПА. Если прототип наречия выступает как двухвалентный предикат, то одну из его валентностей замещает ПА – глубинный аналог определяемого наречием члена предложения с его зависимыми. Этот ПА обладает минимумом одной собственной валентностью. Субъектно-ориентированное наречие вводит субъект, кореферентный субъектному актанту ПА, объектно-ориентированное наречие вводит субъект, некорреферентный субъектному актанту ПА.

Примеры:

А1. Отец уехал безотлагательно:: Отец не откладывал то, что
отец уехал; Ветераны бесплатно₁ пользуются городским транспортом :: Ветераны не оплачивают то, что ветераны пользуются городским транспортом.

А2. Приходит из города человек с ружьем и забирает (у крестьян)
зерно... фактически бесплатно₂ (Л.Воскресенский) :: Человек не оплачивает зерно, которое этот человек забирает (у крестьян); Петров незаслуженно₂ получил премию :: Петров не заслужил премию, которую Петров получил;

Б1. Пастух Хачик бесплатно₃ пасет в горах овец Андреаса (В. Гроссман) :: Андреас не оплачивает то, что пастух Хачик пасет в горах овец Андреаса; Я мог бы беспрепятственно осмотреть все его (дворца) роскошные помещения (А.Куприн) :: Никто не препятствовал тому, чтобы я мог осмотреть все... помещения.

Б2. Горничная неслышно двигалась по пушистому ковру (Л.Андреев)
:: Никто (возможно, персонаж и/или говорящий) не слышал того, как горничная двигалась по пушистому ковру; Минводхоз бесконтрольно расходовал средства на проект переброски северных рек :: Никто не контролировал то, как Минводхоз расходовал средства на проект переброски северных рек.

В приведенной серии примеров подгруппы А и Б иллюстрируют употребление субъектно- и объектно-ориентированных наречий, соответственно. Разбиение внутри подгрупп отражает реализацию различных способов связи предикаций в толкованиях (юнкции по факту в А1, Б1, по дополнению – в А2, по глаголу – в Б2).

Особого внимания заслуживает вопрос о референциальных свойствах именных групп (имен), служащих для названия субъекта, имплицитно заданного наречием. Именная группа (ИГ), называя подразумеваемый субъект, может быть референтной, т.е. обозначать индивидуализированный объект, либо нереферентной, если объект не индивидуализирован. Особенно интересен случай, когда референциальное тождество потенциального и фактического субъектов нерелевантно. Денотативный статус, или тип референциального предназначения (Е.В.Падучева 1985, с.83) субъектного актанта глубинного прототипа наречия способен варьировать в зависимости от того, какого рода актуализатор (там же, с.85) присутствует в ИГ.

Рассмотрим ряд примеров (актуализатор подчеркнут): (1) Он уехал неожиданно₂ для меня. (2) Он уехал неожиданно₂ для всех нас. (3) Он уехал неожиданно₂ для всех. (4) Он уехал неожиданно для многих. (5) Он уехал неожиданно₂ для нескольких человек. (6) Он уехал неожиданно₂ для одной девушки. (7) Он уехал для кое-кого неожиданно₂. (8) Он уехал для кого-то неожиданно₂. (9) Он уехал для некоторых из нас неожиданно₂.

В толкованиях фраз (1), (2) фигурирует референтная группа с денотативным статусом определенности, обозначающая конкретное множество лиц, известное говорящему и слушающему; в (3) – нереферентная ИГ с универсальным денотативным статусом, обозначающая абстрактное множество лиц. В (4), (5), (6), (7) – референтная слабоопределенная ИГ, обозначающая объекты, известные говорящему, но предположительно неизвестные слушающему. В (8), (9) – референтная ИГ с неопределенным денотативным статусом, называющая объекты, неопределенные для говорящего.

К нереферентным ИГ с универсальным денотативным статусом относятся субъектные актанты наречий беспрепятственно, безупречно, безукоризненно, неопровержимо, неотвратно, непоправимо, незримо, неподражаемо и др. В данном случае подразумевается, что не существует лица, желающего и имеющего возможность выполнить некоторое действие. К этой группе можно отнести наречие самостоятельно, получающее следующее толкование: "никто – вообще – не помогал X-у в том, что X осуществил". Ср. интерпретацию наречия самовольно: "никто – из тех, кому положено / кто должен / кто имеет полномочия – не разрешал X-у то, что X осуществил". Здесь подразумевается, что существует множество лиц, которые могут позволить либо не позволить X-у действовать тем или иным образом, однако это множество неконкретно, неиндивидуализировано. Обозначающая его ИГ является нереферентной и имеет неконкретный экзистенциальный денотативный статус. К этому же типу можно отнести наречия непрошено (кто мог бы попросить, не попросил), принудительно (кто надо, заставил), бесконтрольно (кто мог бы или должен был контролировать, не контролировал), безнаказанно (кто должен наказывать, не наказывал) и др.

Выявленные различия в денотативных статусах ИГ, обозначающих подразумеваемый субъект выраженного наречием действия, должны

найти отражение в записи глубинных толкований наречий на формальном языке, по крайней мере, посредством применения различных актуализаторов.

Выше нами были рассмотрены наречия, вводящие в толкование высказывания дополнительный "агентивный" субъектный актант. Наречие может также вводить объектный актант – "пациент" действия, обозначенного предикатом – глубинным прототипом наречия, например: Лицо ее пугающе строго (М.Горький) :: То, каким строгим есть ее лицо, пугает говорящего ; Девушка пленительно улыбается :: То, как девушка улыбается, пленяет говорящего; Сын поразительно похож на отца :: То, как сын похож на отца, поражает говорящего.

Как видно из примеров, статус прагматического субъекта, от имени которого сделаны рассмотренные высказывания, является неопределенным, поэтому в толкованиях можно ограничиться только ссылкой на говорящего, оставляя за ним роль пациента. К последней группе примыкает группа наречий возмущительно, занимательно, оскорбительно, раздражающе, удручающе и т.п. Отметим, что все они имплицитно выражают смысл "следствие", который явно не выражен в толковании, но присутствует в лексической семантике предиката – прототипа наречия.

Литература

Е.В.Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. М., 1985.

А.Б.Пеньковский. Категориальные признаки наречий и их отражение в словаре: I. Субъектно-объектная ориентация // Сочетание лингвистической и внелингвистической информации в автоматическом словаре: Материалы Всесоюзной школы-семинара. Ереван, 1987.

Типология конструкций с предикатными актантами. Л., Наука, 1985.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОБЫТИЙНЫХ КОНЦЕПТОВ

В докладе ставится задача выявить способы языкового отражения некоторых концептуальных различий из области событийной (в широком смысле) сферы.

Одной из проблем, занимающих логиков и философов, является вопрос об идентификации (или разграничении) связанных определенными отношениями событий (ср., например, философские обсуждения ситуации, когда Билл выстрелом из револьвера убил Джона). Для лингвиста существенной частью подобных вопросов является вопрос о соответствующей лингвистической идентификации. Например, вопрос о том, можно ли считать некоторую деятельность и ее результат частями (фазами) одного и того же события, тесно связан с вопросом о возможности лексематического отождествления соответствующих языковых выражений (некоторые аспекты этой проблемы известны в литературе под названием "интерфактивный парадокс"). При решении этого последнего вопроса целесообразно принимать во внимание ряд не всегда учитываемых языковых фактов.

Кроме того, предлагаются критерии, позволяющие уточнить некоторые другие проблемы, связанные с релевантными для исследуемой сферы понятиями, такими как "временная локализованность", "агентивность (контролируемость)" и др.

О Г Л А В Л Е Н И Е

В. Д. Апресян. Об описании глаголов со значением действия в словаре синонимов	3
В. Ш. Апресян. Лексикографическое описание глаголов со значением природного процесса	7
Н. Д. Арутюнова. Несколько замечаний о понятии цели	9
Л. М. Байч. Логическое выражение и результат действия	13
М. Б. Бергельсон. Безличные конструкции: действие или состояние?	14
А. Л. Блинов. Теоретико-игровая семантика предложений действия	17
А. В. Бондарко. "Предельность".....	18
Е. Г. Борисова. "Расщепленное действие".....	21
С. Г. Воркачев. Предикаты желания и границы ментальной и акциональной сфер	23
В. Г. Герасименко. К вопросу о глаголах действия и трех сферах познания	26
М. Я. Гловинская. Иллокутивные и перлокутивные эффекты речевых действий в русском языке	29
Н. И. Голубева-Монаткина. Речевые действия подтверждения и опровержения	32
В. Б. Гольдберг. Действие в ряду других явлений поля "целесообразная деятельность"	33
Е. Л. Григорьян. О двух способах представления действия в синтаксической структуре предложения	35
А. П. Гуминский. Диагностика направленного отношения	38
М. А. Дмитриовская. "Неведомая сила".....	41
Анна А. Зализняк. Контролируемость: свойство ситуации или семантический признак слова?	43
В. И. Карасик. Семантика этикетного действия	45
А. Карловска. Каузативный компонент значения русских каузативных глаголов. Модели толкований	47
А. А. Кибрик. Молчание как коммуникативный акт	49
Е. И. Кириленко. Семантические особенности фазовых глаголов английского языка	51
Л. В. Кнорина. Восприятие действий и их обобщение в тексте.	53

С. В. Корзасов. Перформативность и номинация прямой речи.	56
А. Д. Кошелев. Семантическая структура глагольного действия.	58
Г. Е. Крейдлин. Цель и предназначение	61
М. А. Кронгауз. Диалог как игровое действие	63
Г. И. Кустова. О видах действий и видах контроля	66
О. В. Латина. Деонтическая модальность как компонент семантики идиом, обозначающих поведение	68
Е. Н. Левинтова. Действия в культуре оргдеятельностных игр.	71
Т. Л. Ляхнович. Об одном грамматическом способе выражения глагольной множественности	74
В. В. Мерлин. Слово и дело и слово как дело	77
Н. Н. Михайлов. Два способа организации действий в сюжете художественного текста	79
Е. В. Муравенко. Средство как разновидность орудия	82
Н. В. Павлович. Действие в системе словесных поэтических образов.	85
Е. В. Паручева. Глаголы действия и их сочетаемостные свойства	88
А. Б. Пеньковский. Внутреннее отрицание: из глубины к свету	92
Н. Н. Перцова. Пространственные отношения и их метафоризация при предикатах действия	95
Л. А. Прозорова. Место и действие в аспекте коммуникативной перспективы	96
С. Г. Проскурин, Ш. С. Степанов. Концепт "действие" в контексте мировой культуры	100
Т. В. Радзиевская. ЦЕЛЬ в ряду родственных концептов.	102
Р. И. Розина. Действие vs. состояние	104
Д. И. Руденко. "Действие" в контексте конкретности - абстрактности имени.	106
Н. К. Рябцева. Лингвистическая модель рассуждения: мысль как действие	110
Л. Б. ЛЕБЕДЕВА. ПРЕДИКАТЫ ДЕЙСТВИЯ И РЕФЕРЕНЦИЯ СУБЪЕКТА	113
Т. Н. Снитко. Превращенные формы действий	114
С. Л. Сахно. Действие и поступок	116
Тань Аюлуан. Агентивность и оценочный модус предложения.	117
М. А. Таривердиева. Модальные характеристики действий в	

логике и языке: сходства и различия.....	121
М. В. Филиппенко. Глагол в контексте наречия образа действия: наречие САМОСТОЯТЕЛЬНО.....	124
В. И. Хайруллин. Действие и результат: две модели одной структуры.....	127
О. А. Хлебцова. Сема "действие" в семантической структуре каузативных глаголов и характер ее номинации.....	128
С. Н. Цейтлин. Некоторые трансформации актантной структуры предложения.....	131
И. Б. Шатуновский. Действие и справедливость.....	133
Н. В. Шишова. Моделирование языковых клише как особого вида вербальных действий.....	136
Х. Нийм. Действия и их детерминанты: когнитивно лингвистический анализ.....	138
Е. С. Яковлева. Модально-оценочные аспекты временной квантификации.....	139
Г. Г. Яровая. Сферы субъекта и объекта действия и семантика наречия.....	142
Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Лингвистический анализ событийных концептов.....	146

Подписано к печати 22.02.91
 Объем 9,25 п.л. Печать офсетная
 Тираж 290 экз. Зак. 63

Издательство "Наука"
 Главная редакция восточной литературы
 103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства "Наука"
 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

